

10.335
1974

ლიტერატურა

გეოგრაფია

50

10 335

9

1974

10.335
1974

Литературная Грузия

*Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал*

100.115

Орган Союза писателей Грузии

СЕНТЯБРЬ

19 Издательство ЦК КП Грузии 74

ქ. ბაგდასის სტ. 1-1-1

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

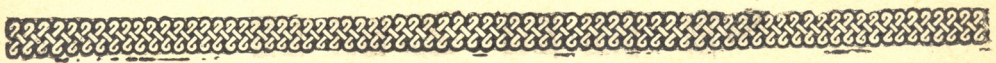
ქვეყნის მწიგნობრობის მინისტრის განკარგულებაში
და საზოგადოებრივი-კულტურული ურთიერთობების
საქართველოს საბჭოთა მწიგნობრობის კავშირის ორგანო

წელიწადი მე-18

№ 9

სექტემბერი, 1974 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწიგნობრობის კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

- Григол АБАШИДЗЕ,**
- Тенгиз БУАЧИДЗЕ,**
- Марк ЗЛАТКИН,**
- Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,**
- Серго КЛДИАШВИЛИ,**
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,**
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,**
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,**
- Гурам ХАРАИДЗЕ**
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ**
(ответственный секретарь),
- Георгий ХУЦИШВИЛИ,**
- Эммануил ФЕЙГИН,**
- Алеко ШЕНГЕЛИА.**

Год издания

18-й

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

ТБИЛИСИ, 380008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора — 93-13-57

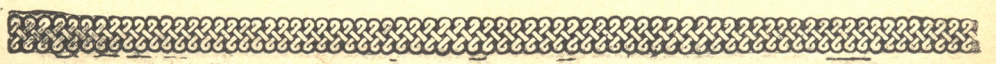
Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор **КОРИНТЭЛИ К. Н.**) — 93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор **ЗИНИНА В. Б.**) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор **ДОБРОДЕЕВА Л. Т.**) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Технический редактор **Макалатия Г. Н.**

Корректор **Галионджян Н. А.**

© «Литературная Грузия». 1974 г.

Содержание:

ПОЭЗИЯ

АРНО ОНЕЛИ. Снова Риони. Мастер орнамента. Перевод Юрия Окунева	5
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. «Воды шумные Вани и Шумта...» Кривое зеркало. Птицы. Перевод Михаила Синельникова	6
ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ. Шапка поэта. Баллада, в которой переводчик вымалывает прощение у Франсуа Вийона. Кизил. Жюль Верн. «Блещет снег, закат упорно...» «О, хотя и никем он совсем не приходится мне...» Золотые рыбки. Перевод Юнны Моридц	7

ПРОЗА

АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. «Слышу, иду!» Рассказ. Авторизованный перевод Эммануила Фейгина	10
ИОРАМ ЧАДУНЕЛИ. Приговор. Роман. Перевод Николая Аккермана	18
МАРИНА ГЕЛЪВИ. Старики. Рассказ	30

ОЧЕРК

ВЛАДИМИР АЛПЕНИДЗЕ. Пути и встречи	39
--	----

К 40-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

БЕСО ЖГЕНТИ. Съезд великого единения	47
--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В 70-е... На анкету «Литературной Грузии» отвечают литературные критики Александр Дымшиц, Иосиф Гринберг, Семен Трегуб, Евгений Осетров и Лев Аннинский	56
ЛЕО МЕНАБДЕ. Первый поэтический привет русской поэзии	62
ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. Неисчерпаемый родник . . .	65
ОМАР КАДЖАЯ. Пафос гражданственности . . .	68

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДМИТРИЯ ГУЛИА

ГРИГОРИЙ КЕРЕСЕЛИДЗЕ. Жизнь яркая, как факел .	74
--	----

УЧЕНЫЕ ОБ УЧЕНЫХ

ГИВИ БАХТАДЗЕ. Щедрость таланта	82
---	----

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ПААТА ГУГУШВИЛИ. «Можно ли песню из сердца украсть?»	86
--	----

В МИРЕ КНИГ

САРГИС ЦАИШВИЛИ. Важа Пшавела и мифический мир	89
И. ТАБАГУА, А. ЧОХЕЛИ. Новое исследование об Антима Иверийском	94

Арно ОНЕЛИ

Снова Риони

В незапамятный век он, рожденный
на горных вершинах,
Все сметал на пути, своим буйством
преграды крушил он.
Все мольбы горячи, мысли огненны,
рвется вперед он.
Вчера ночью притих, погруженный
в мечты и дремоту, —

Парахульской свирелью рассвет
повстречает Риони...
Мчатся утренней степью, красуясь
своей джигитовкой,
Окропляет он маки росой серебристою
ловко.
По обычаю прадедов древнему, он
приветствует нивы,
Салютует ручьям, как приятель,
шутливо, игриво.

И большим, да и малым ручьям,
всем цветам он и травам, —
Всем он свойственник, всем по душе
добротой своей, нравом.
Высоко искрометную чашу вознес,
полон жизни, задора:
Долголетья желает Риони вам — Гэби,
Чиора!

Не останется не замеченной им даже
малая птаха.
Доброта его зоркая, щедрость такого
размаха,
Что охватит всю степь. В его зеркале
чащи лесные
Разостлали парчу, разбросали платки
головные.

Вот идет он, бежит. Нет для отдыха
сил, хоть устал он.
На крутые наткнулся теснины,
на отвесные скалы,
Где лишь только орлы прилетают
порадовать сердце,
Разъярясь, на сумятицу яростных
волн насмотреться.

Гром Риони, как отзыв, к небесному
мчится порогу.
В свете молнии встал на дыбы, помянул
имя бога.

И громаду утеса дерзнул одолеть
одним махом.
И глазам своим небо не верит. Полны
они страхом.

Так великие чувства, родившись, кипят
водопадом.
Он такой, он такой, что к себе он
не знает пощады.
Дорожит он секундою каждой, дорога
его непрерывна.
Бесконечно движенье, звучанье
победного гимна.

Превратится во льва у Сагловло
кипучий Риони.
С ветром Шови дыхание схоже его.
Освежит, если тронет.
Дальше, дальше спешит он туда, где
пока еще не был.
Но ничто он не встретит светлее
грузинского неба

И грузинской земли. Обойти целый
свет, нет, не встретится равной.
Песнь добра здесь не только лишь
люди поют, но ведь даже и камни.
На челе человека любовь. И звучит
она неукротимо:
Я хочу быть навеки, Риони, твоим
побратимом!

В незапамятный век здесь Риони
рожден был на горных вершинах.
Он в чутье свое верил природное
неустранимо.
Все мольбы горячи, мысли огненны,
рвется вперед он.
Вчера ночью притих, погруженный
в мечты и дремоту.

Вот опять и спешит, и поет, хорошея
от тихого пения.
Лиру взяв, струн коснется он — струй
вихревого кипения.
По дороге расспросит о предках. Ничто
любопытства его не состарит.
Подкрадется, притихнув, неслышно
почти подплывет к Хидикари,
Только здесь успокоившись, бег свой
изволит умерить Риони...

Мастер орнамента

Маг великий ты — мастер орнамента.
Изумлен перед каменной твердью я.
Сам себе изумляется камень-то:
Не орнамент на нем, а бессмертье.

Вырезая, ты выразил Грузию:
Гроздь, лоза ли — душа неоглядная.
Ничего твое зренья не сузило:
Чет или нечет — все четкое, ладное.

Ритм литой, ничего постороннего,
Даже капли росы — впрок работали.
Соловьев — одописцев гармонии
Ввел в узор, не оставил сиротами.

Трое имя — веков песнопение,
Отсвет рук — отзвук дерзости давней,
Твой орнамент — величье терпения,
Соловьиное пение камня.

Перевод Юрия ОКУНЕВА

Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ

* * *

Воды шумные Вани и Шуамта,
И деревья,
И лозы, и хмель,
И поля,
И холмов снеговых высота,
И до неба доставшая ель,

И базилик богатства,
И памяти клад,
Землянка весенней земли...

Дай, судьба, мне забвенья, и казнь, и закат,
Лишь стране долголетья пошла.

Кривое зеркало

Стих,
как путь с обрыва,
Хром и кривоног,
Зеркало,

ты — криво!

Искривлен клинок.
Сабли засверкали...
Искривленный меч,
Лишь тебе из стали
Искры не иссесть.
Трудно в поединке
Этому мечу...
Прямизну тропинки
Сам я протопчу,
В поле снеговое

Двинусь напрямик...
Зеркало кривое,
Искаженный лик!
Вереница масок,
Тлен души и смерть,
Криводушье красок,
Вихрей круговерть.
Скука и зевота,
Жизнь твоя легка,
И смешна работа
Красного быка.
Он по косограм
Тянет тяжкий плуг...
Что ж раскосым взором
Смотришь ты вокруг?

Спит в скворечне птица,
Ночь ее темна...
Завтра устремится
В край весны она.

Смотрит лик печальный
Сквозь туман и дым,
Шепчет
Круг зеркальный
Голосом кривым,
И прохладой веет:
— Искривленный меч
Искры не сумеет
Из меча иссесть.

Птицы

Тишина.
Дремлют птицы.
Ночуют на дереве птицы.
Тишина. Не качай, сонный ветер,
Упругих ветвей.
Невесомые птицы ночуют на дереве.
Птицы

Видят сиянье. Им снится пустынь
суховей.
Снятся птицам пустыни,
Пески с караванной дорогой,
Опаленные полднем и полыханьем
зари.
Ночь. Трепещущий ветер,

Упругие ветви не трогай,
Очага и пристанища птичьего
Не разори!

Дождь,
Не вырвись из туч,
В эту ночь не пойдй ненароком,
Потерпи, потерпи, накопившийся град,
Снегопад.
Не раздайся, река,
В наводненьи, слепом и жестоком...
Нет у дремлющих птиц
Теплых платьев и теплых палат.

Спят за пазухой ночи...
Их головы листья укрыли,
Облекли их тела
Уплывающих снов облака.
Листья, не облетайте;
Сложите широкие крылья,
Подождите чуть-чуть,
Облака,
Не волнуйтесь пока!
Сон висит на весу.
Веки тяжкие замкнуты плотно,
Студят узкие клювы ленивые капли
росы.

Далеко до зари...
Пусть же птицам вздохнется
вольготно,
Пусть не ляжет на них груз предгрозя
И ярость грозы.
Грех
Мешать мирным снам,
А деревья шумят многолисто,
Бурелом шевелится, и светятся
неба концы,
Птицы, спите в покое,
Чтоб утром запеть голосисто,
Зазвенеть на ветвях,
Как серебряные бубенцы.
Сокол
Выпустил когти,
Орлы
Затаились в теснине...
Эту краткую ночь потерпи, пережди,
Снегопад;
Буйный ветер, уймись,
По ошибке не выпади, иней,
Не рассыпайтесь, зарницы...
Спят птицы,
На дереве спят.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Гиви ГЕГЕЧКОРИ

Шапка поэта

Мы в данное время находимся дальше,
Чем звездное тело от звездного тела.
Но быстро достигнешь земного предела.
Так быстро светало. Так быстро
стемнело.
Я сделаю все, чтоб тебе объяснилась
Идея судьбы, благородного света.
В чудовищном сне Мономаху не
снилась
Чугунная, тяжелая шапка поэта.
Молчанье мое не причисли подспудно
К духовному нищенству, к немощи
труса,
Ведь я кочегарю огромное судно,
Поэтому гнаться за пламенем глупо.
Суровых молчаний великая книга,
Не ты ли учила достоинствам главным?
Я жду терпеливо пришествия мига,

Который все тайное делает явным.
Поэзия стала для многих игрою,
Для многих — мостом из одной
волосинки,
Где даже герой не поможет герою,
Руки не подаст, не затеплит лучинки.
И если глагол кроветворен для речи,
Цветистый раствор не поможет
подкожно.
Как раненый, слово ложится на плечи:
Нести — невозможно, а бросить —
безбожно.
Я сделаю все, чтоб тебе объяснилась
Идея судьбы, благородного света.
В чудовищном сне Мономаху не
снилась
Чугунная, тяжелая шапка поэта.

Баллада,

в которой переводчик вымалывает прощение у Франсуа Вийона

Ты смущал меня, в смуте могучей
Август огненный кончился быстро.
Я, ничтожный, любовью измучил
Стихотворного мага, магистра!
Я, невежда, засел за Ронсара,
В Ламартине, в Гюго растворился,
Чтобы личность твоя воскресала,—
О, прости, что я так расхрабрился!

Я метался в твоих монологах,
Ты скитался ночами со мною,
Ради правды, не ради подлога
Я вселил тебя в небо иное,

Я, как вор из отпетых и битых,
Не за тем, чтобы ты разорился,
Снял брильянты с баллад знаменитых,—
О, прости, что я так расхрабрился!

И прости, если в море блаженства
Я твое за свое принимаю,
И огонь твоего совершенства
Над судьбою своей поднимаю.
Это спор моей страсти и боли
Страстью, болью твоей озарился.
Ни во что и не метил я боле...
О, прости, что я так расхрабрился!

Кизил

Одушевленный взгляд природы,
На пустыре живая сила,—
Таким я вдруг тебя увидел,
Веселый желтый куст кизила.
Сквозила тема очной ставки
С недостижимым идеалом
В том целомудрии, с которым
Ты спас мой дух, пронзенный жалом.
Ты не угаснешь, ты обязан
Светиться днем и на закате,
Души дрожащая туманность
И светлый призрак благодати!
Тебя ломают непогоды,
Чтоб вырвать с корнем дух свободы,
Но ты — живая кость природы,
Но ты — живая мысль природы.
И если вдруг в моем сознанье
Погаснешь на одно мгновенье, —

Не охладится мирозданье,
Но чем зажечь стихотворенье?
Меня шатает опьяненье,
Когда костер твой — по соседству:
Ты чист, как детские печали,
И очищаешь выход к детству.
Ты тянешь огненное тело,
Душа горит неизменно,
В пожаре твоего расцвета
Трещит асфальт, бетон модерна.
Я уничтожен этой мощью,
Недостижимым идеалом,
Фонтаном жизни, взрывом страсти,
Кровей напором небывалым.
Ты не поймешь, как я нуждался
В тебе, мой желтый куст кизила,
Какой награды я дождался,
Какая участь мне грозила!

Жюль Верн

Детства и снов горизонт великанский
Стал паруса разворачивать вдруг,
На мне высыхает их пот океанский,
Меня будоражит их запах и звук.

Сходим на острове, бродим в пустыне,
Соль и песок отираем со щек,
Косые лучи, как штрихи на пластине,
Ложатся на лица и гладят, как шелк.

Цепью спускаемся в сумерки трюма, —
Ржавого якоря ржавая цепь.
Тоска и безмолвие дают угрюмо,
И спины горбатит могильная степь.

И смерть безобразная, длинная, грязная
Метит под вздох и лелеет реванш,

И Темза, и Виндзор, и многое разное
Вдали остаются, и узок Ла-Манш...

Где-то игрушечный дом остается,
И остается камин, гобелен,
И Гибралтарского рая воротца.
А дальше, а дальше — святая Элен.

Где-то остались вдали и поблекли
Перед, табак, эвкалиптов листья,
Трошки, рваное облако в пекле,
Галапагосские острова.

Штормы вдали остаются и штиты,
Голод, отчаянье, страх нелюдской.
Мы смотрим, как волны бутылку

схватили
И вертят ее на дороге морской.

* * *

Блещет снег, закат упорно
Освещает камня целость.
Почему же до сих пор я
Жил не так, как мне хотелось?..

Пламя бело-голубое
Зимний день раздул на свете,
То с тобой, то за тобою
Взор мой плавал в снежной Мцхете.

Все, что прежде было пыткой,
Жгло, угаснуть не желая,
Вдруг повисло снежной ниткой,
Словно немощь неживая.

День подобен катапульте —
Гнется памяти ограда.

Мы живем при снежном культе,
Чтим обряды снегопада.

Смерзлась мерзость, низость, гадость,
Землю вычистило небо,
Снег — нечаянная радость,
Я спасен победой снега.

Чтобы зрелость озарилась —
Для тебя, тобой, с тобою,
Брошу дней пустых бескрылость
В пламя бело-голубое.

Блещет снег, закат упорно
Освещает камня целость.
Почему же до сих пор я
Жил не так, как мне хотелось?..

* * *

О, хотя и никем он совсем
не придется мне,
Но ведь издали машет руками
из поезда мне,

И куда-то едет...
Он куда-то едет, и едет куда-то с ним
заодно
Нестерпимо нежная, пронзительная
мелодия

Прямых и волнистых, далеко идущих
дорог,

И сливаются где-то
И вновь разбегаются рельсы...
Он едет куда-то и машет из поезда
мне,

И с ним заодно исчезают вдали
Жалость к теленку, который упал,

И романтика черепичных окраин...
Арфы ручьев...
Белые звезды ткемали...
Пастух-патриарх,
Жилистый пес, баран-предводитель,
Сиреневый стрелочник,
Широкополье соломенной шляпы,
И крохотный деревенский погост среди
тополей...

Он едет куда-то и машет из поезда мне,
И праздник в душе, оттого что он
машет руками,
И сердце щемит, оттого что он машет
руками,

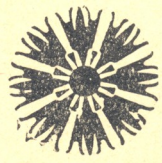
О, хотя и никем он совсем
не придется мне.

Золотые рыбки

Без темы весны расцветает
в прозрачной душе
Застенчивый и беззастенчивый,
Призрачный и очевидный,
Законный и запрещенный,
Мощный и немощный пруттик желаний.
Ты не желаешь в ярме у желаний

Стать восхитительной жертвой
желаний, —
Нет победителей в битве желаний.
О, наотрез откажись, умоляю!
Освободись от улова желаний!
Молча верни океану желаний
Стайку сверкающих золотом рыбок.

Перевод Юнны МОРИЦ

«Слышу, иду!»

Р а с с к а з

Я подумал, что лучше всего мне заночевать у зенитчиков, хотя знал, что для этого придется пройти — от околицы до околицы — весь районный центр, а затем еще долго, около часа, пожалуй, карабкаться на Джиху. Снизу, если смотреть из села, эта в сущности невысокая гора похожа на бухарскую шапку, небрежно брошенную кем-то на курчавую зелень чайных плантаций. К тому же, в довершение картины, что ли, шапка та обвита белым позументом тропы. Красиво, ничего не скажешь! Но, насколько мне помнится, это отчаянно неудобная и вовсе не легкая тропа: полпуда известковой пыли съешь и семь потов прольешь, пока ее одолеешь. Удовольствие, скажем прямо, небольшое, но зато была вероятность встретить на зенитных батареях кого-нибудь из тбилисских друзей. А здесь, в селе, в котором я мальчишкой и юнцом бывал несколько раз, у меня теперь не было ни одного знакомого. Нет, не припомню что-то...

Сейчас попал сюда проездом: мне поручили сопроводить в один из полков, прикрывающих перевалы Кавкасион, машину с подарками тбилисцев и, если представится возможность, почитать бойцам стихи — свои и товарищей.

Итак, решено: я пойду к зенитчикам, а полуторку с подарками поставим во дворе военкомата — двор охраняется, и водитель тоже сможет отдохнуть.

Разыскивая военкомат, медленно едем по сельским улицам. Почти все время я вижу сквозь ветровое стекло Джиху. Точнее, ее вершину, на которой стоит каменное здание с плоской кровлей. Теперь в том здании разместились зенитчики. А много лет назад, в годы моего детства, это была церковь. Небольшая церковь, но, помню, мне говорили, что в древности она была лишь частью, бастионом, большой церкви-крепости, поставленной нашими предками на вершине Джихи и для молитв, и для защиты от врагов. Высокие стены с бойницами, окружавшие прежде тот храм, я уже не застал, но слышал, будто камни, из которых они были сложены, до сих пор служат людям. Камни эти легли в фундаменты многих крестьянских домов в окрестных селах. Что ж, хорошая, добрая служба.

Одним словом, кроме малой той церквушки, ничего не осталось на Джихе от великого прежде храма-крепости. Может, конечно, археологи что и обнаружили или обнаружат, но сам я ничего такого не увидел. Зато церквушка меняла свой облик, можно сказать, на моих глазах. Зброшенная, уже ненужная людям для общения с небом и для обороны от врага, она стала как-то уж очень быстро дряхлеть (вначале я почему-то не замечал этого, а потом, изредка приезжая сюда, начал с грустью замечать), пока вдруг снова не понадобилась крестьянам, но уже для иных, хозяйственных нужд, и ее усердно принялись подкреплять, подновлять, перестраивать... Однажды, приехав, я увидел бывшую церквушку уже без купола, и тогда мне почудилось, что и сама Джиха

стала от этого как-то ниже, а небо, которого она прежде почти касалась, наоборот — выше. Но мало ли что может нарисовать юношеское воображение. А сейчас, глядя на Джиху сквозь ветровое стекло автомобиля, я думал: «Молодцы, зенитчики, хорошо, что они забрались на Джиху, как-никак ее вершина близка к небу, которое им доверено защищать».

Едва я вошел в кабинет райвоенкома, как он поднялся из-за стола и порывисто шагнул мне навстречу.

— Как не узнать?! Это же Бондс, мой школьный товарищ Бондо Абшилава. Вот уж кого не ожидал здесь встретить — я знал, что Бондо с первых дней войны на фронте.

— Бондо, дорогой, какими судьбами? — обрадовался я и, обняв товарища, чуть не вскрикнул от нестерпимой жалости и обиды: правый рукав гимнастерки Бондо был пуст. Во всю длину пуст — от плеча до обшлага. Безнадёжно пуст.

— Вот... Отвоевался, — тихо сказал Бондо. — Теперь других посылаю воевать. Других. А для меня уже все кончено.

— Ну, так уж и все, — сказал я, тщетно пытаюсь придать своему голосу бодрость.

— Все кончилось, все, не воевать мне уже, — еще тише сказал Бондо.

— А где Элисо? — спросил я, желая уйти от тяжелого разговора.

— Она у своих родных.

— Надеюсь, вы уже поженились?

Бондо нахмурился, похоже, что ему не хотелось говорить об этом, но, перехватив мой взгляд, — а я опять невольно посмотрел на пустой рукав его гимнастерки, — сказал:

— Когда я приехал из госпиталя, Элисо встретила меня так... Да что я тебе говорю, ты же сам знаешь характер Элисо.

Да, я знал характер Элисо — она из тех девушек, что, не дрогнув, отдадут за любимого свою жизнь. И это не слова. Так что же мешает Бондо и Элисо пожениться? Конечно, не пустой рукав, даже подумать об этом и то грешно — ведь они чуть ли не с детства любят друг друга.

— Так что же? — вслух спросил я. Бондо не ответил. Он достал из нагрудного кармана ключ, подошел к несгораемому шкафу и долго возился, пока открыл его тяжелую дверцу, а затем протянул мне небольшой листок бумаги, с лиловым угловым штампом. У меня потемнело в глазах: бумажка эта сообщала о гибели Баги. Нашего школьного товарища Баги. Я всегда уважал и любил Баги, но Бондо любил его сильнее, потому что Баги был братом Элисо. Ее единственным, обожаемым братом.

— Элисо знает? — спросил я.

— А как я ей скажу? Нет, пока не могу. Она все время беспокоится, что от Баги нет писем. А я запросил по нашим каналам... И вот ответ.

— У Баги была невеста, — вспомнил я.

— Была. Мы даже хотели сыграть наши свадьбы вместе, в один день. Вернемся с войны и сыграем, решили мы с Баги. Да вот, не довелось. Нет уже Баги. И где Кетино, мы тоже не знаем, — она ведь военфельдшер.

— Да, беда, — сказал я.

— Беда, — подтвердил Бондо. — Страшная беда, трудно все одолеть, а надо.

— Надо, — вздохнул, согласился я.

Некоторое время, пока Бондо не вспомнил, что я гость, мы молчали.

— Что же это я! — всполошился Бондо. — Ты ведь с дороги и есть, конечно, хочешь, и отдохнуть.

— Не беспокойся, Бондо, я пойду на Джиху к зенитчикам. Там и поужинаю, и заночую.

— Куда ты пойдешь на ночь глядя?! И не думай.

— Ладно, я и здесь могу отдохнуть.

— Здесь не отдохнешь. Сегодня у нас, можно сказать, всенощная, пожалуй, до утра работать будем. А вот в хорошей семье фронтовика я тебя устрою. Тут неподалеку. Домешко, правда, неказистый, но зато, повторяю, семья прекрасная: хозяин — учитель, сноха его — фармацевт, а внучок Гога — наш военкоматский воспитанник. Ну, вроде сына полка.

— У него же родные есть.

— Ну и что же. Пойдем, я тебе по дороге все расскажу.

Учителя Темраза Гвинериа Бондо обрисовал немногими словами: это был во всех отношениях добрый богатырь. К тому же он обладал могучим голосом:

бывало, расхохочется Темраз — начинают звенеть оконные стекла, гаркнет шутки ради — раснут свечи и керосиновые лампы. Короче говоря — сила! Был он саженого роста, широк в плечах, носил седую окладистую бороду и длинные волосы, как у попа. «Тебе, Темраз, только рясы не хватает», — подтрунивали бывало, соседи, и Темраз сердито отмахивался — он не верил в бога и не любил рясоносцев, считая их дармоедами, зато труженников крестьян Темраз глубоко уважал, а в крестьянских детях и вовсе души не чаял и потому отдавал школе все свои силы. Темраз очень горевал, когда пришлось ему уйти на пенсию и расстаться с учениками. Но что поделаешь — старость. Темраз занялся было своим домашком, который после смерти жены изрядно запустил, но, подправив все, что надо было подправить, и покрасив все, что надо было покрасить, старик снова остался без дела и без повседневных забот. А как без этого жить человеку?!

К счастью, вскоре вернулся из Тбилиси Георгий, учившийся там на фармацевта, единственный сын Темраза. Вместе с Георгием приехала и его однокурница Тамара. Темраз горячо обрадовался и сыну, и снохе, а когда Тамара родила ему внука, то у старика, можно сказать, началась вторая молодость.

Родив сына, Тамара оставила работу и теперь лишь изредка — где ей было взять свободное время — забегала в аптеку, если там дежурил муж.

Однажды под вечер, когда Темраз отправился на базарную площадь, где в такие часы обычно встречался со старыми друзьями, Тамара принарядила мальчика и пошла с ним в аптеку. Резкий запах лекарств не понравился ребенку. «Хочу домой!» — тут же заявил он и, заметив, что мать не собирается выполнить его требование, отчаянно заревел. Тамара вывела сына на улицу и, желая как-то успокоить его, нажала на кнопку ночного вызова. Услышав звонок, Георгий тоже включился в игру и, побежав в дежурку, нажал на кнопку ответа. На дверях аптеки вспыхнули красные буквы: «Слышу, иду!».

Мальш еще не умел читать, но явившийся по звонку красный свет развешил его. Когда красный свет погас, Гога захотел снова вызвать его и уже сам нажал на кнопку звонка. И опять на дверях вспыхнули красные буквы: «Слышу, иду!».

Маленький Гога потребовал, чтобы ему показали, где живет красный свет, и мать повела его в дежурку.

— Здесь он спит?

— Да, здесь.

— А где он сейчас?

— Пошел прогуляться с нашим дедушкой Темразом.

— А он вернется сюда?

— Конечно, ведь это его дом. Дедушка пойдет к себе домой, а красный свет — к себе. И ляжет спать. И тебе, маленький, тоже пора в постельку. Пошли.

— Пошли, — кокорно сказал мальчик. Лицо его стало серьезным и задумчивым — он прикоснулся к тайне, которую хотел во что бы то ни стало разгадать. Но разве сразу ее разгадаешь?

Теперь всякий раз, когда мать брала его с собой в аптеку, мальчуган сам тянулся к черной кнопке на дверях и крепко нажимал на нее пальцем, прислушиваясь к длинному, зовущему звонку. Но вот вспыхивали красные буквы: «Слышу, иду!», и Гога замирал в радостном ожидании: сейчас появится отец. И верно: тотчас же вслед за красным светом появлялся белый — это Георгий в белоснежном провизорском одеянии, широко раскинув руки, спешил навстречу сынишке. Затем они втроем — Гога, Тамарико и Георгий — усаживались на лавочке перед аптекой и все никак не могли наговориться, и все никак не могли наглядеться друг на друга. Заметив, что мальчика начинает одолевать сон, Тамара уводила его домой, и, если дед Темраз встречал их у калитки, Гога радовался, значит, там, к отцу в аптеку уже вернулся красный свет. Вот и хорошо, отцу уже не будет скучно на ночном дежурстве. Красный свет — таинственный и, несомненно, могущественный товарищ отца, и в представлении маленького Гоги они почти неотделимы друг от друга. Однажды, когда поленья в очаге вспыхнули высоким пламенем, мальчик раскапризничался, требуя объяснить ему, почему тут же вслед за красным светом не появился отец. Тамара попыталась объяснить, но сын так и не понял ее. Зато малыш уже хорошо понимал, что такое лекарство. Он уже не раз слышал, как люди говорили отцу: «Пошли тебе, боже, много лет жизни. Помоги мне, сынок, дай лекарство». И отец давал лекарство. Хорошее лекарство — у отца в аптеке, которая для маленького Гоги была подобна царству доброго волшебника, все лекарства были хорошими, добрыми, целительными. И когда больные выздоравливали, они горячо благодарили отца за избавление от хвори. «Да будет благословенна твоя десница, спас ты меня, Георгий», — говорил вчерашний больной, и, слыша это, мальчик проникался все большей гордостью за отца: «Какой он у меня добрый и сильный — всем помогает, всех спасает».

Вскоре после отъезда Георгия на фронт маленький Гога заболел. В обычное время такая болезнь не опасна, и длится она у ребят всего несколько дней, от силы неделю, но мальчик тосковал по отцу — в жару он чаще всего называл его имя и все порывался бежать к нему туда, за море, на керченский берег, — и это, надо полагать, делало его болезнь и затяжной, и опасной. Соседи уже горестно перешептывались: «Георгий там, на фронте, в страшном огне, и кто знает, жив ли... И там, видать, беда, и здесь беда... Не выживет, пожалуй, мальчонка, сгорит». Сердобольные женщины даже всплакнули: «Ох, горе наше горькое», только беду слезами не одолеешь, с бедой надо бороться, и бывшие сослуживцы Георгия — врачи и фармацевты, дали бой болезни его сына. Им удалось отвести от Гоги смертельную опасность, но мальчику предстояло еще много дней лежать в постели — ноги и руки не слушались его, так он ослабел.

В один из таких дней во двор Темраза зашел по какому-то делу новый райвоенком Бондо Абшилава. Узнав, что в доме есть больной мальчик, сын фронтовика, комиссар спросил хозяина:

— А к нему можно? Окажите такую честь, прошу вас.

Гога обрадовался, увидев военного.

— Ты кто, дядя? Товарищ моего папы?

— Конечно. Там, на фронте, мы все друзья и товарищи.

— **А ты видел моего папу?**

— А как же — видел. Я тогда раненый ехал с фронта, а он — на фронт, — сказал Бондо, и тут только мальчик заметил, что один рукав у гостя пустой и смятый.

— Дядя, а где ваша рука?

Бондо смутился...

Что сказать мальчугану? Сказать, что был бой, что рядом упал снаряд и потом были страшная боль и муки, нестерпимые муки и желание умереть поскорее, лишь бы не мучиться... Нет, этого говорить нельзя, у Гоги на войне отец, и мальш сразу подумает о нем. Постой, постой, а ведь отец у мальчугана фармацевт...

— Понимаешь, мне немного не повезло, — сказал Бондо. — Бывает, что человеку так не везет... Понимаешь, разорвался фашистский снаряд, никого из наших не задел, а меня, на тебе, — ранило. А твой отец, понимаешь, еще только ехал к нам на передовую... И не успел... И вот я потерял руку.

— У тебя не было лекарства, да?

— Я же говорю, что отец твой еще только ехал к нам... А все нужные лекарства были у него в чемодане.

— Не в чемодане, а в сумке с красным крестом, — поправил Гога. — И будь уверен — теперь уже никто не потеряет руку и никто на войне не умрет, потому что папа мой уже там, на фронте...

— Правильно говоришь, сынок, твой отец и меня вылечит. Потому и дождаюсь его здесь, — сказал Бондо.

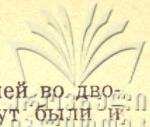
Вскоре комиссар еще раз зашел к больному Гоге, затем стал все чаще и чаще навещать его. Бондо крепко привязался к мальчугану и старался как-то порадовать его, но время было суровое — чем особенно порадуешь ребенка? Игрушки не купишь, шоколад в магазине тоже не продается. И Бондо решил: закажу мальчику военную форму. Гоге комиссар сказал, что эти замечательные сапоги с подковами, шинель, брюки, гимнастерку, шапку с пятиконечной звездой и настоящий солдатский ремень прислал ему с фронта отец и что с этого дня он, Гога Гвинерия, уже тоже боец-красноармеец. Как просияло лицо Гоги! Его уже трудно было удержать в постели, и Тамара, благо стояла хорошая погода, разрешила ему короткие прогулки по двору.

Как-то вечером Гога попросил отвести его в аптеку. Тамара только что вернулась с работы, за день она очень устала и к тому же была нездорова, но сказать о своем нездоровье сыну не решилась — мальчик так непоколебимо верит в силу отцовских лекарств, что просто не поймет, как это можно быть нездоровым, работая в аптеке.

— Это далеко, а ты еще слабенький и можешь снова заболеть, — сказала Тамара.

— Но мы же идем в аптеку, мама, а там лекарства, — возразил Гога. — И потом, я уже не слабый, а сильный, вот потрогай мои мускулы.

...Увидев в окно, что Тамара ведет сына, одна из девушек-фармацевтов сразу же направилась в дежурку — в аптеке все помнили о любимой забаве мальчика. Но для Гоги это уже не было забавой — с тех пор, как отец ушел на фронт, это была первая встреча с его другом — красным светом. Значит, отец там, у себя на фронте, услышал мой зовущий звонок, услышал и незамедлительно, при помощи своего друга-волшебника (хорошо, когда у тебя друзья — добрые волшебники) ответил: «Слышу, сынок, слышу!».

Гога очень шла военная форма, и когда он впервые появился в ней во дворе военкомата, его мигом окружило множество взрослых людей — тут были и работники комиссариата, и призывники разных возрастов, и явившиеся на приписку юнцы-допризывники — и всем сразу пришелся по душе общительный маленький солдатик. Его тут быстро признали своим. С того дня Гога появлялся на военкоматском дворе ранним утром и уходил вечером. Здесь он обедал и ужинал, здесь подкармливал и своего неразлучного друга — белого пса с широкой каймой вокруг левого глаза, за что тот и был прозван Яке¹.

Через некоторое время Гога окончательно поправился, окреп и, поскольку в военкомате все его баловали, начал и озорничать. Как-то, стреляя из рогатки, он разбил стекло в военкомате, и, хотя комиссар попросил Темразу не называть озорника слишком строго, дед все же задал ему основательную трепку — чтобы не баловал, чтобы рос сознательным человеком, а не дармоедом...

Обо всем этом мне весьма подробно рассказал Бондо по дороге к дому Гвинериа. Когда мы подошли к плетню, Бондо крикнул:

— Дедушка Темраз!

Старик сразу ответил и приблизился к плетню.

— Я вам хорошего гостя привел, — сказал Бондо.

— Спасибо, да только смогу ли я его достойно принять?

— Дайте ему подушку и одеяло, больше ничего ему не нужно.

— Что вы, товарищ комиссар! Где же это, в какой стране так принимают гостей. Прошу вас, пройдите к калитке, молодые люди, прошу вас! — сказал Темраз, и мы втроем пошли вдоль плетня — Бондо и я по одну сторону, старик — по другую. Я чувствовал себя неловко, сообразив, с запозданием правда, что доставлю Темразу немало хлопот. Но отступить, не обидев гостеприимного хозяина, уже было невозможно.

— А где наш малыш? — спросил Бондо.

— В аптеке, с отцом своим пошел побеседовать, — сказал старик и без некоторого смущения посмотрел на меня. Но я уже знал, в чем тут дело, и не выразил никакого удивления.

— От сына что-нибудь есть? — спросил комиссар.

Темраз покачал головой.

— У фронтового письма неблизкий путь, — сказал комиссар. — Да и написать его не просто. На передовой особый счет времени.

— Понимаю, — сказал Темраз и распахнул калитку. Бондо попрощался с нами, и я шагнул во двор Темраз Гвинериа. Это был милый моему сердцу крестьянский двор с зеленым травяным ковром меж деревьев и с тихо журчащим родником в дальнем углу. И я сразу почувствовал себя хорошо и просто — как дома.

Вскоре пришли Тамара и Гога.

— Ты что-то рано сегодня, дочка, — сказал Темраз.

— Работы осталось немного, девушки сами управятся.

— Управятся, — сказал Темраз. — А у нас гость, приятный гость, вот и займись ужином, дочка.

— Да, да, я сейчас, отец.

Тамара поспешно направилась в свою комнату, а к нам подошел Гога — босоногий мальчуган в коротких штанишках и белой рубашке. Он вежливо поздоровался со мной и прижался к деду.

— Ну как, поговорил с отцом, Гога? — спросил Темраз.

— Да, дедушка, поговорил, — таким серьезным и деловитым тоном ответил мальчик, что я невольно улынулся и сразу заметил, что моя явно неуместная улыбка рассердила его. Некоторое время после этого мы с Гогой были словно в соре, и я понял, что мне нелегко будет смягчить сердце этого впечатлительного мальчугана.

— А он у вас молчаливый, — сказал я Темразу.

— Молчаливый, говорите? Ошибаетесь, дорогой гость, — сказал Темраз и погладил внука по голове. — Гога у нас и болтунишка, и озорник, ну сущий чертенок, если хотите знать.

— Такой хороший мальчик — и чертенок. Не может этого быть, — сказал я, но Гога даже не посмотрел в мою сторону. «С характером мальчик», — подумал я и спросил: — А где твоя военная форма, Гога?

Тут он не выдержал и посмотрел на меня, с удивлением посмотрел, «откуда, мол, знаешь», но ответил мне холодно и неохотно:

— Летней формы у меня нет. А зимнюю сейчас не носят.

¹ Яке — значок на игровой карте или кости, очко.

Вошла Тамара. Расставив на столе тарелки со скромной домашней закуской, она тихо, почти шепотом спросила свекра:

— Сварить или зажарить?

Темраз вопросительно посмотрел на меня. Я смутился:

— Ради бога, не надо ничего для меня жарить и варить. Мне и без того неловко, что я вас беспокою.

Тамара поджала губы — ей, определенно, не понравились мои слова. — Гостю в таких случаях лучше молчать — все равно он ничего не изменит.

— Сейчас мы с вами закусим чем бог послал, а там и курица поспеет. У нас есть к ней хороший острый соус, — сказал Темраз и сделал едва заметный знак снохе, — иди, мол, занимайся своим делом.

Гога побежал вслед за матерью на кухню, и то, что я потом услышал, вконец расстроило меня.

— Где же мы теперь яички возьмем, мама, где?

— Тише, сыночек, тише... Я куплю другую курицу, хорошую курицу, она нам будет по два яичка в день давать.

...Темраз налил в стакан вино. Вскоре Тамара поставила на стол блюдо с жареной курятиной и горшочек с соусом. Усадив Гогу рядом с дедом, Тамара тоже присела к столу и принялась потчевать меня по всем канонам грузинского гостеприимства. Не знаю, чем я так понравился хозяевам, но они буквально заглядывали мне в глаза.

Темраз взял в руки нож и краюху черного «казенного» хлеба и, подавив вздох, сказал:

— Едим мы его, благословенный, и не знаем — хлеб это или земля.

Он отрезал ломоть, сокрушенно покачал головой — хлеб был недопеченный и настолько сырой, что прилипал к лезвию ножа, — и повернулся к Тамаре:

— Испекла бы ты нам, дочка, кукурузный хлебец, без него еда не еда.

— Да, да, я сейчас, — сказала, поднимаясь, Тамара, и я заметил, как по приветливому ее лицу пробежала какая-то тень. Должно быть, кукурузной муки в доме мало — понял я — и хозяйка мысленно прикинула, хватит ли ее на хлебец.

— Прошу вас, не затевайте вы ничего, — взмолился я. — Я с удовольствием поем и этот хлеб. С превеликим удовольствием.

Какое там! Хозяйка и слушать меня не пожелала. Мне стало худо, ну просто кусок в глотку не лезет, так худо — очень уж я обеспокоил этих добрых людей, а маленькому Гоге я просто в глаза не мог посмотреть.

За дверью деликатно тявкнула собака — это Яке вызывал своего повелителя. Гога, не спросившись деда, мгновенно поднялся и, прихватив со своей тарелки куриную ножку, выбежал во двор. Послышался хруст разгрызаемой кости — это Яке получил свою долю с «гостевого» стола. Темраз сделал вид, что ничего этого не заметил. Он снова налил в стаканы вино.

— Нравится?

— Отличное у вас вино.

— Сейчас принесу еще. Я поставил кувшин под воду, пусть охладится.

— А может, хватит? — сказал я. Мне и вправду не хотелось больше вина, но удержать хозяина я не мог.

Мне кажется, что Гога только того и дожидался, чтоб дед вышел, потому что тут же он появился в комнате. Мальчик подошел к столу, но не сел, а уставился глазами на мою тарелку — на ней лежали, еще не тронутые, три самых лучших, «гостевых» куска курятины.

— Дядя, а почему вы не едите? Вам не хочется? — спросил Гога.

— Да, пока что-то не хочется, — не подозревая подвоха, ответил я.

— Совсем-совсем не хочется?

— Да как тебе сказать... — нерешительно начал я.

— Тогда можно я возьму?

— Бери.

Гога взял один кусок и, подумав секунду-другую, заглянул мне в глаза:

— А еще можно?

— Можно.

Гога благодарно улыбнулся мне

— Тогда я и этот возьму, — решил он сам и, подхватив с тарелки третий, последний кусок, выбежал из комнаты. И сразу послышалось за дверью одобрительное урчание Яке, а я принялся укорять себя:

«Хорош! Целый вечер мучаю хозяев, можно сказать, разорил их, а сам не отведал ни кусочка куриного мяса». И еще я подумал о том, что Гога весьма сообразительный мальчуган: посреди стола блюдо, еще полное мяса, но хитрый мальчишка с блюда ни кусочка не взял — понял, что дед и мать сразу это заметят. А вот мою тарелку опустошил, сорвал ее. И никаких следов. Ни Тем-

разу, ни Тамаре об этом, конечно, ни слова, но Бондо скажу обязательно: нельзя баловать мальчишку.

Вернулся Темраз с запотевшим под ледяной струей кувшином. Это очень вкусно — кусок горячего кукурузного хлеба и глоток холодного крестьянского вина — и потому не удивительно, что мы с Темразом засиделись за столом до полуночи.

Я, как обычно, встал рано и вышел во двор. Только что начало светать, и было бы очень тихо, если бы не Яке: он бегал вдоль плетня и лаял на кого-то невидимого — может, на мышшь, а может, на жука — кто его знает.

Я умылся у родника и напился его студеной воды. «Натошак такая родниковая вода целебна», — говорят наши старики.

Послышался скрип лестницы, я повернулся и увидел Гогу: подобрав подол пестрой ситцевой рубахи, он, перемахивая через ступеньки, быстро спустился во двор и скрылся за углом дома. Когда он через некоторое время вернулся, его заметил Яке. Собака стремглав бросилась к своему маленькому хозяину и, взвизгнув от восторга, повалилась на спину. Я рассмеялся.

— Вы уезжаете, дядя? — спросил Гога. — Подождите, я сейчас разбужу маму.

— Что ты, не надо ее будить. Я погуляю немного и вернусь. И ты тоже иди спать.

— Я уже не хочу.

— А ты всегда так рано встаешь?

— Да, дядя, почти всегда. Тут голодные кошки бродят, курица несет яичко, а они его уворуют. Вот я и... — тут мальчик осекся, заметив, что напоминание о курице не очень меня обрадовало. — Это была плохая курица, дядя... Честное слово, плохая и ленивая, — сказал Гога. — Она неслась всего раз в три дня, а все сваливала на кошек, хитрюга. — Гоге, видимо, очень и очень хотелось убедить гостя, что ради него закармили ленивую, нехорошую, бесполезную курицу. Он даже за рукав меня потянул, требуя доверия к своим словам. — И потом... Вы сами увидите — мама мне сегодня же купит другую курицу, такую, что по два яичка в день несет.

У меня было с собой немного денег, и я достал их из кармана.

— Это деньги комиссара Абшилава, — сказал я. — А поскольку мы с тобой друзья, Гога, а мы ведь друзья? — Мальчик подтвердил это кивком головы. — То вот тебе мое дружеское поручение: передай их дяде Бондо. Может, так случится, что мы сегодня уже не встретимся с ним.

Мальчик недоверчиво посмотрел на меня: такое серьезное дело ему еще никто не поручал. Так, может, это только шутка?

— Нет, я не шучу, Гога, — успокоил я мальчика, — Я тебя, как солдата, прошу... Только ты их спрячь получше, а то потеряешь.

Мальчик вытянулся и по-солдатски козырнул мне.

— Есть спрятать получше.

Пока Гога выполнял эту первую часть моего поручения, то есть прятал где-то у себя деньги, я прошел в комнату, написал хозяевам благодарственную записку и, прихватив свой рюкзак, вышел во двор. Гога уже поджидал меня. Увидев рюкзак, он огорчился.

— Вы же сказали, дядя, что скоро вернетесь.

— Возможно, что не так скоро, но вернусь обязательно. Видишь вон те высокие горы? Там наши бойцы. И я вернусь уже вместе с ними. После победы. Вместе с ними и вместе с твоим отцом.

— Так вы знаете моего папу, дядя?

— Его все знают. Он делает хорошие лекарства, очень нужные там, на фронте, лекарства.

— Да, лекарства у папы хорошие, — подтвердил мальчик. — И когда папа вернется, он обязательно вылечит дядю Бондо. Даст ему самое-самое лучшее лекарство и вылечит.

— Обязательно вылечит, — сказал я. — Дядя Бондо только на твоего отца и надеется.

— Я так и сказал папе. Я ведь иногда звоню ему.

— Знаю. Отца очень радуют твои звонки, и ты ему почаще звони.

Я нагнулся к Гоге и на миг прижал его вихрастую голову к своей груди.

Аптека была еще заперта. Я нажал на кнопку, и через некоторое время над дверью зажглись красные буквы: «Слышу, иду!». Видимо, я помешал девушке в белом, тесноватом халатике досмотреть какой-то интересный сон, потому что, впустив меня в аптеку, она, протирая все еще полузакрытые глаза, задала мне строгий вопрос:

— Что-нибудь срочное?

— Да нет, — сказал я, — не очень срочное. Просто мне захотелось посмотреть, где тут живет красный свет.

Я подумал, что девушка рассердится, — нашел человек время для шуток, — но она дружелюбно улыбнулась мне и сказала:

— А-а, и вы знакомы с нашим Гогой.

— Познакомился, — сказал я. — И очень рад такому знакомству.

Мы поговорили немного о нашем маленьком друге, и я вышел из аптеки. Издалека, из ущелий Кавкасиони донесся рев «мессершмиттов». На вершине Джихи захлопали зенитки, а на склонах другой горы, я запомнил ее название, вдруг взметнулось к небу высокое оранжевое пламя и слилось с облаками. Я был новичком и потому не мог определить — упал ли это сбитый самолет или взорвалась авиабомба, но я понял ясно: это война, это ее голос, ее пламя. И сложив ладони рупором, крикнул в сторону необозримых громад Кавкасиони:

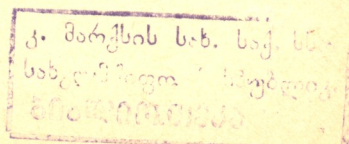
— Э-гей, Баги!

— Э-гей, Георгий!

— Э-гей, товарищи и братья! — И еще громче, уже во всю силу, стремясь во что бы то ни стало перекричать и самолеты, и пушки, и бомбы: — Слышу, иду!

— Слышу, иду! — отозвалось эхо.

Авторизованный перевод Эммануила ФЕЙГИНА

511.001

На дороге, ведущей от Тбилиси к Мцхета, весна полновластно вступила в свои права. Темно-зеленые кроны сосен и елей сменяются яркой зеленью садов и виноградников. Нежно шелестят устремившиеся к небу осины. Окутанные вековым молчанием горы смотрят на просторы Дигомской равнины. Несущиеся по вытянувшейся бесконечной лентой асфальтированной дороге машины плавно покачиваются, наподобие люльки, и путника невольно охватывает какое-то неизъяснимое блаженство. Нельзя остаться равнодушным к окружающей природе. Красота этих мест еще полнее ощущается ранним утром, когда лучи восходящего солнца окутывают окрестности золотистой дымкой.

На дороге показался огромный автобус, переполненный молодежью, веселые голоса и звонкий смех нарушили окружающую тишину. На ветровом стекле автобуса была прикреплена надпись «Экскурсионный».

Как только автобус миновал Дигому, наступила тишина, юноши и девушки жадно прильнули к окнам. Всем хотелось полюбоваться открывшейся их взорам удивительной панорамой. Особенно интересовались те, кто впервые ехал по этой дороге.

Автобус приближался к Авчала, и впереди показались сооружения ЗАГЭСа. Машина сначала сбавила ход, а затем свернула вправо.

— Эта электростанция — первенец нашей республики. Она построена по личному указанию Ленина. — Экскурсовод сделала небольшую паузу, обвела взором окрестность и продолжала:

— Сейчас мы направляемся к древнейшему памятнику грузинской культуры. Монастырь Джвари, или Крестовый монастырь, является уникальным архитектурным сооружением, причем он привлекает внимание не только тем, что является одним из древнейших грузинских храмов, но и тем, что и сегодня продолжает удивлять зрителя своей замечательной архитектурой.

Автобус поднимался по крутой извилистой дороге. Миновав небольшое высыхающее озеро, поверхность которого покрыта солончаком, автобус въехал в монастырский двор. Шофер затормозил машину, и молодежь в один миг высыпала наружу. Экскурсанты с любопытством смотрели на раскинувшийся внизу в котловине город, на его живописные окрестности.

— В древности в Грузии для защиты страны строили не только крепости, но и церкви, и монастыри. Взгляните повнимательней на этот храм. Какой внушительной крепостной стеной обнесен он, в ней и по сей день сохранились боевые башни и бойницы, а город, который вы видите внизу, — древняя столица Грузии — Мцхета. Этот старинный город является свидетелем многих бата-

Печатается журнальный вариант.

лий и вероломных вражеских нашествий. А это величественное строение с высоким гордым куполом — прославленный храм Светицховели. Он почти такой же древний, как и Джвари. — Никто не прерывал экскурсовода, молодые люди слушали затаив дыхание.

— В первом веке до нашего летосчисления римский полководец Помпей вторгся в пределы Грузии и разрушил мцхетские укрепления. Вон там, где сейчас вы видите окруженную холмами узкую долину реки Куры, до нашего времени сохранился древний мост, который называют мостом Помпея.

Экскурсовод отступила немного в сторону и дала возможность слушателям хорошенько рассмотреть указанный ею извив реки.

— Я там не вижу никакого моста, — воскликнул один юноша.

— Совершенно верно, после строительства гидроэлектростанции мост покрыла вода.

— Как красиво! Такое впечатление, словно эти горы кто-то нарочно поставил вокруг города, — не смогла скрыть своего восторга девушка с длинными косами.

Экскурсовод продолжала:

— Древняя Грузия подвергалась бесконечным нашествиям врагов, которых после принятия христианства у грузин стало еще больше. Весь магометанский Восток ополчился против грузинского народа, стремясь стереть нашу родину с лица земли. Именно поэтому в древней Грузии строилось так много замков и крепостей. Но самыми надежными и удобными были все же природные укрепления. Вон, видите, Мцхета окружена горами со всех сторон... Теперь все эти крепости являются неопровержимыми свидетелями прошлой жизни, полной тяжелых испытаний, борьбы, разорений и пожаров.

Солнце поднималось все выше и выше. Со стороны Арагви подул свежий ветерок. Вокруг царила тишина. По Военно-Грузинской дороге непрерывным потоком неслись машины.

Окружающая природа, яркое солнце вызывали у всех какое-то особенное, приподнятое настроение. Вот все гуськом стали спускаться по узкой тропинке, и хотя было немного страшно, то и дело раздавались веселые возгласы.

Внезапно воздух прорезал отчаянный женский крик. На какое-то мгновение все замерло на месте, а в следующую минуту бросились на крик.

— Натела! Натела! Что с тобой? — Молодые люди окружили распростертую на земле девушку с длинными косами. Несколько юношей открыли флаги и начали брызгать ей в лицо водой.

Натела пришла в сознание и медленно открыла глаза. Затем она молча указала окружившим ее товарищам на кусты. Все стали испуганно смотреть в ту сторону, каждый ожидал увидеть там нечто ужасное. Никто не произносил ни слова. Все замерло в каком-то оцепенении, чувствуя, что их ждет в том месте, куда указывала рукой Натела, страшное зрелище.

Испуганные молодые люди нерешительно двинулись к кустам. Здесь им действительно представилась ужасная картина: на земле лежали два трупа — мужчины и женщины.

— Может быть, они еще живы? — Протиснулся вперед юноша с густой копной волос каштанового цвета. Широко открытые большие черные глаза женщины словно взывали о помощи. Экскурсанты тесным кольцом окружили место происшествия. Кто-то из них проявил предусмотрительность и предупредил товарищей о необходимости сохранить здесь все в таком виде, как они застали, — это, мол, очень важно для ведения следствия.

— Посмотрите, какая красавица!

— Какая жестокая рука могла решиться убить ее? — На глазах Нателы сверкали слезы.

— Наверное, ее убил этот мужчина...

— А кто же тогда убил его?

Узкая тропа едва вмещала двинувшихся обратно молодых людей.

— Посмотрите на этого мужчину, у него лицо настоящего убийцы... — не унимался юноша с каштановой шевелюрой, продолжая внимательно осматривать место происшествия.

Целочка экскурсантов постепенно таяла, молодые люди поодиночке возвращались к автобусу.

— Я почему-то думаю, что женщину убил именно этот мужчина.

— Если бы я где-нибудь встретила его, то, наверное, от страха потеряла бы сознание. Посмотрите только, какое у него отвратительное лицо!

— Зачем мы напрасно теряем драгоценное время, надо немедленно сообщить в милицию.

* * *

Давид был в комнате один. Анализируя прошедшие дни, он не находил нужных слов для выражения своей радости и счастья. Он с восторгом вспоминал каждую мелочь... Ему было досадно, что отпуск закончился так быстро. Теперь он снова следователь, в любое время его могут вызвать и дать поручение, и он обязан незамедлительно выполнить его. Он сам не понимал, что с ним творится. Сейчас он, человек, влюбленный в свою профессию, пожалуй, не возразил бы, если бы его освободили от этой должности, потому что некоторые дела личного порядка в последнее время занимали все его помыслы.

Давиду казалось, что профессия следователя угрожала его личному счастью. То обстоятельство, что Давид до сих пор не обзавелся семьей, некоторые могли счесть за легкомыслие, за эгоизм, но в действительности это было отнюдь не так. Давид был человеком мужественным, кристально честным и уравновешенным. Он любил жить организованно и экономно, заранее продумывая дела и заботы, ждавшие его на следующий день.

Давид довольно долго шагал по комнате, это была одна из его характерных привычек. Ему казалось, что тогда как-то легче думается. Он понимал, что наступил решающий момент в его жизни, скоро Тина должна навсегда стать спутницей и другом его жизни. Двух мнений здесь не существовало. Давид надеялся, что в конце осени он получит обещанную квартиру и сразу же справит свадьбу.

Неожиданно на столе зазвонил телефон. Давид взял трубку.
— Убийство! — раздался хорошо знакомый голос дежурного районной милиции.

— Где? Когда? Личность убитого? — Давиду захотелось узнать все сразу, и он обрушил на дежурного град вопросов.

— Экскурсанты обнаружили вблизи монастыря Джвари тела убитых — мужчины и женщины. Очевидцы сейчас находятся у меня. Что прикажете, как мне действовать? — Давид слышал в трубку учащенное дыхание дежурного.

И Давид после небольшой паузы решительно заговорил:

— Сейчас же вышлите мне машину, допросите экскурсантов, запишите их адреса.

Давид поспешно переоделся и снова бросился к телефону. Ему сейчас очень хотелось, чтобы на месте оказался его молодой друг, оперативный работник, с которым он сдружился в последнее время.

— Это ты, Темур?

— Я, Давид, что случилось, есть что-нибудь новое? — Каким-то озабоченным голосом ответил Темур.

— Ты что, не в духе или нездоров? — спросил Давид.

По профессии Темур был юрист. Он совсем недавно окончил университет и взялся за трудное и почетное дело. Нелегко быть сотрудником отдела уголовного розыска.

— Нет, Давид, я просто не ожидал услышать твой голос, — постарался оправдаться Темур.

— Тогда приготовься, я заеду за тобой на машине, неотложное дело.

Милицмейская машина неслась с предельной скоростью. В ней сидели пятеро. Все молчали, заранее обдумывая обстоятельства и причины совершенного преступления.

— Нечего сказать, хороший сюрприз преподнесли нам, — раздался голос Темура.

— Ничего не поделаешь, брат, сам видишь, мы пока еще нужны.

Солнце смотрело на монастырь Джвари с востока. Машина остановилась в монастырском дворе. Давид вместе со всеми остальными направился к его северной стороне. Он сошел по ступеням, остановился и осмотрелся.

— По-видимому, там! — Работник милиции указал рукой на кусты.

Плотный мужчина среднего роста, с посеребренными висками — эксперт судебной медицины — двинулся в указанную сторону. Подойдя к кустам, он остановился перед трупом женщины. Некоторое время он осторожно осматривал ее голову и тело.

Покрытое кровавыми пятнами тело женщины словно одеревенело. Тело же мужчины было перекинута, подобно переметной суме, на выступе скалы. Создавалось впечатление, будто мужчина уединился и упорно смотрел вниз на мутные воды Куры и Аравги.

— У кого поднялась рука на эту несчастную? — не смог удержаться эксперт, которого поразила красота убитой женщины.

— Это мы выясним позже.

Давид приступил к выполнению своих обязанностей. Он окинул внимательным взглядом место происшествия. У Давида было такое чувство, будто он впервые попал в эти места, он невольно засмотрелся на открывшуюся его взору

ру живописную панораму Мцхета. Но через мгновение Давид резко повернулся. Неподдалеку от него лежали два бездыханных тела. Женщина была очень красива; даже придирчивый глаз не смог бы обнаружить недостатка в ее бледном лице. Лежавший же выше женщины мужчина походил на сказочное чудовище. В эту минуту Давид думал только о том, что общего могло быть у этой женщины, которая была олицетворением красоты, с этим уродом. Мертвые не говорят. Поэтому Давид мог только сам ответить себе на поставленный вопрос.

Прибывший вместе с ними фотолаборант усердно щелкал аппаратом. Давид не мешал ему. Все это время он молча осматривал местность, а у самого было такое чувство, словно это все его совершенно не касалось.

— Я истратил всю пленку. — с досадой сказал фотолаборант. Теперь он беспокойно топтался на месте. Было видно, что представившееся его взору зрелище сильно взволновало его. Он еле сдерживал себя.

Давид сбросил охватившее его оцепенение и приступил к работе с присущим ему упорством и тщательностью.

В северо-восточном направлении от Джвари, на расстоянии десяти метров от крепостной стены, он стал внимательно осматривать и изучать каждый верхушечек земли, каждый кустик. От усталости ныла поясница, становилось трудно дышать, но он настойчиво продолжал свое дело.

Кропотливый осмотр Давида казался Темуру тяжелым и нудным, но он ничего не сказал. С непривычки, ему всего несколько раз пришлось присутствовать на месте происшествия, он устал.

Давид же продолжал напряженно работать. Он осмотрел довольно большое пространство, не оставив без внимания ни одной пяди земли, и только после этого приблизился к трупу мужчины.

Длинное, узкое, изборожденное глубокими морщинами, землистого цвета лицо, редкие, отливающие желтизной седые волосы, большие оттопыренные уши, густые седые брови, нависшие над глазами, низкий лоб, над губой старый рубец, из открытого рта торчал единственный пожелтевший зуб, большие, заскорузлые мозолистые руки. Весь его облик вызывал глубокое отвращение.

— На затылке запекшаяся рана, на спине большое число кровоподтеков, в области живота темно-синяя опухоль, — диктовал время от времени эксперт Темуру результаты осмотра.

Давид вместе с врачом осматривал труп мужчины. Затем стал диктовать Давид:

— Простое розовое ситцевое платье, порванное на груди, покрытое кровавыми пятнами, подол платья изорван в клочья. На обеих руках отмечаются кровоподтеки и ссадины.

Темуру не решался взглянуть на лицо убитой, но он точно заносил в протокол слова эксперта и Давида. Теперь Темур уже спокойнее смотрел на пропитанную кровью землю, он постепенно обретал спокойствие и уверенность.

Давид опустился на колени и внимательно через лупу осмотрел тело женщины. Особенно детально изучил он ее руки с безжизненно свисавшими длинными точеными пальцами.

Два волоска, обнаруженные на одном из пальцев женщины, Давид аккуратно положил в баночку, до отказа закрутил крышку с резьбой и передал ее Темуру.

— Что за несчастье, — пробормотал врач, обнаружив на спине убитой пулевую рану. У него самого была дочь, и сейчас даже ему, человеку закаленному, выдавшему много страшного, стало как-то не по себе. Но еще многое надо было сделать до вскрытия, и поэтому он продолжал осмотр тел убитых.

— Как предательски убили ее! — не смог сдержаться представитель милиции, которого следователь взял с собой в качестве понятого.

Эксперт отмечал в блокноте необходимые данные. Кто знает, когда и где могут понадобиться эти сведения.

Давид готовился выехать.

Только-только успели врач и следователь закончить свои дела, как в монастырский двор вбежала женщина с распущенными волосами и искаженным от страха лицом. Царапая щеки и громко плача, она спешила к группе мужчин. Приблизившись, она громко вскрикнула, упала на колени перед трупом мужчины и стала отчаянно биться головой о землю.

— Мой Никола, любимый мой, что с тобой случилось? Кто погубил тебя? Кто принял на себя грех? — причитала женщина, горячо оплакивая убитого. Наконец она подняла голову, вытерла рукой слезы и обратилась к Давиду:

— Кто вы будете? Вы, наверно, следователь? — Женщина смотрела на Давида, на его форму. Она поднялась на ноги и начала отряхивать с волос землю.

— Да, мы из прокуратуры, — подтвердил Давид.

Женщина достала носовой платок и стала вытирать заплаканные глаза. Давид пока еще не знал, кто была эта женщина, так горячо оплакивавшая убитого. Женщина перестала плакать. Она то смотрела на распростершееся перед ней тело убитого, то переводила взгляд на человека, назвавшегося следователем.

— Что стряслось со мной, что за беда обрушилась на меня! Это мой муж Никола. Меня два дня не было дома. Мы живем вон в том маленьком каменном доме. Муж работал монастырским сторожем. Прихожу домой, двери открыты. Я не могла понять, почему он ушел, не заперев двери. Потом я заметила вас, и у меня сразу упало сердце, почуяло что-то недоброе, видите, так оно и случилось, — женщина, прервав молчание, говорила теперь взволнованно и быстро.

Давид был поражен. Он ждал всего, но никак не мог представить, что эта молодая женщина окажется женой уродливого старика.

— Простите, уважаемая! Вам не знакома эта женщина? — сказал Давид, указывая рукой на женский труп.

Жена убитого сторожа посмотрела в ту сторону, куда указал следователь. Пораженная, она долго пристально смотрела на женщину, ее отделили каких-нибудь десять-пятнадцать метров. Осмелев, она сделала несколько шагов вперед и время от времени смотрела то на тело мужа, то на женщину. Казалось, она начала сомневаться, нужно ли ей оплакивать мужа.

Она постояла некоторое время, потом вспомнила о следователе и, пошатываясь, направилась к нему.

— Что все это значит? Я ничего не понимаю... Неужели мой муж... Объясните, умоляю вас, объясните мне... — отрывисто говорила она, еле сдерживая подступившие к горлу рыдания.

Давиду поведение женщины показалось неестественным.

— Фамилия вашего мужа? — обратился в это время к женщине Темур и невольно обернулся в сторону убитого.

— Деканосидзе. Ему было пятьдесят лет.

— Ваша фамилия?

— Моя фамилия?

— Да, ваша фамилия, — повторил вопрос Темур.

— Лозовская. Тридцати лет.

Давид еще раз осмотрел местность, снова проверил каждый куст, но так и не мог обнаружить ничего такого, что могло бы помочь разгадке этого чудовищного преступления. Он обошел небольшой холм и направился к домику, в котором жила Лозовская. Остальные остались на месте в ожидании машины из прокуратуры.

Давид тщательно осмотрел дорогу от монастырского двора до дома: «Прошлой ночью был сильный ветер, его порывами, наверное, смело все следы», — подумал он.

В комнате стояли две сосновые тахты, покосившийся деревянный стол и несколько табуреток, книжный шкаф.

Давид включил свет и приступил к осмотру комнаты.

Следователь был почти уверен, что убитые мужчина и женщина побывали в этой комнате. Их, несомненно, что-то связывало...

Личность убитого мужчины была установлена. Но Лозовская впервые видела убитую женщину и ничего не могла сообщить о ней.

Давид заметил в углу у двери остатки сгоревшей бумаги и счел необходимым сохранить их в целости. Для этого необходимо было отыскать баночку или какой-нибудь другой подходящий предмет, в который бы можно было их поместить. Давид сделал из валявшегося на полу картона небольшую коробку, в которую и положил остатки сгоревшей бумаги. Он еще раз оглядел комнату, осмотрел постель, не оставив без внимания и небольшой шкаф с книгами.

Наконец Давид закончил осмотр. В комнате не оказалось ничего подозрительного.

...Давид знакомился с делом, когда настойчиво зазвонил телефон. Он сразу узнал голос секретаря-машинистки прокуратуры. Из ее слов Давид понял, что его очень долго ждал в приемной прокуратуры какой-то мужчина. Незнакомец искал женщину, которая бесследно исчезла.

Слова секретарши заинтересовали Давида, и он попросил ее зайти к нему, чтобы подробно расспросить обо всем.

Секретарь-машинистка не заставила себя долго ждать и буквально через несколько минут уже входила в комнату следователя.

Давид начал выяснять, когда пришел неизвестный мужчина, что его интересовало, примерно сколько времени он ждал. Затем он попросил девушку подробно описать его внешность, рассказать, как тот реагировал на ее слова о том, что Давид отправился на расследование дела об убийстве. Давида интересовало

также, выражал ли мужчина недовольство в связи с его опозданием и не сообщил ли он чего-нибудь важного.

Высокая, некрасивая девушка внимательно выслушала вопросы следователя и приготовилась к ответу:

— Только вы уехали, как пришел незнакомый мужчина и спросил вас. Он был высокий, статный, с красивым мужественным лицом. Когда он узнал, что вы уехали на место происшествия, то очень расстроился. Он сказал, что пропала очень близкая ему женщина, и надеялся, что следователь окажет ему помощь...

— Он не назвал себя? — перебил девушку Давид.

— Кажется, он сказал, что работает инженером на каком-то заводе, — ответила она. — Этот мужчина был с товарищем, который сказал ему: «Зураб! Давай сейчас пойдем, а попозже вернемся сюда». Они ушли, прождав вас около двух часов.

— Зураб! — тихо повторил Давид. Это имя ничего ему не говорило.

Было воскресенье, но, несмотря на это, Давид и Темур с раннего утра работали над делом об убийстве у монастыря Джвари.

— Темур! Мне только что сообщили, что в новом жилом доме на набережной обнаружили мертвого мужчину, — сказал Давид, кладя телефонную трубку и испытующе глядя на Темура.

Пока Давид готовился к выезду на место происшествия, успел собраться и Темур.

Давид спросил:

— Темур, ты что, в гости собираешься?

Темур удивленно посмотрел на приятеля.

— Хорошо, хорошо, поверь, тебя никто не отвергнет, но не следует слишком много внимания уделять своей внешности.

Темур догадался о причине шутливого замечания друга и рассмеялся.

— Нас ждет машина! — спокойно сказал Давид, еще раз взглянул на Темура, взял в руки свой неизменный чемодан и вышел в коридор.

Темур за сравнительно короткое время сумел постигнуть натуру старшего следователя, его характер и некоторые привычки. Стоило Давиду взяться за серьезное, сложное дело, и все его существо напрягалось до предела. Он был увлечен одной мыслью: разгадать тайну преступления, добиться истины, и, когда цель была достигнута, он сразу менялся. Перед вами словно рождался новый человек, с радужной улыбкой, веселый, полный обаяния.

Вот и теперь Давид был весь поглощен делом. Он не любил заранее делать выводы, делиться вслух своими мыслями.

Давид назвал адрес шоферу.

После детального ознакомления с материалами, касающимися убийства у монастыря Джвари, Давид пришел в мрачное настроение. Он придавал очень серьезное значение убийству женщины у Джвари. В раздумье над этим делом провел он бессонную ночь.

Появление следователя привлекло внимание собравшихся на лестнице и в передней людей. Перед дверью комнаты покойного стоял милиционер. Увидев Давида, он приветствовал его и пропустил в комнату.

На стоявшей у стены низкой широкой кушетке лежал на спине молодой мужчина, он был мертв.

— Темур! Почему запаздывает врач? Может быть, ты свяжешься с ним?

— Я сейчас же уточню, — ответил Темур. Он поспешно вышел из комнаты и вскоре возвратился. Вслед за ним шел мужчина среднего роста, лет сорока, с седеющими волосами. Он еще с порога поздоровался с Давидом.

— А, Вахтанг! Я тебя опередил на десять минут. Ты, наверное, задержался из-за машины?

— Нет, раненого привезли.

— В городе воспрещается ездить с превышенной скоростью, — сказал Давид и посмотрел на часы.

— Ты так говоришь, словно сидел в моей машине, — удивился эксперт.

— А для чего мне сидеть в твоей машине. Я знаю только, что ты вряд ли опустился на эту крышу на вертолете.

Было утро. Маленькая стрелка часов едва пересекла цифру десять. В передней, на лестнице и во дворе собралось много народу. Давид выглянул из комнаты и спросил зайти плотного молодого человека с загорелым лицом, который назвался соседом покойного.

Когда Давид предложил ему рассказать все, что он знает о смерти соседа, тот пожал плечами и заявил, что ему было известно лишь то, что Таризэл вста-

вал утром в одно и то же время, в то же утро на часах было уже больше девяти часов, а он все не показывался.

Затем Давид вызвал соседку, женщину маленького роста, с раскосыми глазами и торчавшими хохолком рыжими волосами. Женщина сказала, что ее сосед был холост и часто возвращался домой поздно. Правда, она в темноте не могла хорошо разобрать, но она не сомневается в том, что вчера вечером Тариэл вернулся домой с какой-то женщиной.

Больше Давиду ничего не удалось установить.

Закончив белгий допрос соседей, он подошел к врачу-эксперту и что-то шепнул ему на ухо. Тот в знак согласия утвердительно кивнул головой. Врач повернулся и подошел к лежавшему на тахте мужчине.

Некоторое время он внимательно смотрел на его мертвенно-бледное, безжизненное лицо.

В комнате стоял какой-то своеобразный, тяжелый запах. Давид открыл окно и глубоко вдохнул свежий воздух.

Эксперт приступил к осмотру тела покойного мужчины.

— Тело холодное. — Вахтанг говорил громко, чтобы слышал следователь. — Глаза полуоткрытые, подернуты леденистой пленой. После наступления смерти прошло восемь-десять часов.

Давид не стал беспокоить эксперта дополнительными вопросами, он собирался это сделать позже.

В конце осмотра врач-эксперт проверил зрачки глаз.

— Зрачки расслаблены, глазные яблоки впали, на теле имеются светло-желтые пятна.

Врач еще некоторое время внимательно смотрел на лицо молодого мужчины. Он с самого же начала отверг естественную смерть и теперь познакомил следователя со своим предположительным заключением.

Давид с большой осторожностью приступил к осмотру комнаты. Он отлично сознавал, что окончательные результаты расследования в значительной степени зависят от осторожности, тщательности и точности осмотра места происшествия. В этом случае спешка может принести только вред. Поэтому Давид приступил к исполнению своих обязанностей с присущими ему спокойствием и невозмутимостью. Врач констатировал смерть. Теперь мысль следователя напряженно работала в направлении: с чем он имел дело — с убийством или самоубийством. Рядом с Давидом все время находился Темур и тщательно записывал слово в слово результаты осмотра помещения, которые диктовал ему старший следователь. Давид, нагнувшись, осматривал пол комнаты, что-то вымерял, делал заметки.

— Окна комнаты, выходящие на улицу, закрыты. Температура в комнате — плюс 18° по Цельсию. Покойник лежит на спине. Руки раскинуты, одет. Сбоку, недалеко от изголовья стоит стул, на котором висит пиджак. — Давид внимательно осмотрел пиджак через увеличительное стекло. Заметив какое-то подозрительное пятнышко, он решил взять пиджак в качестве вещественного доказательства и проверить его с помощью экспертизы.

Давида интересовало буквально все, каждая мелочь. Он детально осмотрел платяной шкаф, затем перешел к книжному шкафу, осмотрел обувь, даже стоявший на подоконнике горшок с цветком. Давид долго находился около узкого письменного стола. Перед зеркалом он обнаружил клочок бумаги, на котором было что-то написано от руки. «Наконец-то!» — Давид облегченно вздохнул и впился глазами в текст: «В моей смерти никого не вините. Тариэл» — прочитал он. «Неужели человеку, решившему покончить жизнь самоубийством, нечего было сказать, кроме этих слов? Хотя бы написал о причине самоубийства, была бы по крайней мере какая-то зацепка», — подумал Давид и снова внимательно перечитал записку.

Давид еще раз обвел взором комнату.

«Если он отравился, то где сосуд, в котором был яд?» — подумал Давид и снова подошел к кушетке, на которой лежал покойник. Он заглянул под кушетку. Не удовлетворившись этим, он начал осматривать домашние вещи, посуду. Давид подошел к серванту, открыл его, здесь он нашел опорожненную наполовину бутылку коньяка.

— Темур! Дай мне, пожалуйста, пинцет.

Давид пинцетом осторожно достал из серванта бутылку с коньяком и поставил ее на стол.

— Дай мне теперь банку побольше.

Давид поставил бутылку в банку и закрыл крышку.

— Может быть, среди книг есть какие-нибудь рукописи? — Давид глазами показал Темуру на книжный шкаф.

В шкафу оказалось несколько исписанных общих тетрадей и письма. Давид осторожно завернул их в чистую бумагу и скрепил пакет сургучной печатью. Ох, какая жалость, что сегодня воскресный день, не то он сейчас же отправился бы в химическую лабораторию и установил, когда была написана записка с подписью Тариэла. Если было бы установлено, что записка написана, скажем, сутки назад, то после этого необходимо было установить, принадлежит эта записка самому Херхеулидзе или же ее написал кто-то другой... Было не исключено, что записка принадлежала Херхеулидзе, и именно в этом случае было важно установить, когда она была написана. Что оставалось делать Давиду?! Надо было ждать, так как только на следующий день мог он получить ответы на интересующие его вопросы.

Давид снова принялся за работу. Он подошел к шкафу, обвел мелом его местоположение и только после этого отодвинул шкаф в сторону.

Возможно, в процессе следствия понадобится представить в этой комнате свидетелей, или самих преступников, на этот случай комната должна быть сохранена в том виде, в каком она была в момент совершения преступления.

Закончив осмотр комнаты, Давид вышел к собравшимся в передней людям.

— Товарищ следователь! Вот эта женщина — родственница покойного, — сразу заговорили несколько женщин.

К следователю направилась женщина среднего роста, лет тридцати на вид, с приятным матовым лицом. У нее были покрасневшие, заплаканные глаза.

— Бедняга был моим родственником, эта комната не принадлежала ему, мы уступили ему ее из жалости.

— Когда вы видели его в последний раз? — заинтересовался Давид.

— Вчера вечером... — женщина смутилась и сделала паузу. — Я шла вечером в кино и случайно увидела его. Вот и все... Утром Тариэл не вышел из комнаты в обычное время. Я заинтересовалась, почему он запаздывает, и подошла к двери. Она оказалась незапертой. Я вошла в комнату и удивилась еще больше: Тариэл лежал на кушетке и даже не шевельнулся. Когда я подошла к нему ближе, то все поняла, — женщина не могла сдержать себя и разрыдалась.

— Почему вы заинтересовались? — спросил Давид, не обнаруживая пока еще своих подозрений.

— Дело в том, что он обычно по несколько раз за утро заходил ко мне, то просил выстирать рубашку, то что-нибудь погладить. А сегодня... Было уже девять часов утра, а он все не выходил из комнаты, поэтому я и решила зайти к нему. Он был круглый сирота, очень нуждался. Я не могу себе представить, что с ним произошло...

Давид еще раз опросил соседей. Прошлое Херхеулидзе не отличалось чем-либо необычным. Да в этом и не было ничего удивительного, ведь покойный был еще молод. Закончив допрос, Давид попросил некоторых свидетелей зайти в прокуратуру.

Особенно заинтересовала Давида родственница.

— Вахтанг! Я тебя жду.

— На теле нет следов насилия и не отмечаются какие-либо повреждения. Об остальном узнаем после вскрытия, — приглушенным голосом сказал эксперт.

— Конечно, отравился, — высказал вслух свое предположение Темур.

Давид укоризненно посмотрел на молодого человека, и тот понял, что здесь не время и не место говорить об этом.

Возвратившись в прокуратуру, Давид тщательно проанализировал собранный материал. Он довольно долго сидел в глубоком раздумье: «Кто была эта женщина, в каких отношениях она была с Херхеулидзе? Интересно, как часто они встречались? Убийство это или самоубийство?».

— Давид! Ты сомневаешься в том, что Херхеулидзе отравился? — попытался продолжить начатый на месте происшествия разговор Темур.

— Преждевременные выводы не приносят ничего, кроме вреда. Так можно сбиться с правильного пути. Ты должен твердо запомнить это, Темур! Прежде чем делать такой вывод, необходимо, в данном случае, выяснить, кем написана обнаруженная в комнате пострадавшего записка. Затем надо будет установить, с какой целью была она написана, когда написана и еще многое другое.

— А если у нас имеются неопровержимые факты?

— Значит, ты уверен, что Херхеулидзе отравился?

— Разумеется, мы имеем дело с самоубийством.

— Самоубийство без причины? Надо глубоко и всесторонне изучить этот вопрос. Я повторяю, Темур, не следует делать поспешных выводов.

— Причина? Хорошенькое дело, выясни-ка, о чем думал господин Херхеулидзе, кончая жизнь самоубийством!

— Самоубийству обычно предшествуют какие-то серьезные события, бывает и иное, возможно, человек болен какой-нибудь неизлечимой болезнью. Единственный документ — это записка, которая на сегодняшний день не представляет никакой ценности. Посуди сам: разве нам известно, что ее написал сам Херхеулидзе? Нет. Но допустим, что она написана им, но и этого недостаточно для окончательного вывода. Ведь абсолютно не исключено, что какая-то преступная личность вынудила Херхеулидзе сделать это.

— На теле Херхеулидзе нет никаких следов насилия. Следовательно, исключается сопротивление и принуждение. Возможно, он был психически больной.

— Если судить по внешним признакам, Херхеулидзе здоровый человек. Врач не обнаружил, разумеется при внешнем осмотре, какой-либо болезни, которая могла бы послужить причиной самоубийства. Ты не мог не почувствовать характерный запах, который исходил от тела покойника. Это и есть один из главных признаков отравления. Нас интересует, с чем мы имеем дело: с преднамеренным убийством или с самоубийством? Дать ответ на этот вопрос значительно труднее, нежели ты думаешь, Темур.

— Меня удивляет одно: в комнате был полный порядок. Если же поверить тебе, то выходит, что кто-то замешан в отравлении Херхеулидзе. Неужели Херхеулидзе не оказал убице сопротивления? В противном случае получается, что он был круглым дураком. Пришел какой-то преступник, дал ему выпить яд, тот покорно сделал это и отдал богу душу. Я же остаюсь при своем мнении: Херхеулидзе отравился. Вот увидишь, эта записка написана его рукой.

Давид не мог удержаться и громко рассмеялся.

— Вообще преступники редко пользуются ядом. Я полагаю, что в данном случае надо искать отравителя среди близких знакомых и родственников погибшего.

— Как будто все правильно. Но в одном я не могу разобраться, допустим, что твое предположение подтвердилось и Херхеулидзе действительно умер от отравления... Но как установить: он отравился сам или кто-то заставил его выпить яд? — Темур не унимался, он очень хотел узнать мнение Давида по этому вопросу.

— Я не спорю с тобой, Темур, когда у нас на руках будет заключение врача, которое подтвердит смерть Херхеулидзе от отравления, нам придется выяснять, что заставило его покончить жизнь самоубийством, почему он написал предсмертную записку. Если это обстоятельство будет отвергнуто, то тогда мы будем иметь дело с убийством.

Одно обстоятельство вызывает у меня серьезное подозрение: обнаруженный в комнате пиджак пострадавшего имеет на лацкане не совсем обычное пятно. Похоже, что это место чем-то выжжено. Необходимо будет лабораторно исследовать пиджак.

— Ты думаешь, это может что-то дать?

— Я не могу сказать ничего определенного, но проверить необходимо.

— Проверка пиджака дело не сложное.

— Непременно напомни мне завтра об этом.

— Может быть, это самое обыкновенное пятно?

— Нет, это не простое пятно, здесь повреждена ткань.

— Я немедленно приступлю к подготовке необходимых материалов, — сказал Темур и решительным шагом направился к двери.

В понедельник Давид пришел на работу раньше обычного. На допрос была вызвана родственница Херхеулидзе. У нее был очень опечаленный вид. Давид пристально смотрел на сидевшую перед ним женщину. Было заметно, что она сильно волнуется. На ней было черное платье, голова была повязана черным сатиновым платком. Она не была красива, но у нее было приятное, открытое лицо. Родственница Херхеулидзе утверждала, что в субботу вечером она видела Тариэла с какой-то женщиной. Правда, она не смогла подробно описать ее внешность, но решительно заявила следователю, что если она где-нибудь увидит эту женщину, то непременно узнает ее.

— У Тариэла не было никаких причин для самоубийства, ничто не могло его заставить пойти на такой шаг. Нет, здесь все подстроено, у меня на этот счет нет никаких сомнений, и если вы как следует не возьметесь за это дело, то я сама займусь им, — взволнованно говорила родственница Херхеулидзе.

Всю жизнь Давида преследовал один вопрос: почему на свете существуют злые люди?!

Вот и сейчас он снова вспомнил убитую в Джвари женщину; кто знает, как сейчас убиваются ее мать и отец...

Давид этим утром вышел из прокуратуры для того, чтобы проверить в лаборатории записку Херхеулидзе. Он теперь жалел, что не взял с собой Темура — необходимо молодого работника приучать все видеть своими глазами.

Сейчас его больше всего интересовали два вопроса — установление личности убитой женщины и время написания предсмертной записки Херхеулидзе. Личность женщины, по всей вероятности, удастся установить сегодня. Если верить словам машинистки, то некий Зураб должен сегодня объявиться, а это было для Давида особенно важно. Дело об убийстве у монастыря казалось окутанным таким непроницаемым мраком, что неизвестно, когда оно по-настоящему сдвинется с места.

В 12 часов на столе у Давида зазвонил телефон... Закончив разговор, он тотчас же позвонил Темуру.

— Видно, нам с тобой и на этой неделе не суждено отдохнуть.

— Что-нибудь новое? — спросил Темур.

— В торговом управлении вскрыт огнеупорный сейф. Похищена крупная сумма денег. Только что звонили.

Спустя некоторое время следователь и Темур уже сидели в бухгалтерии торгового управления и занимались изучением дел в связи с похищением денег.

Высокий худощавый мужчина с зачесанными назад седыми волосами спокойно беседовал со следователем, не обнаруживая при этом особого интереса или волнения. Но от опытного глаза Давида не укрылось, что за этим внешним спокойствием скрывалось большое внутреннее волнение. Давид сразу обратил на это обстоятельство серьезное внимание. Следователь осматривал помещение бухгалтерии. Главный бухгалтер сидел за большим старинным ореховым столом. По обе стороны комнаты стояли еще несколько письменных столов разных размеров и цвета. По каждому из них можно было судить о том, какого ранга работник сидит за ним.

Стол главного бухгалтера отличался от остальных еще и тем, что в одном углу на нем стоял небольшой цветочный горшок с кактусом. Здесь же на краю стола лежало кашне из тонкой шерсти. По-видимому, бухгалтер имел предрасположение к простуде. На столе у него стояла серебряная пепельница. По надписи на ней можно было догадаться, что она была преподнесена бухгалтеру в подарок.

Из допроса бухгалтера следователь установил, что в субботу в два часа дня из банка были вынесены деньги. В понедельник утром должна была быть выдана зарплата. Но почему-то его младший коллега не явился в положенное время на работу. Продав больше часа, один из работников заглянул в замочную скважину в его комнату. Дверца сейфа была открыта, после чего об этом немедленно сообщили в прокуратуру.

Давида интересовало: кто получал в банке деньги, в какое время, куда были доставлены деньги и какая сумма. А волнение бухгалтера усиливалось, он уже не мог сохранять внешнее спокойствие, при разговоре у него дрожали губы, было заметно, что он очень старался скрыть волнение, но у него теперь это уже не получалось.

Давид несколько раз с подозрением посмотрел на бухгалтера. Уж не боится ли он за свою шкуру, подумал Давид, но тотчас же отогнал эту мысль.

У главного бухгалтера был помощник, младший бухгалтер, который фактически выполнял обязанности инкассатора. В бухгалтерии имелась также кассирша. Из разговора с бухгалтером Давид заключил, что деньги были вынесены из банка, принесены в помещение бухгалтерии и положены в металлический сейф. Сумма денег была крупная. Ключи от сейфа имелись только у младшего бухгалтера. А сейф был открыт именно ключом.

Следователь начал расспрашивать о младшем бухгалтере, и вдруг совершенно неожиданно ему назвали имя Таризела Херхеулидзе. Оказывается, он и был младшим бухгалтером. Деньги в банке он получил вместе с кассиршей, и только у него был ключ от сейфа. Услышав все это, Давид чуть не подскокил на месте, он еле сдержал себя. В управлении еще не знали о смерти Херхеулидзе...

Давид посмотрел на Темура. По его лицу пробежало еле заметное волнение. Неожиданное упоминание фамилии Херхеулидзе здесь, на месте совершенного тяжелого преступления, невольно вызвало у них новые предположения и сомнения.

Темур без слов понял Давида.

Давид детально осмотрел сейф. Не было сомнения, что он был открыт подобранным ключом. Кроме незначительной мелочи серебром, в нем ничего не было. Давид и Темур внимательно осматривали в комнате двери, окна, под каждую деталь, но, как было видно, в этом деле была замешана рука опытного преступника. Давид бегло допросил кассиршу, которая подтвердила слова бухгалтера: ключ от сейфа постоянно находился у Херхеулидзе. Она заявила, что ей ничего не известно ни о пропавших деньгах, ни о вскрытии сейфа. Она, мол, была обязана пересчитать деньги и раздать их сотрудникам по бухгалтерской ведомости.

— Херхеулидзе сегодня не вышел на работу. Возможно, ему что-нибудь известно о случившемся? — неуверенным голосом сказал бухгалтер.

Кассирша сидела молча, и по ее лицу было видно, что она напряженно слушала.

— Вам не известно, по какой причине Херхеулидзе сегодня не явился на работу? — сказал Давид и испытующе посмотрел на бухгалтера и кассиршу.

Красивое лицо молодой женщины залилось краской.

— С вас надо шкуру содрать, бездельники, лоботрясы! Виданное ли это дело, грабеж, что называется, средь бела дня! — взволнованный толстый мужчина прямо-таки вбежал в комнату, где находился следователь, и, срываясь на крик, приказал:

— Немедленно вызовите Херхеулидзе.

— Успокойтесь. Мы лучше вас знаем, кого и когда надо будет вызывать, — попытался утихомирить управляющего Давид.

— Спрашивается, если этот бездельник ни при чем, то почему он не явился именно сегодня на работу? — не унимался управляющий.

— Товарищ Абесалом! Мы все выясним, спешка может только повредить делу, успокойтесь и, пожалуйста, не мешайте нам работать.

— Прошу извинить меня, но вы должны меня понять, таксе несчастье обрушилось на мою голову, и я вышел из равновесия. Виданное ли дело, потерять такую сумму денег? Что я буду делать после этого? — заговорил уже спокойнее сникший Абесалом. Он то и дело вытирал с лица пот и тяжело дышал. — На мою беду родились на свет эти негодники.

— Давно работает у вас Херхеулидзе?

— Пять лет, — ответил управляющий.

— И он никогда не был уличен в неблагоприятных поступках?

— Нет, он был скромным и тихим юношей. Как я мог предположить, что он способен на такое преступление. Но, видно, он притворялся, выходит, что это был волк в овечьей шкуре, — развел руками управляющий.

— Какие у вас имеются основания для столь серьезного обвинения, почему вы предполагаете, что деньги взяты именно Херхеулидзе, а не кем-либо другим?

Давид как бы невзначай посмотрел на кассиршу, которая напряженно следила за каждым его движением, ловила каждое его слово.

— Ключ от сейфа находился у него. Полюбуйтесь, — и управляющий указал пальцем на комнату, где стоял открытый настежь сейф, который именно в этот момент осматривал Темур, — не так уж легко вскрыть этот сейф. Скорее всего он был открыт ключом, а ключ был только у Херхеулидзе. В эту комнату обычно никто не входит. Кроме Херхеулидзе, туда входила только кассирша в день выдачи зарплаты, чтобы получить у него по ведомости необходимую сумму денег.

Кассирша поежилась. Ее движение не укрылось от Давида.

— У вас имеется ночная охрана?

— Нет, охраны у нас нет.

Из беседы с управляющим Давид установил, что Херхеулидзе был сдержанным, честным человеком. У него не было каких-либо особых увлечений. И женщинам он уделял мало внимания. Вообще он оставлял впечатление замкнутого человека. Ни одной из девушек на выданье не удалось установить, которая из них нравилась Таризлу Херхеулидзе. Одним словом, женщины были на него в обиде. Они много судачили о нем, но никто никогда и словом не обмолвился о его непорядочности или нечестности. Все это вместе взятое давало следователю возможность составить определенное представление о младшем бухгалтере.

Таризл был до педантичности аккуратен и точен. На работу он всегда являлся в одно и то же время, с такой же точностью он покидал работу. В этом отношении и прошлая суббота не составляла исключения.

В последние дни Таризл был в хорошем настроении. Окружающие даже заподозрили, что он влюблен.

УДК 82(075)
ББК 84.001.01

Кассирша попросила у следователя разрешения закурить. Нервно схватив папиросу, она закурила и несколько раз жадно затянулась.

Давид снова посмотрел на женщину. Она показалась ему удивительно красивой. На ней было элегантное платье, сидя на стуле, она приняла кокетливую позу.

А управляющий все никак не мог успокоиться.

— Представляют, какую штуку мне подстроили, — жаловался он.

Все то время, что Давид вел допрос, Темур тщательно осматривал рабочую комнату Херхеулидзе. В помещении не удалось обнаружить ничего значительного. О похищении денег стало известно с большим запозданием, и приведенная милицией сыскная собака так и не смогла напасть на верный след.

— Закончил? — Давид вопросительно посмотрел на Темура и в ожидании ответа продолжал просматривать протокол допроса.

— Здесь нам делать больше нечего.

— Тогда ты отправляйся в прокуратуру, а я скоро тоже подойду.

Темур уже собрался было подняться в подошедший автобус, как неожиданно рядом с ним кто-то резко затормозил машину.

— Темур!

Темур обернулся и увидел сидящего за рулем знакомого молодого человека.

— Пожалуйте! — Владелец машины распахнул дверцу и любезно пригласил Темура.

— Что вы делаете в этих краях?

— Здесь неподалеку, в торговом управлении, произошла неприятная история.

— В торговом управлении?!

— Почему вы так удивились, Заза?

— Ведь мой отец работает там управляющим.

— Неужели?

— Вы разве не знаете моего отца?

— Сегодня я его увидел впервые.

— А все же, что там случилось? — спросил Заза.

— Похитили крупную сумму денег.

— Деньги? Кто похитил? — воскликнул пораженный юноша.

— Кто похитил? Мы как раз и были там для того, чтобы выяснить этот вопрос.

— Какая неприятность! — огорченно промолвил Заза. — Бедный отец!

— Я себе представляю, как он волнуется. Да, Темур, недобрую весть вы сообщили мне!

— Поволноваться ему, конечно, придется, ведь нешуточное дело — похищение такой суммы денег. Скверная история.

— Ну и что же, вам удалось что-нибудь установить?

— Пока ничего...

— Вы надеетесь, что сможете раскрыть это преступление? — перебил Темур Заза.

Заза вел машину с предельной скоростью. Уже более спокойным тоном он сказал:

— Эх, что поделаешь, видно, это судьба. Будь что будет...

— Я полагаю, что нам в ближайшее время удастся напасть на след преступника или преступников. — Темур был откровенен со старшим братом своих одноклассников: два младших брата Зазы — Гела и Ираклий — учились вместе с Темуром. После окончания школы их пути разошлись... Братья пошли работать на завод, а Темур поступил в университет на юридический факультет.

— Вы должны постараться во что бы то ни стало обнаружить похитителей. Отец не перенесет этого удара, — печально заключил Заза.

— Будьте уверены, Заза, мы приложим все силы, — ответил ему Темур.

Перевод Николая АККЕРМАНА

Продолжение следует

Р а с с к а з

ОНИ очень спешили переделать все дела, чтобы потом уже с легким сердцем поехать к дочери и погостить у нее подольше.

И все же на это им понадобился целый месяц: Кирюше надо было взять из ремонтной мастерской телевизор — чинили почему-то не обещанные три дня, а целых три недели, и надо было опрыскать виноградник, и проедить прошлогоднее вино, и зацементировать дорожку, ведущую от калитки к крыльцу. А Оля в это время починила и вернула таким образом к употреблению массу необходимых и, главное, еще очень хороших и нужных вещей: старенькое ватное одеяло — его пришлось залатать со всех сторон, Кирюшины брюки — он носил их уже лет двадцать, порывевшую, когда-то желтую кофту. В эту кофту, такую шелковистую и совсем еще целую, дочь Татьяна увязала прошлым летом старую одежду. Ну и мотовка! И много другой хорошей одежды нашла Оля на чердаке, забравшись туда после отъезда дочери. Таня приезжала с мужем и переиначила все в доме, как хозяйка. Из одного сундука всю одежду сожгла. Взятась было и за другой сундук, но у Оли начался сердечный приступ, и дочь уступила на этот раз настояниям матери.

Теперь сидит у себя в городе и, наверно, мечтает в следующий свой приезд и остальное сжечь. Но не выйдет! Кто в этом доме хозяйка? Оля! Ну и нечего лезть!

Когда дочь прошлым летом сжигала во дворе содержимое первого сундука, Оля, стояла поодаль и, уже не в силах спорить, только восклицала в недоуменье: — Такую одежду уничтожать?! Да вы... Вы — разбойники! Безумцы!

Главный «разбойник», муж Тани Сережа, по наущенью которого, как подозревала Оля, и происходило это безумство, не выходил из дому. Он сидел с Кирюшей в комнате и говорил о посторонних вещах. И она была уверена в этом, еле сдерживал ликующую улыбку, а в это время Кирюша, вместо того чтобы вступить за жену, старательно поддерживал разговор с зятем.

А Таня, Таня?... Она с возмутительным спокойствием говорила, вороша палкой объятую пламенем одежду:

— Мама! Ну что ты на самом деле? Да пойдй хоть в ваш сельский магазин: сколько разных материй и каких угодно! Мы тебе сколько угодно купим! Положи в сундуки и радуйся!..

— Нет! — в сердцах воскликнула Оля. — Не желаю я ваших материй! Подумаешь, удивили! В этой вот одежде, в этих, как ты говоришь, тряпках и мои

родители, и мои братья, сестры, и я выросли! Из этих вещей я для вас до вой- ны и для тебя, и для Колюньки одежду перешивала!..

— Вот и хватит, — спокойно сказала Таня. — Теперь это надо выбросить

— И-их! — взвизгнула Оля, подскочив и выхватив из огня насквозь про- битый молью рукав не то смокинга, не то полупальто. — И это ты сжигаешь?.. Да посмотри, какое сукно! Уйди, убирайся, — пошла она с кулаками на дочь. — Уезжайте к себе! Мы вам теперь не нужны, так и на свалку нас можно? Ну добивайте, сжигайте! Кирилл! — закричала она в отчаянье, — Кирилл! Иди заступись! Или тебе на меня наплевать? Всю жизнь ты вот так: тебе — что плюнь, что поцелуй... Кирилл!..

Кирюша, высокий, худой, поспешно вышел из комнаты, свесился с бал- кона. Он страшно переживал за подругу совместной пятидесятилетней жизни. Но вмешиваться не решился. Нельзя. Таня, пока Оля ходила за продуктами, договорилась с ним. Таня права. А все же, зачем она это делает? Ну, пусть бы лежали вещи в сундуках. Кому они мешают? Они, эти вещи, вошли в его жизнь вместе с Олей, он их по ее просьбе развешивал каждую весну на солнышке, а эти сундуки, огромные, как кровати, он перетаскивал с места на место в квар- тирах, где они жили в разное время в разных маленьких городках и селах. Он был агрономом, и где только не побывали они, когда он организовывал совхозы и сельхозшколы. Работник он был хороший, энергичный, но главным в нем бы- ло доверие к людям и доброта. И люди любили его и запоминали потом на всю жизнь.

Да, пролетело время. Теперь, вот уже десять лет, как осели они тут, на берегу теплого южного моря. Он построил своими руками этот дом, и, навер- ное, это — последнее их пристанище. Так пусть же стоят сундуки, которыми так дорожит его старенькая Оля, пусть стоят, кому они мешают?

О, что за дни?! Так вот ждешь, ждешь детей... Мечтаешь о них, ночами не спишь — думаешь: как они там, в городах? Все ли здоровы, дружны ли, не нуждаются ли в чем-нибудь? А приедут и — прощай покой.

— Папа! Да уйми же ты маму! Скажи ей хоть что-нибудь, ты же в конце- концов мужчина!

При слове «мужчина» Кирюша вздрогнул, расправил плечи.

— Оля, Оля, ну зачем тебе эти тряпки? — неуверенно проговорил он.

— Зачем? — подбоченившись, прищурилась маленькая кругленькая Оля. От возмущения у нее задрожало одутловатое, в мелких морщинах лицо, седые волосы растрепались, кофта, перешитая лет пять назад из Кирюшиного пид- жака, расстегнулась. — Это мы наживали! Не они, а мы! Они только брали, брали, брали! — И Оля беспомощно заплакала. Потом, опять ожесточившись, указала пальцем на Кирюшу: — Блаженный! Я всегда, всегда одна боролась! Ну, теперь все! Кончено! Уйду! Разведусь! Так и знай!

Но костер продолжал пожирать одежду, Кирюша, махнув рукой, ушел в дом, дочь неумолимо молчала. Тогда-то и начался у Оли сердечный приступ. Правда, он быстро прошел, потому что костер залили водой, а Таня стала об- нимать и успокаивать мать. И Оля, внутренне сдерживаясь, проговорила сла- бым голосом:

— Что сожгла, так шут с ним. А вещи из второго сундука поднимите, пожалуйста, на чердак. Там же они никому не помешают, а я их хочу про- смотреть...

Так и было сделано. Ах, как испортила Таня эту прекрасную шелковистую кофту!

— Ну так едем мы к ним или нет? — спросил в одно ясное утро Кирю- ша, когда привез из мастерской телевизор и включил его. Телевизор работал отлично. — Я уже закончил необходимый ремонт дома. У меня осталось не- много цемента, но я подсчитал, что им можно будет весной еще раз зацементи- ровать дорожку.

— Бездельник ты, — сказала Оля.

— Почему?

— А потому, что сам себе дела придумываешь.

— Но надо же было зацементировать...

— А чего же так быстро она раскрошилась?

— Кто?

— Дорожка.

— Видишь ли... Я кладу в раствор цемента меньше, чем надо...

— Потому и говорю: бездельник!

Кирилл поморгал глазами и вздохнул. «Как интересно разговаривать с женщинами», — ухмыльнувшись, подумал он, поглядев на свою единственную. Ну, может, и не единственную, может, и было когда-то что-то, но это давно

прошло и забылось, и казалось — была одна Оля, а то, другое — не то мечтания, не то сны... Он был уверен, что все женщины мыслят так, как Оля. «Никогда заранее не знаешь, что они скажут, — с умилением рассуждал Кирилл. — И вообще, какая своеобразная у них логика?!»

— Подвязал виноград? — строго спросила между тем Оля.

— Нет еще, но...

— Иди подвязывай!

Довольный, он пошел в виноградник и работал там до самого обеда. После обеда чинил собачью будку, а Оля лежала на кровати и, поглядывая на экран телевизора, быстро и энергично пришивала латки на разлезшуюся от времени полотняную скатерть.

Незаметно подошел вечер. Она все чаще и чаще бросала взгляд на стальные ходики, потом положила на столик шитье, встала и вышла на балкон.

— Кирилл! — крикнула она радостно. — Уже шесть часов! Иди!

— О! — ответил он в ту же секунду. — Это прекрасно, прекрасно!

Начиная с шести часов вечера, они смотрят все телевизионные передачи. Заходят соседки: Зоя, Ксения... Садятся на стулья или на край кровати — здесь не стесняются — все, как родные. А старики уже улеглись на свою широкую старую кровать, пружины которой не раз перетягивал Кирюша, и смотрят передачи лежа. А если один из них нечаянно уснет, другой не будит. Куда спешить? Соседки разговаривают шепотом. То Кирюша уснет, то Оля... Иногда храпят оба.

Но вот первый сон прошел. Освеженные, старики бодро встают. Они садятся за стол и приглашают соседок присоединиться. Но те вежливо отказываются, и все же, не в силах сдержать свой деревенский аппетит, уходят и очень скоро, повеселевшие, возвращаются.

На столе у стариков вся еда, какая есть в доме. Приподыми газету и бери... Едят они так, что, глядя на них, соседкам опять есть захочется, а потом, снова прикрыв еду газетой, укладываются на кровать.

Теперь можно послать подольше. Но если начинается передача об Отечественной войне, тут уж не до сна. Кирюша громко восхищается героями, Оля всласть плачет. И уж самой непонятно о чем: жалеет молодых или над всей своей прошедшей трудной жизнью плачет?.. Все как-то перемешивается.

— Бедные мои деточки! — бормочет она. — И из того пекла выскочил живым наш Колюнька!..

Колюнька — сын, который привез и установил им этот телевизор. Колюнька дошел от Москвы до рейхстага, и с ним тоже нет у них общего языка. Критикует. Эх, дети! Не хотят понимать родителей. А пусть сами проживут с наше и потом осуждают!

Кирюша тоже думает о детях, вспоминает Таню:

— Оля, ну как, когда поедем, а?

— А что там делать? — огорошила ответом она.

— Как что? Соскучились...

— Нужны мы им.

— Надо поехать, надо, — говорит престарелая Ксения.

Некоторое время все молчат — смотрят передачу.

— Ну, а как же? — все же спрашивает Кирилл.

— А вот так же, — просто отвечает она. — Ну их, этих детей! Телевизор починен, тепло нам, спокойно. Чего тебе еще?

— Эх-ха-ха! — шумно вздыхает Зоя. — Я вот тоже со своим Гришей... Дети — хорошо, а все же... другая у них жизнь, другая!

Кирюша молчит, собирается с мыслями. В это время Оля снова начинает причитать.

— Бедные наши птенчики! Страдали-то как! — И плачет.

Охает Зоя.

— Вай, вай, вай! — Сжимая ладонями щеки, раскачивается из стороны в сторону Ксения.

— Да, да! — Кирюша в волнении проглатывает слюну. Он снова забыл о поездке к Тане. — Что, что? Этот подлец фашист ударил? Ах, негодяй! — Кирюша плохо видит и иногда просит, чтобы объясняли ему, что происходит на экране. А Оля плохо слышит, но тут уж Кирюша отлично комментирует услышанное. И чем сильнее переживает Оля, тем воинственнее и восторженнее становится Кирилл. Своими пояснениями он, как говорится, подливает масла в огонь.

— А где мой муж погиб, я даже не знаю, — бормочет Ксения.

— А Рафик наш еще маленький был, повезло, — говорит Зоя.

— Смотрите! — всхлипывает Оля. — Лицо-то какое у нашего бойца, лицо-то! Все в ранах! Видишь, Кирюша? А что, что он сказал?

— Он сказал: советские не сдаются! Ах, как их мучили, как истязали! Оля заливается слезами. И Кирилл с горячностью продолжает:

— Подумать только: делали из человеческой кожи сумочки!..

— О, не надо! — стонут все женщины.

— Детей зарывали живыми!..

Оля плачет навзрыд. Но Кирилл не унимается, а Оля вдруг перестает плакать и спокойно говорит:

— Хватит болтать. Вставай, надо овчарку нашу привязать, а то опять забудем.

А если б прыти у него было поменьше, она бы про собаку и не вспомнила.

Он послушно идет привязывать Грея. Это Таня привезла им из города щенка, а он взял и вымахал ростом с теленка. Слава богу, никого никогда не кусал, потому что вырос и живет на пшенной каше, но попробуй — с Олей поспорь!

Охлажденный свежестью вечера, Кирюша возвращается и уже старается не горячиться. А то ведь Оля снова придумает ему какое-нибудь дело, и он опять пропустит интересные кадры.

Но вот кинофильм закончился. Соседки, пожелав спокойной ночи, ушли. Диктор сообщил последние международные новости. Оля уже сладко спит, и Кирилл спит, похрапывая. Телевизор светится немым белым прямоугольником. Ему повезет, если один из стариков проснется среди ночи и выключит его. А то до утра он мелькает крапинками эфира, а старикам снятся дети, будто они живут все вместе, и нет разлуки...

— Ну что, брать билеты? — в который уже раз и почти безнадежно спросил Кирюша.

Оля в зеленом перелицованном пальтишке копалась в огороде.

— Бери! — вдруг бойко сказала она.

— На сегодня?

— А чего ж? Бери на сегодня.

— Так ты брось это. Собирайся. Я пойду за билетами.

— А чего собираться, возьмем да и поедем.

— Прямо так?

— Да, так. Иди.

Когда он принес билеты, до отхода поезда оставалось еще несколько часов. Но старики возлились по хозяйству до последнего момента, а когда поняли, что могут опоздать на поезд, увязали в тюк первую попавшуюся под руку одежду, наполнили вином канистру, насыпали в корзину яблок и поспешили на автобус.

В вагоне за разговорами с пассажирами они и не заметили, как настала ночь, выспались и — город. Телеграмму о своем приезде они не давали — все равно не успела бы дойти, да и зачем лишний раз беспокоить молодых — появились на пороге, как студенты.

Возгласы радости. Внучка Лара чуть не задушила их в объятьях. Как она выросла за эту осень! Уже выше бабки!

Вдруг Татьяна отстранилась и сказала:

— Мама, папа! В чем вы приехали? Мама, у тебя же есть моя шуба! Папа, а ты? На тебе плащ весь в крапинках!

— В каких крапинках? — крайне удивился Кирилл. — Нет, отчего же?

— Мелкие-мелкие крапинки!..

— А! Знаю. Я в нем виноград медным купоросом опрыскивал.

— Папа!

Кирилл виновато улыбался.

— Коля подарил тебе пальто!..

— Хватит! — рассердившись, сказала Оля, — Началось!

— Мама, но ведь в этом зеленом пальтишке ты огород копаешь!

— Ну и что? Оно очень легкое. Прелесть, а не пальто!

— Мама, но ведь тут город!..

— Город, город!.. Кирилл, поедем обратно!

— Ну зачем обижаться? — Таня сразу смягчилась. — Ладно, раздевайтесь. Мы тут что-нибудь сделаем. В крайнем случае отдадим в чистку. Зиму у нас проживете, да?

Лара пела от счастья, и Сережа был рад.

— Вот тут вино, яблоки, — сиял Кирилл.

Они сняли пальто и, довольные, уселись рядышком на диван.

— Мама, и ты в этой кофте ехала в поезде? — снова ахнула дочь.

— А что?

— Так ты же лет пять...
— Да, да, да! И еще буду носить! А что? Чистенькая, мягкая!...
— Ма-ма! — по слогам произнесла Таня. В глазах ее был ужас.

горели.

Но она снова взяла себя в руки:

— Ну, хорошо. Мы здесь купим другую...

— Не надо другой, лучше моей нету!

— Оля, Оля, — примирительно сказал Кирилл. Ему иногда не нрави-
лась неуступчивость жены. — Твоя кофта действительно...

— Ну, может быть, немножко, — решила не спорить Оля.

Каким чудесным был вечер в кругу семьи! Лара демонстрировала свое искусство игры на пианино, причем частенько ошибалась, и тогда Таня начинала отстукивать такт ногой и напевать мелодию. Они поминутно спорили, потом Лара начинала снова. Сережа в это время разговаривал с Кириллом о политике. Потом сели за стол. Вот если б еще и Колюнька со своей женушкой и птенчиками был здесь... Оля тихо похихатывала своим мыслям, бормоча:

— Детки мои дорогие, как хорошо, как хорошо-то!..

А Кирилл в душе давал себе слово ни в чем не перечить дочери и зятю: они такие любящие, такие заботливые...

Старикам постелили в столовой: рядом кухня и до туалета рукой подать.

Ночь проспали отлично. Проснулись по привычке рано. Захотелось встать, но боялись разбудить хозяев. Лежали, шептались:

— Вот видишь, Оля, говорил я тебе — едем.

— Да, да, Кирюша, хорошо, что мы наконец...

В это время из спальни донесся плаксивый голос Лары.

— Не-ет, не-ет, — тянула она. — Не пойду я сегодня в школу-у-у!

— Пойдешь! — послышался голос Тани.

— Не могу!

— Смоги!

— Я не выпалась!

— Доспишь вечером.

— Нет!

— Да!

— Да что это на самом деле?! — разразился басом Сережа. — Каждый день — торговля! Ты что, не хочешь учиться?

— Она хочет стать дворником, — сказала Таня.

— А что, дворник не человек? — язвительно спросила Лара.

— Молчать! — крикнул Сережа. — Это ты! — напустился он на Таню. — Ты ее портишь!

После минутной тишины в спальне опять повторился весь этот разговор, почти слово в слово.

Прошло еще несколько минут, и старики с недоумением переглянулись: можно было подумать, что в спальне еще раз завели ту же пластинку. Потом, после крика Сережи, начался общий крик, дочь и зять провели под конвоем Лары мимо постели стариков. Причем оба с двух сторон шептали:

— Тише, Лара, бабушка и дедушка спят!

А как вошли в кухню и захлопнули за собой дверь, снова закричали втроем так, что зазвенело в ушах.

Старики не дышали. Таня пронеслась мимо них в спальню, за ней — Сережа, а потом все трое стали бегать туда и обратно и по дороге ссорились и спорили: Сережа ругал Таню за бесхарактерность, она его — за грубость, Лара их обоих — за грызню.

Кирилл тихонько толкнул Олю под одеялом.

— Молчи! — шепнула она.

И они лежали и молчали, не зная, что делать: встать или оставаться в постели, пока эти удивительные сборы не окончатся.

Ждать пришлось недолго. Но под конец, когда Лара отказалась от завтрака и Сережа сказал, что Таня не умеет растить детей и потому у Лары будет туберкулез, Таня хлопнула дверью так, что посыпалась штукатурка. Тогда Сережа хлопнул еще сильнее и ушел на работу, не позавтракав. После этого Лара и Таня очень мирно уселись за стол, стали смеяться, с аппетитом поели и приветливо пожелали Оле и Кириллу доброго утра.

Вздохнули старики. Повеселели.

Когда Таня и Лара ушли, они сразу встали, и Оля прикрыла постель покрывалом. Зачем перестилать? В течение дня они раз пятнадцать прилягут и раза четыре поспят.

В тот день старики пошли в баню. Вернулись. И, как всегда после этой процедуры, их охватила особая жажда деятельности.

— Давай хорошенько протопим печь, — благодушно сказал Кирилл.

— Давай. Но что это за обогреватель? — Оля критически осмотрела железную на тоненьких ножках печку. — Хоть бы кирпичами обложили!

— А это идея! — обрадовался Кирилл. — Молодчина ты, Оля! Всегда умные вещи придумываешь! Давай сделаем им сюрприз! Они такие непрактичные.

— Конечно. Гляди: не печь, а профанация какая-то!

— Да, да! Пока топишь ее — тепло, а через полчаса...

— Хватит болтать. Где бы найти кирпичи?

— А они под окном, во дворе, я видел!

— О, как славно!

— А на паркет под ножки печки листовое железо подстелим. Оно тоже есть во дворе, я видел!

— Молодец! Давай быстренько поедим и — за дело.

Так они и сделали. Потом Кирилл замесил во дворе глину и обложил печь доверху кирпичами.

Теперь печка грела на славу. Теплынь пошла по квартире вместе с запахом свежей глины.

— Хорошо! — восхищался Кирилл.

— Прелесть! — блаженствовала Оля.

С каким нетерпением они поджидали хозяев! Прилегли было, но потом встали — что-то не лежалось, подходили к окну, глядели на ворота.

Наконец пришел зять. И как же они огорчились, увидав выражение его лица. Сережа просто передернулся от отвращения. А почему? Чем же портят кирпичи вид гостиной? Красные, горячие, а запаха, запаха!.. Живой, домашний!..

Сережа в тот вечер говорил, как обычно, обо всем. Но только не о печке. А когда пришла Таня, он молча кивнул на печь. Она рассмеялась, он тоже не удержался, потом покраснел и рассердился. Она вспыхнула, заволновалась, и они оба стали молча выносить кирпичи во двор.

Кирилл попытался было убедить их, что кирпич сохраняет тепло, но его никто не слушал. Оля сидела надувшись и вдруг затосковала по своему дому. Там они обогревались иногда просто керосинкой, положив на нее два кирпича.

Зять после еды снова начал посмеиваться над гениальной, как он говорил, затеей Кирилла. Кирилл молчал. Он ни за что не выдал бы свою жену.

А Таня все возилась и возилась на кухне.

— Таня! — звала ее Оля. — Да брось ты возиться! Иди поговорим! Ведь для того мы и приехали!

— Успеем! — отвечала Таня. Она пекла пирог.

А зачем? Ведь вернулась с работы усталая. Тут бы полежать и отдохнуть. Не все ли равно: пирог или купленные в гастрономе булочки с повидлом? Лучшее б прилегла...

— Таня, иди приляг!

— О, мама, я знаю, что делать! Ложись сама, если хочешь!

В столовой, где уже раз пять в течение этого дня закусывали старики, зять заметил на паркетe крошки хлеба. Он молча взял веник и с недовольным лицом стал подметать пол.

Щурилась Оля и добросовестно присматривался к полу Кирилл: нет, никаких крошек не видно. Но если зять подметает... Вздыхали старики, протестовали в душе против этого подчеркнуто тщательного подметания и вообще против лишних, по их мнению, хлопот.

Было скучно и холодно.

— А чего ваш телевизор не работает? — спросила Оля.

— Трубка села, — сказал Сережа.

— Замените.

— Да, надо.

— Если нет денег, мы дадим!

— Ты лучше купи себе кофту, — мягко приласкалась к ней дочь. — Ах, мама, мама! Сколько я тебя помню, никогда не было у тебя одежды.

Оля очень удивилась.

— Чудная ты, — сказала она. — У нас же все есть. Полный шкаф!

— Знаю, знаю...

Привыкли вы транжирить. Залезла я на чердак и такую кофту там нашла, шелковистую, прелесть! А ты в нее одежду увязала. И теперь у этой кофты рукава вдвое длиннее стали...

— Ах, мама!

— Ну, что: мама, мама?

— Та кофта гнилая.

— Сами вы гнилые. Если ее немного подштопать...

— Но ведь носить ты ее не будешь!

— Да. У меня есть кофта. Вот! — Она показала на свою.

Дочь пожалала плечами:

— И у папы пиджак...

— Разве? — удивился Кирилл и, просияв, сказал: — Люблю свою одежду!

— Ты и спишь в этом днем...

— Ну и что?

— Трудно с вами говорить, трудно...

— Ты несправедлива, — обиделась Оля.

Но Таня твердо сказала:

— Завтра пойдем и купим вам одежду.

— Нет!

— Да.

— Нет! И какое вам дело! Как нравится, так и одеваемся!

На следующее утро, когда Сережа ушел на работу и старики, с облегчением передохнув, сразу встали и подсади к столу, Таня быстро убрала их постель, да так аккуратно, что и прилечь потом было совестно.

Кирилл, потоптавшись около, сел на стул и сказал:

— Как приятно внимание. — И затосковал.

— Ну вот, теперь идемте по магазинам, — торжественно сказала Таня.

— Это зачем? — насторожилась Оля.

— Экипироваться.

— Мне что-то нездоровится, — решил увильнуть Кирилл. Он и вправду чувствовал себя неважно. Прилечь бы. Но как приляжешь на так тщательно застланную кровать?

— Мы уедем, — грустно сказала Оля. — Скоро.

— Нет, — сказала Таня, — этот номер не пройдет. Пусть папа сегодня отдыхает, у него действительно утомленный вид, а ты пойдешь со мной и оденешься как надо.

— Никуда я с тобой не пойду, мы скоро уедем!

— Ладно, — Таня холодно отвернулась. — Уезжайте. Если вам нравится позорить меня перед соседями и перед мужем...

Кирилл заволновался, Оля заплакала.

Они весь день сидели рядышком. Он читал вслух газеты и нет-нет да и пожимал в недоумении плечами, а она всплакнула было, сетуя на свою жизнь и судьбу, а потом притихла, тоскуя о своем доме, о телевизоре, огороде и беспорядке, в котором легко и удобно жить, не боясь ничьих попреков и замечаний. Она разглядывала свою кофту: ну чем, ну чем плоха?

На следующий день, лишь только дочь заговорила о магазинах, старики сразу закивали головами, и Оля, порывшись в своей черной, необъятных размеров сумке, дала ей деньги.

Они пошли.

— Лучше б телевизор починили, — бормотала, с трудом поспевая за дочерью, Оля.

Они шли по улице, запруженной народом. Оле хотелось поговорить с Таней о ее жизни, о Ларисе, да мало ли еще о чем. Ведь затем и приехала. Но гворить было невозможно. Таня неслась, как угорелая. Когда с людским потоком они входили в магазин, она почему-то очень нервничала, торопилась. Она пыталась подобрать для Оли платье и не могла.

— Для тебя надо шить на заказ, — сказала, наконец, Таня и опять побежала впереди.

— Да пойми ты — дома у меня полный шкаф одежды!

Таня не понимала. А ведь было время — за ситцем, простым ситцем, в очередях по ночам стояли! Правда, давно это было, еще до войны. Но какая же разница? Расшиковались! Зачем? Может, в этом-то и все несчастье? Где они, где, простые человеческие радости?

— Таня, Таня, куда ты несешься?

Она не слушает. Отмахивается рукой.

В обувном магазине она выбрала славные кожаные чусты.

— Почем? — благосклонно спросила Оля.

— Шестнадцать.

— Что, что?

— Шестнадцать рублей!

— Ой, не хочу, не надо!

- Почему?
- Дорого. Шестнадцать рублей, подумать только!
- Так ведь хорошие.
- Не надо, у меня есть!
- Ничего у тебя нету!
- Есть. Дома. Полный ящик!
- Так там старье. Жаль, летом не сожгла.
- Я тебе сожгу! Идем!

Но Таня уже заплатила в кассу деньги и сунула чусты в сумку. Нет, нет, она действительно ужасная транжирка!

— Пошли, пошли домой! — сердито требовала Оля. Шум, суетолака, говор раздражали ее, она уже устала и была обижена, так как дочь совершенно не считалась с ней.

А Таня все неслась впереди, и пришлось протискиваться вслед за ней в другой магазин, в третий...

— Покажите те черные ботинки! — попросила она продавщицу в универмаге.

- Это для меня? — с испугом спросила Оля.
- Да, примерь.
- Мы же купили чусты!
- Примерь, мама!
- Ну зачем, зачем?

Таня сама надела на нее ботинки. Пощупала носки, задники:

- Жмут?
- Нет.
- Постой, застегну!
- Да я все равно...
- Сколько они стоят?
- Двадцать пять, — ответила продавщица.

Таня уплатила в кассу, а старые, изношенные, но такие удобные Олины туфли она оставила на улице около урны.

— Знаешь что? — сказала Оля, схватила туфли и запихала их в сумку. — Как ты смеешь? И в конце концов...

Но пришлось опять почти бежать, чтобы не отстать от дочки.

Купила Таня для матери кофту. Купила и свитер для отца. Оля вздохнула с облегчением лишь тогда, когда дочь объявила, что деньги кончились. Очень хорошо! По крайней мере не будет больше глупых трат!

— Мы на днях починим телевизор, — сказала очень довольная Таня, и они снова понеслись по улице, теперь уже в сторону дома.

Дома была примерка, потом Таня взяла Олину старую кофту и пиджак Кирилла: хотела выбросить. Но Оля возмутилась, да и Кирюша неожиданно резко запротестовал. Тогда Таня сказала, что постирает их.

Три дня томилась в новой одежде старики, потому что Тане было некогда, а им стирать она не разрешала. Лишь на четвертый день они получили свою отутюженную одежду и моментально надели ее.

А дальше жизнь покатила удивительно монотонно. Дочь, зять и внучка уходили, возвращались, снова уходили — делали дела, дома ссорились и мирились и, как бы мимоходом, часто спрашивали шумно и весело:

— Ну как? Не скучаете? Мама, надень новую кофту! Папа, на кого ты похож в этом пиджаке?! Странные вы люди!

А старики вздыхали и думали, что не они странные, а их дети и дети их детей. Проще надо жить, проще. Вот и Лара какая-то издерганная. Грубит, не помогает матери...

Иногда к молодым приходили знакомые. К одним стариков просто вытаскивали в гостиную, к другим — ни в коем случае. «Потому что есть люди, которые осудят за старую одежду, а есть — простые, как мы».

И все равно Татьяна каждый раз требовала, чтобы родители ее переоделись. Был вечер, когда Кириллу пришлось четыре раза проделывать эту операцию. Наконец он взорвался:

- Оставь меня в покое! Не выйду я — и все!
- И я не выйду! — подхватила Оля.

И они сидели безвыходно в столовой, бывало, целые вечера.

— Поедем, Кирюша, домой, — сказала однажды Оля.

Кирилл долго думал, глядя на закрытую дверь: почему все так нелепо?

— Обидятся, — сказал он, а у самого от радости задрожали руки.

— А чего обидятся? У них своя жизнь, у нас — своя. Слышишь, как хочут? Пусть мечутся, пока здоровые, пусть кривляются. Едем!

- Я бы с удовольствием, — он готов был запеть.
- Ну вот и поедем.
- А как им сказать?
- Что сказать? И говорить тут нечего. Поедем — и все.
- Нет, но как же...
- А вот так же.

Но Кирилл решил придумать повод. К счастью, просто к счастью, ночью ударил мороз. Кирилл, стараясь скрыть радость, сказал с озабоченным видом:

- Какая жалость — нам надо ехать! Понимаете, вода в трубах замерзнет, и ремонт влетит нам в копейку.
- Не замерзнет, — попробовал успокоить его Сережа.
- Нет, нет, я уж знаю. С этими трубами хлопот потом не оберешься. Нам надо ехать.
- Да вы же хотели всю зиму...
- Хватит, — сказала Оля. — С нас хватит. Поговорить вот мы не успели.
- Я скоро буду посвободней, — печально сказала Таня. — Мама, не уезжайте!

— Ах! — вздохнула Оля. — Ладно уж.

— Мы бы с удовольствием, но понимаешь, трубы... — снова начал Кирилл и умолк.

- Да, но все-таки как же это?
- А теперь — до лета, — вздохнул Кирилл.

Ему все же было тяжело и грустно. Оле тоже было тяжело до слез. Но она прикинулась беспечной.

— До лета, до лета... — весело передразнила она Кирилла. — А какая разница? Время летит! Будем себе потихоньку...

Когда они заняли свои места в вагоне и подошел момент расставанья, Оля взглянула в глаза дочери: в них было смятенье, и боль, и раскаянье. Но Таня держалась крепко. И Оля решила держаться.

- Пролетит время — не заметим! — бодрился Кирилл.
- Да, конечно! — подхватили все.

Простившись с Танюшей, Сергеем и Ларой, они сели рядом и прижались друг к другу. Хорошие у них дети, ничего не скажешь. Но хочется быть самими собой. Невозможно угнаться за молодыми. Да и зачем? Так и не надо себя неволить.

Их старые сердца сжимались от боли расставанья, но постепенно, нарастая, как перестук колес, поднималась в душе радость освобождения. Вот она уже почти вытеснила боль, и они поглядели друг на друга свободно, как дома.

- Хорошо, что есть у нас свой уголок, — светло улыбнулась Оля.
- Как там наш Грея? — сказал Кирилл.
- Ты оставил Ксении пшено?
- Для Грея? Ну, конечно!
- А наш телевизор?
- Да, ждет...

За окнами уже тянулись горы...

Очерк

ПУТИ И ВСТРЕЧИ

ВИНОГРАДНИК, В КОТОРОМ ЗРЕЮТ ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

В двухсоттомник «Библиотеки всемирной литературы», издающийся в Москве, вошел роман Джона Стейнбека «Гроздь гнева».

Одно из значительнейших произведений американской литературы XX столетия, роман этот является вершиной творчества писателя. Но спустя определенное время после создания романа Джон Стейнбек вдруг выступил апологетом реакционеров, ратовавших за американскую агрессию во Вьетнаме! Два диаметрально противоположные грани мировосприятия, поразительная амплитуда колебания гражданской позиции известного писателя.

Странны первоисточники ассоциаций. Всякий раз, когда мне случается видеть черепаху, я вспоминаю Стейнбека. Впрочем, есть в этом своя закономерность. Каждый, кто читал «Гроздь гнева», вероятно, помнит черепаху, которая движется с севера в западные штаты...

...Я имел честь встретиться с мистером Джоном Стейнбеком в Москве. Это было уже после гибели Хемингуэя, после того как Стейнбек, автора «Зимы тревоги нашей», за которую он был удостоен Нобелевской премии, признали первым писателем Америки.

«Да, от прищура этих зорких глаз едва ли что укроется», — промелькнуло у меня в голове, когда я увидел перед собой Стейнбека.

— Я грузинский журналист, — представился я, называя свое имя и фамилию. — Разрешите задать вам несколько вопросов, мистер Стейнбек?

— Джорджия? — вопросом на вопрос ответил Стейнбек и еще более сощурил один глаз. — Что ж, очень рад. Следовательно, мы оба с вами американцы?!

Я почувствовал легкую иронию в этой своеобразной игре слов.

— Итак, вы корреспондент газеты... э-э...

— «Коммунисти», — подсказал я.

Это сообщение особо радостных эмоций в нем, конечно, не вызвало, но он ничем того не проявил. Его антикоммунистическое лицо открылось позднее, пять лет спустя после нашей встречи. То было падение с высокой вершины вдохновения в пропасть моральной смерти. Но — Стейнбек остается Стейнбеком, потому что это он, Джон Стейнбек, творец «Гроздь гнева» и «Зимы тревоги нашей».

...Есть произведение у Стейнбека, носящее название «Горсть золота». Не продал ли Стейнбек свою душу дьяволу за горсть золота? Талант в эпоху античности был денежной единицей. И всякий раз, слыша слова: «талант Стейнбека», я невольно представляю себе звенящие монеты...

Но это возникло позднее, а тогда, во время нашей беседы, все обстояло совсем иначе.

Стейнбек окинул меня с головы до ног внимательным взглядом и спросил:

— Чем же заинтересовала грузинского журналиста моя персона?

— О, мистер Стейнбек. Грузия — страна виноградной лозы, и нам, виноградарям, интересно узнать, зреют ли еще в винограднике Стейнбека гроздь гнева?

Начало в №№ 5, 7, 8.

¹ Джорджия — Georgia — по-англ. Грузия.

В глазах Стейнбека вспыхнула искорка.
— В моем винограднике в изобилии зреет виноград, как и в виноградниках Грузии. Я был в вашей стране в 1947 году, и я видел ваши виноградники.
— А не грозит ли «зима тревоги» винограднику, отягощенному гроздьями гнева? Кстати, ваш коллега Уильям Сароян уже написал «Зиму в винограднике»...

Стейнбек взглянул на меня с легкой улыбкой и твердо ответил:

— Наступление зимы — непреложный закон природы. Но я знаю вот что: в природе не существует града, способного уничтожить мой виноградник. Я верю, что каждой осенью будет новое вино из моего винограда. И я не напишу произведения на тему зимы и виноградника, а что касается Уильяма Сарояна, я по его рекомендации намерен посетить Армению. Ну что, — усмехнулся он, — я, кажется, достаточно хорошо разбираюсь в виноградарстве, а?

— Однако, насколько мне известно, мистер Стейнбек, ваши соотечественники привержены более к виски, нежели к вину?

— А я все-таки считаю, что «истина в вине»! — засмеялся он. — Надо полагать, в Грузии мне не трудно будет сыскать единомышленников, не так ли? Я засмеялся.

— Вероятно, мистер Стейнбек. А что вам запомнилось тогда, в сорок седьмом, из путешествия по Грузии?

— Встречи с грузинскими писателями, — не колеблясь ответил он. — Еще — красота грузинок и грузин... Позже я видел ваш чудесный балет в Нью-Йорке...

Как и многие иностранцы, Стейнбек подразумевал под балетом ансамбль грузинского танца Сухишвили и Рамишвили.

Эта кратковременная беседа имела место поздней осенью 1963 года. Потом Стейнбек приезжал в Тбилиси.

А вскоре после памятных встреч в Тбилиси солнце Стейнбека покатилося к закату. Стейнбек встал на путь восхваления политики Пентагона во Вьетнаме. Как заметил тогда выдающийся французский журналист и публицист Андре Вюрмсэр, моральная смерть Стейнбека явилась событием более удручающим, нежели убийство президента.

В тот период мне случилось быть на Американском континенте. Своими глазами видел я телепередачу о вылете Стейнбека во Вьетнам, видел, как радовался Стейнбек, когда американские солдаты дали залп по вьетнамским партизанам...

Итак, по странной причуде судьбы Джон Стейнбек оказался на позициях реакционеров. Случилась удивительная вещь: Стейнбек и его произведения оказались на разных полюсах, оказались врагами, они борются друг против друга. Романы Стейнбека — против Стейнбека! Стейнбек-писатель — против Стейнбека-гражданина! Такое могло произойти лишь в буржуазном обществе. И конечно, то, что произошло со Стейнбеком, — трагедия.

Лучшие произведения Джона Стейнбека — «Зима тревоги нашей» и «Гроздь гнева» — живут самостоятельной жизнью и борются против того, что утверждал к концу своего пути по грешной земле их автор. Эти произведения — на стороне прогресса и мира. И по дорогам Соединенных Штатов Америки все движется стейнбекова черепаха, как символ философа, продвигающегося по пути истины. Черепашьи глаза в насмешливом прищуре зорко озвряют пространство...

И зеленеет под ярким солнцем виноградник Стейнбека, в котором зреют тяжелые гроздья...

...Так говорится в грузинской пословице: «Смотри на плоды и не спрашивай о садовнике»...

НЕСКОЛЬКО МИНУТ С РОБЕРТОМ ФРОСТОМ

Как-то раз мне попались поэтические переводы Звиада Гамсахурдиа из американской поэзии. Я прочел их с огромным удовольствием. Среди них были стихи одного из выдающихся поэтов Америки XX века — Роберта Фроста. И вспомнилась мне встреча с Фростом, состоявшаяся в Москве лет десять назад.

Роберт Фрост вместе с известным профессором-американцем в сопровождении Алексея Суркова путешествовал по Грузии, точнее — по абхазскому побережью Черного моря. Они посетили Гагра, мыс Пицунду. Когда Фрост вернулся в Москву, я как раз находился там в командировке. Узнав номер телефона Фроста, я, не теряя времени, позвонил ему. Представившись и обменявшись приветствием, я невольно задал традиционный вопрос:

— Как вам понравилась Грузия, мистер Фрост?

— О, Грузия очень красивая страна! Гагра и Пицунда — это «грузинская Калифорния»!

— А может, Калифорния — это «американская Пицунда»? — пошутил я. — Ол райт! — рассмеявшись, подхватил Фрост. — Великолпно! Калифорния — «американская Колхида»! А знаете, ведь я преклоняюсь перед Колхидой, этой сказочной страной, страной древнейшей цивилизации!

Я тогда и не знал, что Фрост — родом из Калифорнии, не знал и того, что в Грузии он, к сожалению, переболел и, вероятно, мало что успел повидать.

— Не собираетесь ли вы писать о Грузии стихи, мистер Фрост?

Несколько секунд на том конце провода было молчание, потом я услышал слова, произносимые уже иным, совершенно серьезным тоном:

— Я противник так называемой «географической поэзии», с помощью которой юноша, заглядывая в указатель стихотворений, может ознакомиться с той или иной страной. Я приверженец и служитель аналитической поэзии, но тем не менее... тем не менее я, быть может, изменю в какой-то мере своим привычкам... Я сын земли, и моя стихия — природа, деревня. Мне понравились ваши деревни, понравились отличные плантации ваших фермеров. Передайте, пожалуйста, привет от меня грузинским фермерам¹.

Роберт Фрост, каким он открылся мне тогда, совершенно не соответствовал тому образу рафинированного американского джентльмена, который давно сложился и жил в моем воображении. Простой, скромный и несколько рассеянный добрый старик — вот каким он мне представился.

Надо сказать, что в те времена мы имели довольно туманное представление об американской поэзии вообще, и поэзия Фроста не составляла исключения. «Фермер, крестьянский поэт» — говорили о нем. Еще говорили, что это поэтический феномен, возникший на почве народной поэзии, апологет классического рифмованного стиха, стоящий фактически на рубеже модернистской поэзии. Было также распространено мнение, что переводить Фроста возможно с помощью версификационного арсенала народного стиха и т. д. и т. п.

Грузинские переводы Фроста, выполненные Звиздом Гамсахурдиа, стоящие на уровне современной поэтической культуры стиха, проливают свет на эти сложные вопросы.

Что и говорить, обширный поток информации об Америке, об американской литературе вообще и поэзии в частности, которым мы располагаем на сегодняшний день, способствовал успеху переводчика, но это фактор не решающий, а способствующий. Талант, художественный вкус, врожденное поэтическое чутье и чувство меры — вот, вероятно, основные факторы, обусловившие и обеспечившие успех Звизда Гамсахурдиа в переводе стихотворений Роберта Фроста.

Помню еще один небольшой диалог с Робертом Фростом, состоявшийся тоже в Москве, когда я присутствовал на выступлении Фроста в Библиотеке иностранной литературы. Об этой моей встрече я тогда же опубликовал в прессе несколько строк.

...Я затаив дыхание слушал, как седовласый величественный старик, держа в руке томик своих стихов, вдохновенно читал...

Мы, грузины, возможно, найдем в поэзии Фроста немало мотивов, близких и знакомых нам из поэзии Важа Пшавела, но ассоциации эти, конечно же, весьма и весьма условны. Как говорят немцы — «всякое сравнение прихрамывает». Что ж, может, мои сравнения хромы на обе ноги, и, однако, не погрешу против истины — слушая стихи Фроста, я невольно думал о Важа Пшавела, о Миндия. Да, тут уж не скажу и в шутку, что Важа — грузинский Фрост или, наоборот, Фрост — американский Важа, но думается мне, что Фрост — певец природы, чем-то напоминает Важа Пшавела.

Стихи, которые я слушал тогда на английском языке, чужом и далеком для меня, пробуждали, однако, гораздо более яркие эмоции во мне, нежели переводы их на язык, неизмеримо лучше знакомый. Фрост читал — и музыка стиха, его первозданное поэтическое очарование открывали слушающему неведомый, ни на что не похожий прекрасный мир. И еще — стих отражал облик Фроста, Фрост — облик своего стиха. И были эти стихи так же неповторимы, как профиль Фроста. Удивительно восполняли друг друга поэт и его произведение, человек — и бестелесное, но живое слово. Это были минуты непередаваемые и незабываемые...

Потом, после чтения, я обратился к Фросту с вопросом:

— Мистер Фрост, существует мнение, что ваша поэзия возникла на почве английского классического стиха. Какую роль на самом деле сыграла для вашего творчества английская поэзия? И можно ли провести четкую черту между английскими и американскими истоками вашего творчества?

Фрост внимательно посмотрел на меня и проговорил:

¹ Фрост имел в виду грузинских колхозников.

— Это, знаете ли, тема научного трактата, но не импровизированного интервью.

Помолчав с минуту, он снова заговорил, видимо, не желая меня обидеть. Заговорил быстро, торопливо, и все лицо его при этом светилось.

— Я скажу кратко: моя поэзия и вправду родилась на почве английской классической поэзии, но мой стих — американский, не английский, и пишу я на американском языке.

Я подумал, что ослышался — американский язык?! Такое словосочетание в любом филологическом или литературном контексте считается у нас ляпсусом. А передо мной стоял один из жрецов американской поэзии XX века и произносил именно эту фразу!..

Много позже я уже неоднократно встречал в немецких литературных журналах: «перевод с американского»... И всякий раз при этом вспоминалась мне та беседа с Фростом. В русском и грузинском языках это понятие пока не утвердилось, но, вероятно, оно вскоре обретет законное гражданство.

...Я спросил Роберта Фроста:

— Насколько мне известно, современные американские поэты отдают дань модернистской поэзии, вы же идете против общего течения. Чем это объяснить?

Он улыбнулся:

— Меня очень часто спрашивают об этом в Европе. Поскольку вопрос ваш оказался традиционным, я и отвечаю на него традиционно — строками из моего стихотворения «Текущий к Западу ручеек»:

О чем он думает,
Идя на Запад?
А другие реки идут на Восток,
Чтобы влиться в океан.
Наверное,
Ручеек верит во что-то —
Или,
Как и нами,
Им движет противоречие.

Я поблагодарил поэта и решил задать ему еще один вопрос:

— Так что же в данном случае, мистер Фрост: вера или противоречие?

— И одно, и другое, — сказал он. — Это сложная вещь. Да и, в конце концов, и ужто вам не все равно, напишу я традиционное стихотворение или нерифмованное или модернистское? Ведь главное — чтобы вы почувствовали в нем поэзию.

Что ж, это было справедливое замечание!

— Мистер Фрост, насколько я могу судить, ваша поэзия — поэзия философская. Она опирается на какую-либо философскую систему?

Он засмеялся:

— Моя философская система называется поэтической истиной, и она не уместается в рамки никаких «измов». Хотя «измы» на Западе нынче в большой моде, и если кто-нибудь задается целью обязательно вогнать мою философию в рамки «изма» — это будет, если желаете, «фростизм».

Тут уж заулыбался я и, не изменяя профессиональной повадке газетного репортера, немедленно задал новый вопрос:

— А в чем, простите, основное содержание фростизма?

Лицо Фроста стало чрезвычайно серьезным. Видимо, поэт придавал большое значение своему ответу.

И неожиданно для меня он стал читать:

Есть сила,
Направляющая путь самого солнца.
Это — толчок, бросающий к истоку,
Сила обратного течения,
В котором мы находимся,
Дань течения,
Принесенная истоку.
Вот что такое в природе наше начало
И наша сущность в основном.

Не знаю, был ли это ответ на мой вопрос или уход от ответа.

Потом спросил он меня: знаю ли я что-нибудь об амазонках, которые, как он вычитал в древних книгах, обитали в кавказских горах?

Я обстоятельно рассказал ему все, что знал о мифических воинственных девах.

— Я писал об амазонках в некоторых стихах... много писал, — задумчиво проговорил он, — и в «Текущем на Запад ручейке»...

Мне показалось, что он искал каких-то контактов с Грузией — и не находил. Эти поиски завершились его восторженными похвалами в адрес балета Балачина. Он назвал Балачина гордостью Америки. Потом взглянул на часы и извинился, что должен спешить, чтобы успеть на какую-то встречу.

— «Наша жизнь убывает, а часы прибывают», — опять процитировал он свою строку.

Я шел по улице, и в голове моей вертелась фраза из стихотворения Роберта Фроста: «обратный ход солнца — путь вперед ручейка». И я думал — какие странные люди эти американцы, как странно понимают они связь солнца и жизни нашей и все-все на этом свете...

Сейчас круг американских писателей, известных нам, неизмеримо расширился. Это хорошо. Чем больше прогрессивных идей и взглядов мы будем черпать из литературы и различной информации, тем лучше, глубже будем понимать наших заокеанских соседей, тем интенсивнее будут развиваться взаимосвязи наших народов.

Полководцы покоряют народы оружием, поэты — стихами. Пусть же ярче разгорается поэтический огонь, пусть высокое пламя поэзии охватывает весь земной шар.

Я вдруг пожалел, что не имел при себе переводов Звиада Гамсахурдиа — я показал бы их Фросту. И сам же усмехнулся своей мысли: ведь Фрост совсем не знает грузинского! А все же... все же было бы хорошо, если бы он увидел свои стихи в переводах грузинского поэта...

Да, жаль, очень жаль, что нет более в живых Роберта Фроста!.. Пусть мы не во всем с ним согласны — главное-то не в этом, не в наших расхождениях. Впрочем, разве умирают поэты? Истинный поэт бессмертен, и каждый новый перевод его произведений — это его новое рождение. Американский поэт родился вновь в недрах грузинского поэтического мышления. Разве это не радостно?

К чему же стремится фростов ручеек, текущий на Запад? Вероятно, к бессмертию. Таково свойство и таков удел поэтических шедевров.

Перевод художественного произведения, в частности стихотворения, это своего рода соперничество, соревнование с автором произведения. И когда оно кончается победой переводчика — произведение во всей своей красе рождается заново.

Мне хочется сказать спасибо Звиаду Гамсахурдиа за то, что он сумел мне устроить радостную встречу с замечательным американским поэтом Робертом Фростом. Воскрешать душу и облик ушедших под силу лишь подлинно талантливым людям.

ВСТРЕЧА НА ДАЛЕКОМ МЕРИДИАНЕ

Американский писатель Митчел Уилсон объездил почти весь мир. В покойных номерах огромных европейских и американских отелей писались его романы «Жизнь во мгле», «Брат мой — враг мой», «Дэви Мэллори», которые впоследствии стали известны всему миру.

В СССР Митчел Уилсон написал «Встречу на далеком меридиане» и передал рукопись редакции журнала «Иностранная литература». Роман был опубликован почти одновременно в СССР и США.

Автор повествует о деятельности советских и американских физиков-атомщиков. «Встреча на далеком меридиане» привлекает особый интерес грузинского читателя еще и тем, что он сталкивается здесь с грузинской действительностью, увиденной глазами американского писателя. Среди героев романа — грузинский физик Геловани, обрисованный автором с теплотой и симпатией. К чести Уилсона надо отметить, что за сравнительно недолгий срок знакомства он сумел проникнуть в сущность грузинского характера и воссоздать его в романе. Большое внимание Уилсон уделяет дружбе советского и американского народов, их обоюдной устремленности к миру во всем мире. На станции-лаборатории Академии наук Грузинской ССР, в горах, в городке Канаури плечом к плечу трудятся американские, русские и грузинские ученые. В романе имеются довольно удачные зарисовки Тбилиси, очень привлекателен образ грузинского летчика.

И вот — Митчел Уилсон в Москве! Звоним ему по телефону.

— Мистер Уилсон?

— Да.

— Мы хотели бы получить от вас интервью.

— Что ж, милости просим ко мне. Только, к сожалению, в моем распоряжении весьма ограниченное время.

Когда мы пришли к нему, он встал из-за пишущей машинки.

— Над чем вы сейчас работаете, мистер Уилсон? — спросил я.
— Над киносценарием «Встреча на далеком меридиане». Я приехал сюда на этот раз по приглашению Министерства культуры СССР. Мы будем снимать фильм по моему роману с участием советских и американских артистов.
— Скажите, пожалуйста, будет ли фигурировать в фильме Геловани и останется ли местом действия Грузия?

— Сейчас несколько трудно говорить о деталях, но думаю, что и Геловани останется, и место действия будет то же, что в романе.

На вопрос, есть ли у Геловани прототип, Уилсон ответил, что прямого прототипа нет, но он знал нескольких грузинских физиков, их характеры и легли в основу образа Геловани.

Мы сообщили Уилсону, что «Встречу на далеком меридиане» собираются переводить на грузинский язык.

— Мне будет очень радостно, если этот мой роман появится в грузинском переводе. Между прочим, он уже переведен на четырнадцать языков, — сказал Уилсон.

Писатель с теплотой вспоминал дни, проведенные в Грузии, замечательные поездки по стране, веселые пикники, вспомнил и поездку в Армению, тоже обогатившую его незабываемыми впечатлениями. На вопрос, намерен ли он еще раз посетить Грузию, Уилсон ответил так:

— Мне очень хочется еще раз испытать то громадное удовольствие, которое я получил от посещения Грузии, но трудно предугадать, как пойдет работа над фильмом, от чего, собственно, все и зависит. Однако я полагаю, что все равно, не сейчас, так потом, позднее, я еще раз приеду в вашу страну, а пока передайте от меня грузинским читателям вот это, — и он вручил нам листок бумаги, на котором было написано по-английски следующее:

«В Тбилиси, читателям газеты «Коммунисти». Примите мой привет и наилучшие пожелания, пусть сбываются все ваши мечты!

Митчел Уилсон.
Москва, 1962».

«ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ» ГУГО ГУППЕРТА

В Вену в тот раз я попал проездом, ненадолго. И конечно же, поспешил в знаменитый Венский лес, неразрывно связанный с именем несравненного Штрауса. Есть в Венском лесу уютное старинное кафе — там, согласно преданию, любил сиживать сам Бетховен. Он приходил, садился, и ему подавали порцию излюбленного им телячьего бифштекса и белый рейнвейн...

Там, в этом поэтическом уголке Вены, провел я незабываемые минуты, слушая музыку Венского леса и беседуя с Георгом Ауэром, известным австрийским публицистом, коммунистом, сотрудником газеты «Фолькштим». От него я узнал номер телефона Гуго Гупперта — поэта и переводчика, хорошо знакомого грузинской общественности.

Вернувшись в отель, я позвонил Гупперту. Он очень обрадовался, узнав, что я — из Грузии, с которой у него давние дружеские и творческие связи. Мы оживленно беседовали сперва по-немецки, потом перешли на русский и в конце концов — на грузинский. Гупперт пригласил меня к себе домой и очень огорчился, узнав, что это для меня невозможно — мой поезд уходил через короткое время.

— Что нового у вас в Грузии? — спросил Гупперт.

Я сказал, что нового и интересного много и, пожалуй, ему лучше приехать самому и поглядеть.

— Вы давно не были на родине Руставели, Грузия ждет дорогого гостя. Ваши стихи «Грузинский страннический посох» полюбились всем нам.

Гупперт расспросил меня о своих друзьях — Георгии Леонидзе, Сандро Шанишвили, Григоле Абашидзе, Ираклии Абашидзе и велел передать сердечный привет всем грузинским писателям.

Рассказал я ему и о том, как в Москве, в Центральном музее Ленина, куда я заходил перед поездкой, слышал я от гида слова, принадлежащие Гупперту: «Я бы отдал полжизни, чтобы ознакомиться со всей личной библиотекой Ленина. Меня глубоко интересует, какие книги избрал гений для чтения. Гуго Гупперт». Рассказал и то, что в Государственной публичной библиотеке имени Ленина хранятся переведенные Гуппертом на немецкий язык произведения Маяковского. Гупперт основательно занимался переводом Маяковского и вопросами его творчества, ему принадлежат несколько книг о великом советском поэте, они изданы не только в Австрии, но и в ГДР, и в ФРГ. Я сказал Гупперту и о том, какой популярностью пользуются его произведения у покупателей московского книжного магазина «Дружба».

Гупперт еще раз выразил свое сожаление по поводу того, что встреча наша состоялась лишь по телефону, что он не сумел из-за ограниченного времени оказать мне гостеприимство и даже не показал Вену.

— Кстати, — спросил он, — какое впечатление произвела на вас Вена?

— По-моему, это красивейший город! Удивительный город! — восторженно воскликнул я. Да и к чему было грешить против истины?!

— Ну вот, — сказал Гупперт с упреком, — а если бы вы позвонили мне раньше, я бы показал вам Вену, совершенно другую Вену!..

Увы, оставалось лишь сожалеть.

На этом мы распрощались.

У меня был с собой экземпляр последнего юбилейного издания «Витязя в тигровой шкуре». Я сделал на нем дарственную надпись и оставил портье с просьбой передать мой сувенир Гуго Гупперту. Портье заверил меня, что незамедлительно выполнит мою просьбу, тем более что он лично знает господина Гупперта.

Это было уже давно. Я постоянно слежу за творчеством Гуго Гупперта, талантливого поэта, переводчика, большого друга грузинской литературы. С особой радостью встретил я известие о присуждении Гуго Гупперту премии имени Генриха Гейне и Австрийской национальной премии в области литературы. Творческих успехов и побед вам, дорогой Гуго Гупперт!

Вена — Варшава — Тбилиси

ГРЕЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ НА ВЕНГЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Я отдыхал на берегу озера Балатон. По соседству со мной жили два греческих писателя-коммуниста. Оба были уже в пожилом возрасте, оба бежали от режима черных полковников.

Неожиданно один из них нанес мне визит.

— Костас Кодзиас, — представился он. — Может, вам попадались мои книги, многое из моих произведений издано на русском языке. Мне сказали, что вы грузинский журналист, и я решил с вами познакомиться.

Я отвечал ему, что очень рад знакомству, и тоже назвал свое имя, фамилию.

— Скажите, не знаете ли вы греческую поэтессу Фотулу Яннакопулу? Она давно живет в Грузии.

— Как же, Фотулу я отлично знаю! Ее любят у нас, а лично я большой поклонник ее поэзии и даже опубликовал несколько своих переводов ее стихотворений. Фотула часто бывает в редакции «Коммунисти». Между прочим, она рассказывала мне историю их семьи, это целая эпопея. Книги Фотулы часто издаются в СССР.

Кодзиас слушал с большим удовлетворением, потом спросил меня:

— А правда ли, что греческий театр, приезжающий на гастроли в Тбилиси, пользовался там большим успехом, в частности — актриса Аспазия Папатаанасиу?

— Совершеннейшая правда! — подтвердил я.

— Я слышал, что и Иованну грузины принимали очень хорошо?

— Иованна покорила Грузию, она сумела сделать то, чего тщетно добивались аргонавты.

Еще Кодзиас интересовался, как относятся в Грузии к музыке Микиса Теодоракиса. Я рассказал ему, какой популярностью пользуются произведения Теодоракиса у нас.

— Вы меня необычайно порадовали, — признался Кодзиас. — Все, что я узнал сейчас от вас, я в точности передам по «Свободному радио Греции». Видите ли, я — коммунист и вынужден находиться в эмиграции, но мы, греческие коммунисты-эмигранты, не складываем оружия, мы продолжаем борьбу с ненавистным режимом черных полковников. Компартия Греции из глубокого подполья ведет упорную борьбу с черной ночью, поглотившей Элладу, нашу многострадальную и прекрасную родину.

Костас Кодзиас сообщил, что греческие патриоты располагают своей радиостанцией, издают газеты, книги во многих европейских странах.

Я поинтересовался, над чем работает писатель в настоящее время.

— Тема всего моего творчества — революционная борьба греческого народа за свободу и демократию, — ответил Кодзиас. — Рассказы и новеллы, которые я сейчас пишу, как и мои романы, посвящены опять-таки этой теме. Единственно, чего я хочу, — чтобы мои произведения сражались на баррикадах, чтобы герои мои, как живые люди, вошли в революционную армию греческого народа.

— Вы давно уехали из Греции?
— Уже более десяти лет. Тяжело жить вдали от родины, но что делать? Нас, эмигрантов, вдохновляют примеры Герцена, великого Ленина... А скажите, — заговорил он уже иным тоном, — правда ли, что в Грузии существуют греческие села?

— Конечно, правда. Особенно много их на юге Грузии и на побережье Черного моря.

— Значит, греческая речь звучит на грузинской земле? — Костас взволновался.

— Скажите, уважаемый Костас, — помолчав, заговорил я. — Каковы перспективы демократического развития Греции?

— Свора черных полковников установила в стране жесточайшую диктатуру, но греческие коммунисты — о, ведь это люди из Прометеева семейства! — подняв вверх указательный палец, с гордой улыбкой проговорил Кодзиас. И, утвердительно качая головой, заключил твердо: — Мы верим, что победа будет за нами.

— Что передать от вас грузинскому народу, коммунистам Грузии?

— Передайте, что я всем сердцем желаю каждому советскому человеку больших успехов в строительстве коммунизма. Отношения грузин и греков уходят в седую древность. Еще на заре цивилизации наши народы имели постоянные контакты. Фольклор Эллады, ее литература посвятили Колхиде и Иберии шедевры, оказавшиеся шедеврами мирового значения. Вспомните — аргонавты, Прометей, да сколько всего!..

— А вы бывали когда-нибудь в Грузии?

— Один раз, и то очень недолго. Но я надеюсь еще побывать в вашей прекрасной стране, и если моим надеждам суждено осуществиться, я, вероятно, напишу книгу о Грузии.

Костас Кодзиас записал на пленку революционные песни в исполнении советских журналистов, записал их комментарии к некоторым явлениям и событиям международной политической жизни. И радиоволны понесли их к Элладе...

Греческая компартия борется за то, чтобы на древней земле, на прекрасной земле Эллады, подарившей миру столько красоты, воцарилась свобода. Мы верим, что греческие коммунисты победят.

Будапешт — Варшава

Бесо ЖГЕНТИ

СЪЕЗД ВЕЛИКОГО ЕДИНЕНИЯ

Первый съезд советских писателей СССР — самое большое и самое значительное событие в истории многонациональной советской литературы. На протяжении 40 лет, прошедших со времени его созыва, в духовной жизни советского народа, во всей нашей многонациональной литературе было много незабываемых страниц. Мне, в частности, доводилось быть непосредственным участником всех последующих важных событий нашей литературы и искусства — всесоюзных и республиканских съездов писателей, литературных декад и встреч, юбилеев величайших писателей-классиков различных времен и народов, всесоюзных и республиканских писательских пленумов, творческих дискуссий и совещаний. Каждое из них, бесспорно, вносило определенный вклад в дело развития, дальнейшего обогащения и утверждения идейно-творческих традиций литературы и искусства социалистического реализма, оставляло глубокий след в духовной жизни советского народа. Однако со всей уверенностью и без всякого преувеличения можно сказать, что по своему масштабу и размаху, по результатам и влиянию на все процессы советской художественной культуры ни одно из этих событий не может стать вровень с нашим Первым всесоюзным съездом. Именно он заложил прочные основы всесторонних взаимосвязей, взаимовлияния и взаимообогащения национальных советских литератур, предопределил процесс их идейно-творческого единения, который сегодня все с большей интенсивностью углубляется и расширяется и в котором находит свое яркое воплощение нерушимый сплав советского народа в единую семью, в новую историческую общность людей.

Наш съезд впервые показал миру единодушное и тесное сплочение советской творческой интеллигенции и, в частности, всех жизнеспособных сил советской писательской общечеловечности, базирующейся на позициях Коммунистической партии, продемонстрировал их приверженность задачам социалистического строительства. Съезд стал по существу своеобразным отзвуком на те грандиозные изменения и новшества, которые происходили в жизни нашего государства в начале тридцатых годов, когда в соответствии с закономерностями революционных преобразований исчезали антагонистические классы и наш народ на основе своего морально-политического единства складывался в единое советское общество.

Первый всесоюзный съезд советских писателей реально воплотил в жизнь постановление ЦК Коммунистической партии от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». Это постановление под разумевало ликвидацию РАИШа и всех других обособленных литературных организаций и создание единого союза писателей для всех литераторов, стремящихся принять участие в строительстве социалистического общества. Этот документ глубочайшего исторического значения полностью отражал те новые требования, которые в начале тридцатых годов диктовали новые условия в развитии советского общества, в жизни советской творческой интеллигенции. Под влиянием всемирно-исторических побед социализма, благодаря мудрой политике партии в области литературы к этому времени основная масса советских писателей и деятелей искусства последовательно стала переходить на идейные позиции пролетариата и своим творчеством открыто служила делу строительства социалистического общества. Мастера художественного слова различных поколений и творческих биографий, которые прежде примыкали к разным, порою прямо противоположным литературным направлениям и группам, теперь сознательно и увлеченно стремились постичь и осмыслить новую социалистическую действительность, черпать из нее новую тематику, художе-

ственно воплощать ее на основе самого передового марксистско-ленинского учения.

Совершенно закономерно, что этим новым условиям идейно-творческого взаимосближения писателей и процессу их духовного единения уже не соответствовали, более того, даже мешали существующие организационные формы работы, которые утвердились на протяжении двадцатых годов и порождали разобщенность писателей, групповщину.

Ассоциация пролетарских писателей, которая в течение ряда лет являлась основной опорой партии на литературном фронте, в новых условиях здорового литературного движения оказалась перед опасностью стать силой, препятствующей прогрессивному литературному процессу. Именно в эти годы она особенно активно развернула борьбу за сохранение своего искусственного и насильственного первенства, за административную гегемонию в литературе. Как раз в этот период она выдвинула ложный, вульгаризаторский лозунг — «союзник или враг», согласно которому насильственно оттесняла к лагерю врагов социализма большую часть художественной интеллигенции, в том числе писателей огромного таланта и творческой потенции. Тогда же руководство РАИПа допускало грубейшие ошибки в вопросах метода художественного творчества, извращало и искажало основополагающие принципы социалистической эстетики, положения марксистско-ленинского учения в области литературы и искусства.

Вот почему вся советская творческая интеллигенция единодушно и с восторгом отозвалась на постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, в соответствии с которым ликвидировались разобщенные, узкосектантские, замкнутые писательские организации, решительно разрушались и отбрасывались все искусственные преграды, организационные или теоретико-методологические барьеры на пути развития социалистической литературы и подготавливалась почва для новой творческой активизации писателей всех национальностей, для подъема всей нашей многонациональной литературы.

Под руководством основоположника литературы социалистического реализма — великого пролетарского писателя Максима Горького был создан организационный комитет; ему было поручено развернуть в масштабе всей страны подготовительную работу по созыву и проведению Первого съезда советских писателей, по созданию на нем путем объединения всех жизнеспособных сил братских литератур единого Союза писателей СССР.

На протяжении двух с лишним лет продолжалась напряженная, интенсивная подготовительная работа. Всесоюзный съезд писателей готовила вся страна, весь советский народ. В период подготовки по всей необъятной советской земле шло оживленное обсуждение вопросов художественной литературы. На заводах и новостройках, в колхозах и совхозах, в воинских частях и на флоте, в комсомольских и пионерских организациях, в высших и средних учебных заведениях, в учреждениях, везде, во всех коллективах, объединявших советских людей, проходили читательские конференции и диспуты, читались лекции и доклады о творческом методе литературы, о проблемах социалистической эстетики, об актуальных вопросах классической и современной литературы, о новых произведениях советских писателей. Вся наша пресса, все средства массовой информации заостряли внимание общественности на важнейших проблемах идейности, партийности, народности литературы. Все советское общество жило тогда интересами литературы.

В подготовительный предсъездовский период организационный комитет по инициативе его председателя Максима Горького направил во все республики Советского Союза бригады известных русских писателей. Им было поручено тщательно изучить состояние братских национальных литератур, перевести на русский язык лучшие их образцы, чтобы сделать их достоянием всего советского народа.

После ликвидации обособленных писательских организаций начался отбор членов будущего единого Союза писателей. Литераторов заново принимали в республиканские и союзную писательские организации. Осуществлялась невиданная в истории мировой литературы, беспрецедентная, многогранная работа.

Так готовился наш первый съезд. По грандиозности размаха, исторической сущности и значению он не имеет прецедента в литературной жизни ни одной страны и ни одной эпохи.

Да, это был прежде всего съезд великого единения писательской интеллигенции нашей страны. Здесь впервые встретились, познакомились, подружились и по-настоящему объединились в единую многонациональную писательскую семью мастера художественного слова всех советских народов. Конечно, мы, делегаты съезда, и раньше знали друг друга по литературе; многих связывала личная дружба, в особенности с известными писателями России и некоторых братских республик, но эти взаимосвязи носили эпизодический, единич-

ный характер. И только на съезде мы впервые собрались вместе во имя общего большого дела, окунулись в общую работу, почувствовали локоть друг друга, тесно сплотились вокруг общих для всех нас наболевших и таких близких сердцу каждого писателя насущных и важных творческих проблем. Для всех участников съезда незабываемы эти исполненные радости дни первых встреч, новых знакомств и дружеских контактов. Мы, делегаты, жили восторгом этих контактов, радостью этих встреч и взаимной любви. Как в часы работы съезда, так и в перерывах между заседаниями в гостиницах, где мы жили, даже в ресторанах, где мы обедали, в театрах, концертных залах, где мы отдыхали и наслаждались искусством по вечерам, на наших глазах возникала и крепла творческая и личная, человеческая дружба писателей разных национальностей, возрастов и творческих биографий. Эта дружба осталась в каждом из нас навсегда как самое дорогое приобретение.

Съезд был подлинным триумфом мудрой ленинской политики Коммунистической партии и Советского государства. Он как бы служил демонстрацией четко сформулированного в замечательном докладе М. Горького положения о том, что советская литература не является литературой какой-либо одной нации, одного языка — она многоязычна, многонациональна. Впервые в истории мировой литературы перед цивилизованным человечеством предстала во всем своем идейном вооружении и социальной устремленности единая по мировоззрению и творческому методу, но разнообразная и многогранная по форме, по средствам художественного отображения, по языковым признакам и национальным традициям многонациональная советская литература.

На съезде царил атмосфера великого единения. Если еще вчера литераторы из разрозненных писательских объединений, замкнувшиеся в их узких рамках, были строго обособлены в силу различия рангов и положений (достаточно упомянуть наличие групп пролетарских писателей, колхозных писателей, писателей армии и флота, «попутчиков», «союзников» и т. д.), то теперь все они сидели на общем большом форуме плечом к плечу, равные в своих правах и наделенные общей ответственностью — собраться по оружию в борьбе и творчестве. Теперь каждый хорошо понимал, что его личная роль и место в литературном процессе отныне будет измеряться не тем, в какой группировке или корпорации он зарегистрирован, а тем и только тем, какой вклад вносит он в духовную сокровищницу своей национальной литературы, а следовательно, и всей советской литературы.

Съезд демонстрировал ставшее в Советской стране реальностью ленинское учение о партийности и народности литературы. На его трибуне писателей сменяли представители рабочего класса, колхозного крестьянства, научной интеллигенции, вооруженных сил, молодежи, большевики старой ленинской гвардии, выдающиеся партийные и государственные деятели. В своих приветственных словах они с любовью, со знанием дела, с огромным уважением и горячей заинтересованностью говорили о советской литературе, как о неотъемлемой части общепартийного, общегосударственного дела, как об одном из сильнейших оружий и могущественнейших средств борьбы за строительство самого справедливого, свободного и гуманного строя на земле.

Откуда только, из каких отдаленных уголков нашей необъятной страны не приходили волнующие приветствия съезду, телеграммы и письма! В эти дни ежедневно проводились многолюдные встречи москвичей с делегатами и зарубежными гостями. Перед открытием каждого заседания съезда и перед их закрытием улицы, прилегавшие к Колонному залу Дома Союзов, были заполнены людьми. Тысячи москвичей ожидали делегатов съезда, каждому хотелось увидеть хотя бы издали Максима Горького, других видных писателей — советских и зарубежных, выразить им свое почтение. Невозможно забыть такое органичное единение писателей и народа. Это останется в памяти навсегда.

В течение шестнадцати дней, с 17 августа по первое сентября, прошло 26 заседаний съезда, каждое по-своему интересное и содержательное. Работа шла напряженнейшая. Развернулась большая свободная дискуссия вокруг важнейших творческих проблем литературы; остро ставились вопросы о роли и месте писателя в строительстве нового мира, о его мировоззрении и общественной позиции, о творческом методе и художественном мастерстве. На съезде председательствовал и непосредственно руководил всей его работой великий Горький. Уже это одно обуславливало высокий уровень развернувшихся в ходе съезда необычайно острых и принципиальных творческих дискуссий.

Съезд открылся вступительным и закрылся заключительным словом М. Горького. В процессе работы он несколько раз вступал в оживленный спор, внося конкретные практические предложения. Но с точки зрения глубокого и всестороннего рассмотрения и анализа идейно-эстетической проблематики социалистической литературы особую ценность представлял основной доклад

Алексея Максимовича. Совершенно закономерно он оказался в центре развернувшихся на съезде широких и многоплановых творческих дискуссий. В течение двух часов на высокой трибуне перед нами стоял зачинатель литературы социалистического реализма. С огромной силой убежденности, с творческим вдохновением, широчайшей эрудицией и железной логикой характеризовал он советскую литературу, как новейший и наивысший этап в истории мировой литературы. На основе противопоставления множества религиозных, философских и эстетических систем, существовавших на протяжении веков, в эпохи различных социальных формаций, великий пролетарский писатель утверждал закономерность возникновения в наш век новой литературы, тесно связанной с социальным, пролетарским мировоззрением и практикой революционной борьбы. Он охарактеризовал своеобразие и преимущество идейно-эстетической позиции этой литературы. И сегодня, когда мы перечитываем вновь этот доклад — плод титанической духовной энергии и умственного подвига М. Горького, становится очевидным и бесспорным, что после гениального труда В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» никто не давал такого ясного, стройного, точного, убедительного анализа сущности социалистической литературы и ее основных идейно-творческих принципов, как это сделал М. Горький в своем докладе.

Самая острая и горячая дискуссия развернулась на съезде вокруг путей развития советской поэзии. На нем было высказано мнение, будто поэзия Владимира Маяковского имела положительное значение лишь для прошедшего этапа революционных лет; в условиях же мирного социалистического строительства его творческое наследие и поэтическая традиция уже не обладают той же силой воздействия на духовный мир народа.

Съезд отверг это положение как глубоко ошибочное и единодушно поддержал лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи. При каждом упоминании имени Маяковского весь зал поднимался и стоя, дружными овациями выражал неизменную любовь и уважение великому певцу революции, вдохновенное, боевое и разящее поэтическое слово которого всегда будет занимать ведущее место на переднем крае борьбы за лучшее будущее.

Видные прогрессивные писатели многих стран Востока и Запада говорили о том глубоком обновляющем и возвышающем воздействии, которое советская литература оказывает на сознание трудящихся капиталистических стран, на социальный прогресс, на борьбу за национальное освобождение, за светлые идеалы гуманизма и прогресса народов мира.

Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире — таков был вывод, логически рождавшийся в ходе съезда. Здесь выступали с докладами представители Украины, Белоруссии, Узбекистана, Грузии, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Татарской автономной республики. Они говорили о состоянии национальных литератур. Доклады их содержали богатый и доселе неведомый для широкой общественности материал, свидетельствующий об огромных духовных ценностях, заложенных в классической и современной литературе братских советских народов. И эти ценности отныне становились общим достоянием многонациональной Советской страны, выходили на широкую, всесоюзную, а следовательно, и на мировую арену.

Большое внимание уделил съезд вопросам идейно-творческого воспитания литературной молодежи, начинающим талантливым писателям, которые нуждались в помощи и направляющей руке. Два доклада были посвящены именно этой теме; в уставе же Союза писателей СССР было записано, что забота о литературной смене — одна из первостепенных задач писательской организации нашей страны.

Почти во всех заслушанных на съезде докладах и выступлениях ораторов звучала глубокая заинтересованность в вопросе творческого метода советской литературы и искусства. В процессе обсуждения строгой критике были подвергнуты вульгаризаторские рапповские лозунги: «материалистически-диалектический творческий метод», «гармонический человек», «живой человек» и другие подобные им концепции, которые противоречили марксистско-ленинским философским и эстетическим принципам, но тем не менее в течение ряда лет упорно насаждались в советской литературе. На основе полного единодушия по этому вопросу, родившегося в ходе работы съезда, во вновь выработанном уставе Союза писателей СССР отмечено, что основным творческим методом советской литературы является социалистический реализм, который не только не отрицает, а напротив, подразумевает, вбирает в себя принципы революционного романтизма.

Известно, что идеологи РАПШа начисто отрицали какое бы то ни было право романтизму на существование в советской литературе. Согласно догматико-схематическому мышлению рапповцев, романтизм также противостоял реализму, как идеализм — материализму. И коль скоро по этой «схеме» роман-

тизм становился идентичным идеализму, естественно, он должен был подвергнуться «изгнанию» из сферы советской литературы и искусства. Только после ликвидации РАПШа стало возможным осуждение этой ложной, антинаучной и антиисторической концепции. И по этому вопросу наш первый съезд сказал свое окончательное и авторитетное слово.

Съезд выработал структуру единого Союза советских писателей и точно определил задачи, назначение, функции этой, большого общественного звучания, творческой организации, дал ей жизнь и указал путь в будущее. Как показали прошедшие сорок лет, эта организационная форма объединения всей писательской интеллигенции нашей страны выдержала испытание временем и доказала свою жизнеспособность; на всех этапах жизни нашего государства она выстояла и сохраняла в себе силы служить тем высоким задачам, которые выдвинули съезд перед советскими писателями.

Первый всесоюзный съезд советских писателей оказал огромное оплодотворяющее влияние на всю многонациональную социалистическую литературу, на будущее развитие литератур братских республик. Велики роль и значение этого исторического форума и для грузинских писателей, для нашей национальной культуры, для всего грузинского народа. С высокой трибуны съезда впервые для народов Советской страны, а также для всего цивилизованного человечества раскрылось уникальное духовное богатство грузинской культуры, созданной на протяжении многих веков.

Историческая судьба Грузии была жестокой и трагичной. Грузинская национальная культура в прошлом была насильственно оторвана от процессов развития мировой литературы. Ей на протяжении веков был закрыт путь к сердцу и разуму просвещенного мира. Сегодня трудно даже представить, что до Октябрьской революции имя гениального Руставели было известно за пределами Грузии только узкому кругу специалистов-ориенталистов. Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели тщетно мечтали в конце прошлого века собрать несколько литераторов, которые взяли бы на себя труд перевести на язык великого русского народа лучшие образцы грузинской литературы. Не имела успеха и благородная инициатива М. Горького, который в годы, предшествовавшие Великому Октябрю, горячо откликнулся на просьбу грузинской интеллигенции возглавить издание сборника лучших образцов классической и новейшей грузинской литературы. В условиях разгрома колониальной политики самодержавия всякая подобная инициатива была обречена на неудачу.

В первые же годы установления Советской власти в Грузии в этом направлении были предприняты практические шаги. Но особенно плодотворная работа развернулась именно в период подготовки Первого съезда писателей, когда снова по инициативе М. Горького в Грузию, как и в другие братские союзные республики, для установления необходимых творческих контактов были направлены группы известных русских писателей. В Грузию приехали Н. Тихонов, Б. Пастернак, П. Павленко, О. Форш, В. Гольцев. Их вдохновенная, самоотверженная работа послужила прочным фундаментом для привлечения в последующие годы все новых и новых сил к переводческой работе. Во всей советской прессе стали печататься произведения грузинских классиков и современных писателей. Они сразу же привлекли к себе интерес общественности и литературную критику, завоевали всеобщее признание. Начался процесс выхода нашей национальной литературы на всесоюзную арену. И в этом смысле огромную, поистине историческую роль сыграл Первый съезд. В повестке дня его среди других докладов и содокладов были предусмотрены и сообщения о состоянии и путях развития братских литератур советских народов, в том числе, разумеется, и грузинской литературы. Этот доклад был поручен Малакии Торшелидзе, бывшему тогда председателем Союза писателей Грузии.

М. Торшелидзе принадлежал к старой гвардии грузинских большевиков. В молодые годы он вел революционно-партийную деятельность под непосредственным руководством И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе. В 1934 году, примерно за месяц до открытия Первого съезда писателей, М. Торшелидзе был направлен в Москву для участия в съезде Общества старых большевиков. Я, тогда еще молодой литератор, работал в то время секретарем Союза писателей Грузии и перед отъездом председателя в Москву имел с ним беседу о том, как и что предстоит мне сделать для подготовки материалов к докладу о грузинской литературе, каковы должны быть положения этого доклада, круг его вопросов, структура и т. д.

Однако выработанный предварительно план вдруг неожиданно и в корне изменился. В период пребывания в Москве М. Торшелидзе был приглашен И. В. Сталиным, который пожелал ознакомиться с положениями доклада, предназначенного для прочтения на съезде. По возвращении в Тбилиси М. Торше-

лидзе срочно собрал тогдашнее руководство Союза и подробно рассказал нам о содержании этой беседы. Я в тот же день записал его рассказ, хотя вряд ли это было необходимо — все рассказанное им и без того неизгладимо запечатлелось в моей памяти. Вот он, этот диалог, каким я его запомнил и записал.

— Как мне передали, Вы являетесь председателем Союза писателей Грузии, — сказал Сталин М. Торшелидзе.

— Да, я — председатель, — ответил Торшелидзе.

— Значит, Вы выступите на Всесоюзном съезде писателей с докладом о грузинской литературе?

— Да, это поручено мне.

— А ну-ка скажите коротко, как думаете Вы построить свой доклад, что скажете съезду писателей о грузинской литературе?

— Я скажу, что Великая Октябрьская революция освободила поработанные народы, проживавшие на территории Российской империи, что эти народы обрели возможность культурного творчества. В том числе эту возможность обрел и грузинский народ, который вот уже на протяжении почти пятнадцати лет создает в условиях советского строя свою национальную литературу. Я расскажу съезду о том, что пишут наши лучшие писатели — М. Джавахишвили, Ш. Дадвани, Г. Табидзе, И. Грипашвили, П. Яшвили, С. Шаншиашвили, Н. Лордкипанидзе, Г. Леонидзе, Т. Табидзе, Ал. Машашвили, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, С. Чиковани и другие.

— Как? Вы скажете съезду, что грузинский народ только после Октябрьской революции обрел возможность творчества, а до той поры он ничего не создал в области культуры? Это скажете Вы миру с трибуны съезда? Передайте грузинским писателям от моего имени, что, если они не могут создать нечто подобное тому, что создавали наши предшественники в области культуры и литературы, пусть хоть окажутся в состоянии показать это наследие. Доклад Вы должны начать хотя бы с Шота Руставели, если не с более раннего периода. Подробно должны рассказать о Руставели. Пусть все в нашей стране и за ее пределами знают, какое культурное богатство создал грузинский народ за 7—8 веков до Октябрьской революции. Далее перейдете к более близким векам и охарактеризуете творчество Сулхан-Саба Орбелиани, Давида Гурамишвили, Виссариона Габашвили. Особенно подробно разберете поэзию Николаза Бараташвили. Вот какого великого поэта родила Грузия в начале XIX века, в период, когда она была превращена в рабскую колонию самодержавия! Когда перейдете ко второй половине XIX века, подробнее скажете об Илье Чавчавадзе. В Грузии, оказывается, распространилась какая-то бессмысленная и ложная точка зрения, будто Илья Чавчавадзе — идеолог помещиков и буржуазии, защитник интересов их классов. Кому пришло это в голову? Оказывается, в Грузии кого-то противопоставляют Илье Чавчавадзе. Есть ли у кого из грузинских писателей XIX века такая сила социального протеста, как это дано в творчестве Ильи? Я об этом не раз говорил грузинским товарищам, но, как видно, из этого никакого вывода не сделано. Не ждут ли они декрета по этому вопросу?! Затем надо отдать должное и Акакию Церетели, и Важа Пшавела. Чего стоит хотя бы горячее участие этих двух великих национальных поэтов в революционном движении 1905 года! Много заблуждений и в отношении творчества Важа Пшавела. Некоторые считают его отсталым, примитивным человеком и мыслителем. Вот вам теперь предоставляется возможность в своем докладе окончательно и авторитетно развеять все эти заблуждения. Вслед за этим надо будет разобрать творчество некоторых замечательных писателей конца прошлого века — Александра Казбеги, Эгнате Ниношвили, Давида Квдиашвили, Иродиона Евдошвили, а в конце сказать о том, что на основе таких древних и богатых традиций освобожденный и возрожденный к жизни грузинский народ и сегодня создает достойную современности художественную литературу, — и потом дадите обзор самых значительных произведений грузинской советской литературы. Доклад, разумеется, напишете. Я прочту его, а потом вынесете на съезд.

С большим воодушевлением встретила грузинская литературная общественность саму возможность такого масштабного показа всего богатства грузинской литературы на съезде.

Но все это было сопряжено с большими трудностями; надо было в кратчайший срок, конденсированно и лаконично изложить в сущности всю многовековую историю грузинской литературы; притом сделать это надо было с учетом новых оценок, прямо противоположных той «официальной» точке зрения, которая бытовала и насаждалась в течение ряда лет; и такая огромная работа должна была быть выполнена за две недели! Разумеется, одному человеку, кто бы он ни был, столь сложное и ответственное задание было не по плечу. Необходим был коллектив авторитетных, разбирающихся в существ-

ве вопроса людей и их интенсивная, организованная и строго распланированная работа. Корнелий Кекелидзе, который находился в то время на отдыхе по болезни не мог принять непосредственного участия в разработке доклада, письменно прислал М. Торшелидзе свои соображения и положения по вопросам истории древнейшего периода грузинской литературы. К непосредственной работе над докладом были привлечены Павле Ингороква, Геронтий Кикодзе, Александр Барамидзе, Михаил Зандукели, Шалва Радиани. Некоторые части по материалам, представленным специалистами, готовил сам М. Торшелидзе. Вся работа была поделена по отдельным историческим периодам. Давиду Деметрадзе и мне был поручен обзор грузинской советской литературы.

С большим энтузиазмом и подлинным патриотическим подъемом приступили мы к делу. Ввиду того, что в течение дня невозможно было достигнуть полной изоляции от всех текущих дел, приходилось работать по ночам. Над головой у нас стояли переводчики, стилисты, машинистки. М. Торшелидзе систематически звонил из дому по телефону, справляясь, как идет работа. Сам он тоже все ночи напролет не смыкал глаз.

С невиданной энергией, с неизменной трезвостью, не зная усталости, работал Павле Ингороква, показывая всем нам редкий пример собранности и мобилизованности. Он писал самый ответственный раздел — вступление и главу, посвященную Шота Руставели.

Вот уж поистине это было подлинное творческое горение, когда людьми движет законное чувство национальной гордости, чувство патриотизма, любовь к своей профессии. Я редко в своей жизни испытывал такое радостное ощущение, такое полное удовлетворение содеянным, как в эти насыщенные трудом и вдохновением дни.

Работу закончили в срок. Весь текст доклада прочли на заседании бюро ЦК Компартии Грузии и там же его одобрили. До открытия съезда оставалась всего неделя. Вместе с М. Торшелидзе в Москву поехали Михаил Джавахишвили, Паоло Яшвили и я. У нас был отдельный вагон и созданы все условия для того, чтобы спокойно продолжать напряженную работу над докладом. В те годы поезд в Москву шел через Баку и ехать надо было четыре дня. На протяжении всего пути, с рассвета и до глубокой ночи, сидя за столом, читали и перечитывали мы от начала до конца текст доклада, соизмеряли и обсуждали каждую фразу, уточняли формулировки, взвешивали каждое слово.

Мы волновались, очень волновались. Доклад предвительно должен был прочесть Сталин! Что он скажет? Одобрит или забракует его? Какие сделает замечания, и сумеем ли мы внести в него соответствующие поправки.

По приезде в Москву мы узнали, что И. В. Сталин в отъезде, на отдыхе. Вокруг нашего доклада создалась совершенно непредвиденная ситуация. Без промедления направились мы в организационный комитет Союза писателей. Вошли к секретарю комитета П. Ф. Юдину, который занимался организационно-практическими вопросами съезда; председателем же комитета был М. Горький, притом не «номинальным» председателем, а подлинным вожаком, наставником, душой этого исторического события. Здесь, в комитете, нас встретили другие его руководители — В. Кирпотин, И. Альтман... П. Юдин был недоволен, что доклад представляется с таким опозданием.

— На что это похоже, товарищи! — говорил он. — Как это можно?! Все доклады и содоклады, предусмотренные на съезде, давно уже напечатаны и разосланы делегатам. А вы приезжаете только сегодня, когда до открытия съезда осталась всего пара дней. Когда же мы теперь напечатает этот доклад, где найдем свободную типографию, каким образом раздадим его делегатам?

Еще больше рассердился П. Юдин, когда полистал текст и обнаружил, что он превышает предусмотренный регламентом объем.

Когда М. Торшелидзе объяснил ему, почему мы опоздали и почему доклад оказался более обширным, чем это предусматривалось регламентом съезда, нам было предложено завтра явиться в организационный комитет для окончательного разрешения вопроса.

Утром следующего дня нам сообщили, что с текстом доклада организационный комитет ознакомился и счел возможным его прочтение на съезде. Нашлась и типография, были урегулированы и другие неполадки.

На четвертом заседании съезда, 19 августа, утром был заслушан доклад М. Торшелидзе о грузинской литературе. Он произвел буквально сенсацию. Впервые мир узнал, что в одном из уголков необъятного Советского государства, у подножья Кавказского хребта, живет малочисленный народ, который в условиях постоянной самоотверженной борьбы за свою жизнь и свободу создал духовные ценности общечеловеческого значения.

Еще до нашего доклада председатель Союза писателей Украины И. Кулик, успевший ознакомиться с ним раньше, с восторгом говорил о классической

и современной грузинской литературе. А после нашего доклада многие ораторы высказывали большое удовлетворение по поводу того, что появилась реальная возможность воочию познакомиться с совершенно новым, доселе неизвестным для них миром — древней и богатой по своим традициям грузинской литературой.

В Колонном зале Дома Союзов, где проходил съезд, на всех мраморных колоннах висели портреты классиков русской и мировой литературы. На второй же день после нашего доклада на первой колонне появился портрет Шота Руставели, а напротив него — портрет великого украинского Кобзаря — Тараса Шевченко. Никогда многовековая грузинская литература не получала такого большого признания и широкого общенародного резонанса, как в те дни. Самый молодой член нашей делегации и, кажется, самый молодой среди всех делегатов съезда — поэт Ираклий Абашидзе запечатлел тогда этот незабываемый эпизод истории грузинской литературы в своем замечательном стихотворении «Портрет Руставели в Колонном зале Дома Союзов»:

То был Шота...

Восторг забил ключом,
Счастливых слез в глазах алмазы
засверкали:

Вошел Картвел великий в этот дом
И у колонны стал в залитом светом зале.
Как некий путник, странствуя в веках,
Он подошел к дверям Советов, светел.
Все ту же книгу держит он в руках, —
Сокровище, живущее в столетях.

В газете «Правда» был опубликован полный текст доклада М. Торошелдзе. Члены грузинской делегации ждали всюду — на заводах, фабриках, в библиотеках, разных учреждениях и везде окружали особым вниманием и лаской. Абель Енукидзе — секретарь ВЦИКа — пригласил всю нашу делегацию в Кремль, долго с нами беседовал о грузинской культуре, показал нам достопримечательности Кремля. Все мы были награждены денежными премиями. Выслал нам их и Совет народных комиссаров Грузии. Весело проходили тогда наши дни в Москве в окружении друзей-писателей из всех братских республик. Можно ли забыть те дни?! Они навсегда остались в памяти, а московские встречи переросли с годами в прочные творческие узы. Все это вселяло чувство большого удовлетворения в сердца грузинской творческой интеллигенции, всего грузинского народа.

По возвращении из Москвы участники съезда разделились по группам и объездили всю Грузию; мы подробно рассказывали на этих встречах о работе съезда, о том, какую высокую оценку получила на нем грузинская классическая и современная литература.

С огромным энтузиазмом и размахом развернулась после съезда работа по переводам и изданию на русском языке образцов грузинской литературы. В нее включились лучшие силы русской советской литературы, московские издательства, редакции всесоюзных газет и журналов. Во всех союзных республиках заметно вырос интерес к грузинской литературе, углубились и расширились творческие связи с ними. Грузинская литература заняла почетное место в развитии многонациональной советской литературы, а следовательно, и в духовной жизни всего советского народа.

Знаменательные процессы происходили и в самой Грузии. Одним из плодотворных итогов съезда явился резкий перелом, который произошел в отношении к культурному наследию. Окончательно была отброшена и отвергнута вульгаризаторская, нигилистическая пролеткультовско-рапповская точка зрения на ценнейшие завоевания грузинской классической литературы.

Еще в дни работы съезда в прессе было опубликовано постановление ЦК Компартии Грузии о праздновании 750-летия со дня написания «Витязя в тигровой шкуре». Этот юбилей, как известно, состоялся в декабре 1937 года. Он прошел как подлинно всенародное торжество советской культуры, нашедшее горячий отклик во всей стране и за ее пределами.

С большим подъемом отпраздновал также грузинский народ юбилей Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Николоза Бараташвили, Важа Пшавела, Давида Гурамишвили, Александра Казбеги, Эгнате Ниношвили, Давида Клдиашвили и других грузинских классиков. Каждое из этих торжеств находило живой отклик во всей нашей необъятной стране.

Развернулась большая научно-исследовательская работа по изучению литературного классического наследия и созданию научной истории грузинской литературы. Вся эта работа была сконцентрирована сначала в существовав-

шем в системе Тбилисского государственного университета Институте языка, литературы и искусства, а затем в Институте истории грузинской литературы имени Шота Руставели Академии наук Грузинской ССР.

Так полностью и бесспорно было восстановлено в Грузии мудрое ленинское учение о культурном наследии прошлого. Оно вошло в жизнь, стало реальностью.

По возвращении из Москвы нашей делегации в Тбилиси состоялся пленум Союза писателей Грузии, на котором с докладом о Первом всесоюзном съезде советских писателей выступил М. Торшелидзе; он отметил, что доклад, прочитанный им на съезде, был коллективным, ибо такой исторический документ не мог быть создан одним человеком. М. Торшелидзе назвал всех без исключения, кто работал над докладом.

В развернувшихся на Первом съезде прениях вокруг докладов и содокладов приняли участие Шалва Дадияни, Михаил Джавахишвили, Паоло Яшвили, Тидиан Табидзе, Николоз Мицишвили, Саидро Эули. Большой интерес к грузинской литературе, вызванный докладом М. Торшелидзе, подготовил благоприятную почву для успеха этих ораторов.

Первый всесоюзный съезд писателей стал сильнейшим импульсом дальнейшего подъема всей советской литературы, в том числе и грузинской. Писатели Грузии, освободившиеся от рапповских догм, вдохновленные столь большим вниманием к грузинской культуре и ее высокой оценкой, ответили на это доверие и заботу партии и правительства новым творческим подъемом. Писатели, которым еще вчера руководители пролетарской ассоциации милостиво раздавали титулы «попутчиков» или «союзников», уже во второй половине тридцатых годов создали произведения высокой художественной ценности, посвятив их актуальным проблемам современности и историко-революционным темам. Их авторы по достоинству заняли почетное место на переднем крае советской литературы. Окончательно стерлись грани между пролетарскими и непролетарскими писателями, и в среде творческой интеллигенции восторжествовало полное единодушие в отношении к строительству социалистического общества.

Сорок лет прошло со времени Первого всесоюзного съезда писателей. За это время многое изменилось в жизни нашей страны, в развитии многонациональной советской литературы. Каждый новый этап в истории советского общества обогащает новыми красками — тематически и образно — нашу художественную культуру, рождает новые средства художественной выразительности, вносит новое во вкусы человека, в его образное мышление. Но те основные идейно-художественные принципы, практические и организационные формы, которые выработал наш исторический Первый съезд, и сегодня составляют прочную основу для развития и движения вперед социалистической литературы, стимулируют ее новые большие успехи.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В 70-е...

Рассматривая грузинскую литературу как одну из составных единой многонациональной советской литературы, посильно продолжая крепить ее взаимосвязи с культурами народов Страны Светов, редакция нашего журнала решила предложить литературным критикам братских республик ряд вопросов как общего для всех национальных литератур характера, так и частного, интересующего именно «Литературную Грузию».

Так возникла эта анкета, на которую первыми откликнулись известные московские литературные критики А. Дымшиц, С. Трезуб, И. Гринберг, Е. Осетров, Л. Аннинский.

Грузинский литературовед и критик З. АБЗИАНИДЗЕ по поручению редакции обратился к ним со следующими вопросами:

1. Принесли ли 70-е годы качественно новые проблемы в нашу литературу?

2. Что бы вы могли сказать о характерных чертах самого молодого поколения писателей?

3. Что, по вашему мнению, надо сделать (в частности журналу «Литературная Грузия») для того, чтобы всесоюзный читатель лучше ознакомился с сегодняшней грузинской литературой?

4. Не занимает ли в ваших творческих планах место и «грузинская тема»?

Приводимые ниже ответы на эту анкету, помимо своей основной цели, вновь наглядно показали еще одну характерную особенность нашей литературной жизни 70-х годов — возросшую ответственность критики за судьбы советской литературы, к которой она в свою очередь предъявляет все более высокие требования.

Не претендуя на полноту охвата, эти ответы, несмотря, а вернее, именно благодаря естественному различию содержащихся в них оценок и размышлений, отражают в определенной степени состояние советской литературы 70-х годов, картину которой, мы надеемся, дополняют мнения на этот счет представителей критической мысли других республик и городов Советского Союза; с ними также журнал познакомит своего читателя.

Поскольку в конце этого года состоится Всесоюзное совещание молодых писателей, в его преддверии особенно уместны раздумья критиков, касающиеся и молодого литературного поколения.

Итак, на анкету «Литературной Грузии» первыми отвечают:

Александр Дымшиц

1. Нет сомнения в том, что 70-е годы внесли в развитие нашей литературы качественно новые проблемы. Движение литературы обусловлено движением жизни. А в жизни бурно развиваются новые процессы, существенно влияющие на духовный мир современника — тем более такого чуткого и инициативного современника, как советский человек — строитель коммунизма. Характер важнейших жизненных процессов, происходящих в советском обществе, четко определен в материалах XXIV съезда КПСС. Новые явления в жизни общества начала разведывать наша литература. С новой исторической вышки охватывает она и этапы пройденного советским народом пути. Большие и важные задачи решает литература советского народа в связи с успехами миролюбивой политики Коммунистической партии и Советского правительства. Это, в частности, относится к та-

ким задачам, как все большее укрепление идейно-художественной общности нашей литературы с литературами братских стран социалистического лагеря и с творчеством писателей — наших единомышленников и друзей в капиталистических странах и странах так называемого «третьего мира». Новая международная обстановка, новое соотношение общественных сил требуют от нас расширения эстетических диалогов со всеми готовыми на обмен мнениями, на понимание конструктивных задач нашего времени прогрессивными людьми в мире капитализма и в «третьем мире», требуют от нас дальнейшего идеологического наступления, направленного против тех, из-за кого болен мир, — на идеологов буржуазной реакции и «холодной войны», на подвизающихся в буржуазном искусстве разного рода декадентов и теоретиков декаданса (вплоть до так называемых «советологов» и правых и левых ревизионистов).

2. Вопрос о самом молодом поколении литераторов — это вопрос, на который не ответить однозначно и который имеет в виду различные тенденции в творчестве молодых, так сказать дебютантов. Разные люди идут нынче в литературу. Есть молодые, которые приходят в печать — с первыми «пробами пера» — от живой жизненной практики (имея известный производственный опыт или опыт военной службы). Им есть что сказать, о чем рассказать. Как правило, у таких авторов нет инфантилизма, который сопровождает иных незрелых «молодых» в их медлительном идейном развитии. Следует заметить, что дебюты оказываются успешными там, где с начинающими усердно работают старшие товарищи, направляющие их искания по верному пути, помогающие дружественной критикой, добрым советом.

3. Для того чтобы всесоюзный читатель лучше знакомился с новинками грузинской литературы, надо прежде всего больше переводить, больше печатать переводов из грузинских авторов. А «Литературной Грузии» следовало бы, по-видимому, чаще помещать обзоры новинок разных жанров, рекомендуя новые удачные произведения вниманию переводчиков.

4. Грузинские темы меня всегда привлекают, изредка мне удавалось на них отзываться. Мне бы очень хотелось усилить свое внимание к грузинской художественной культуре, которая неизменно волнует мое сердце. Мне бесконечно близки духовно произведения несравненного Ладо Гудиашвили и великодушных мастеров чеканки, творения современной грузинской музыки и кинематографии, замечательные создания поэтов Ираклия Абашидзе, Карло Каладзе, Иосифа Нонешвили и других прекрасных художников слова. Я часто о них думаю — думаю, радостно волнуясь. Какой большой и чудесный мир искусства — богатый, многообразный, новаторский, опирающийся на глубокие традиции!

Иосиф Гринберг

1 и 3. Естественно, и в жизни, и в литературе уже много нового, связанного с особенностями семидесятых годов текущего столетия. Эта новизна еще только осознается, осмысливается и читателями, и критикой. Работы здесь — непочатый край. Один из приметных начальных шагов — интересная статья Гурара Асатиани, напечатанная во втором номере «Дружбы народов». При чтении ее, однако же, приходилось с досадой убеждаться в своем незнании ряда произведений, бесспорно заслуживающих внимания.

Все читатели Советского Союза, внимательно следящие за развитием современной грузинской литературы, — а таких читателей очень много! — будут благодарны редакции «Литературной Грузии», если на страницах журнала будут последовательно появляться наиболее значительные поэмы, романы, стихи, рассказы, пьесы семидесятых годов!

2. Конечно же, именно после Всесоюзного совещания молодых литераторов можно будет с достаточной уверенностью вести речь о характерных особенностях нового литературного пополнения. Надобно надеяться, что одновременно возникнет основа для определения своеобразных черт каждого из начинающих свой путь поэтов, прозаиков, драматургов, очеркистов, критиков. Ведь индивидуальные и характерные в образном творчестве нераздельны.

4. Невозможно всерьез заниматься современной литературой, не привлекая сделанное грузинскими товарищами. И чем решительнее, чем продуманнее и смелее будут при этом сопоставляться произведения различных жанров, созданные писателями разных национальностей, поколений, склонностей, тем большие результаты могут быть достигнуты. Именно в этом направлении и стремитесь идти пишущий эти строки — давний поклонник Грузии и ее искусства.

Анкетный жанр не располагает к многословию; он обязывает сразу же брать быка за рога. Итак:

1. Все, как известно, течет, все меняется. 70-е годы, годы научно-технической революции, конечно же, разнятся от предыдущих. Известно и то, что жизнь пугает литературу: темами, сюжетами, конфликтами, характерами, языком... Это столь же очевидно, как очевидно и то, что качественно новые проблемы, постоянно возникающие в действительности, находят (и не могут не находить!) свое постоянное отражение в литературе.

Еще Владимир Маяковский, думая о качественно новых проблемах, вставших перед молодой советской литературой, писал в своем лирико-революционном монологе «Юбилейное», обращенном к Пушкину: «...битвы революций посерьезнее «Полтавы», и любовь пограндиознее онегинской любви».

Посерьезнее и пограндиознее! Это ко многому обязывало литературу.

Напомню в этой связи и Романа Роллана: «Величайшие творения искусства эпохи революции — это рожденные ею люди. Во взрыве новой жизни, раскалывающем содрогающуюся землю, возникают пламенные души, как гимны, оглашающие воздух криками веры. Отголоски этих гимнов будут звучать долго после того, как эти люди исчезнут. В будущем эти люди станут вдохновителями и героями эпических и романтических песен — жатвой обильных лет, для которых время революции было суровым предвесеньем».

Пророческие слова! Наша многонациональная литература собрала и продолжает собирать обильную эпическую и романтическую жатву. Суровое революционное предвесенье сменялось новыми десятилетиями. Возникли новые пламенные души, которые вдохновляли художников и становились пробразами героев новых и новых произведений. Процесс этот бесконечен.

Он столь же бесконечен, сколь и сложен.

Человек, знаменосец прогресса, постигающий тайны природы и преобразующий ее, преобразует, конечно, и самого себя. Процесс этот отнюдь не адекватен тому, который происходит в науке и технике. В человеке еще немало пережитков дрошлого, того, что осталось, так сказать, еще от праотца Адама и праmaterи Евы.

Все это так!

Но как бы ни был сложен процесс развития рода человеческого, труд, эдухотворенный великой идеей коммунизма, стал содержанием жизни советского человека, и это главное, что определяет его сущность. Литература 70-х годов, если можно о ней говорить столь общо, старается эту сущность постичь как можно глубже, объемнее, многограннее.

2. Говорить о молодом, или о самом молодом, поколении современных писателей можно лишь весьма условно, так как писатели различаются не столько по поколениям, сколько по дарованиям. Талант отмечен «лица необщим выраженьем». Он индивидуален и ни в чем не терпит нивелировки. В «Послании пролетарским поэтам» тот же Маяковский писал: «А мне в действительности единственное надо — чтоб больше поэтов хороших и разных». Хорошие — обязательно разные. Из чего однако не следует, замечу для ясности, что все разные — хорошие. Могут быть «разные» и плохие.

В начале мая текущего года состоялся пленум правления Союза писателей Российской Федерации, на котором шла речь о прозе последних лет, о ее основных проблемах и тенденциях. То, о чем говорилось на этом пленуме, имеет прямое отношение к первым двум вопросам анкеты. Доклад, сделанный выдающимся, на мой взгляд, русским писателем Юрием Бондаревым, выгодно отличался тем, что он не старался объять необъятное и говорил лишь о том, «о чем думал» и «что хотел». Докладчик делился своими наблюдениями, мыслями, обобщениями, и это прозвучало свежо и дало пищу для размышления. Он, между прочим, сказал: «Измерение художественных высот потрясающим количеством вышедших книг пагубно для самой литературы, которую в главном всегда делают единицы, яркие индивидуальности по складу таланта, вобравшие в себя импульсы эпохи. И легкомысленны утверждения, что каждый из нас дописывает еще страницу в какую-то тему, добавляет еще, допустим, главу к книгам о войне, об интеллигенции или рабочем классе».

И дальше:

«Литература бесконечна и неисчерпаема, и нет в ней отдельно взятых частей, и нет отдельного от частей целого. Есть в ней одно — непоколебимое — исповедующий философию человечности талант как выражение личности и времени. Добавил ли частями что-нибудь Чехов к Толстому? Толстой — к Достоев-

скому? Или Шолохов — к Леонову, Леонов — к Шолохову? Или Федин — к Шолохову и Леонову? Думаю — нет, был целый мир неоспоримых открытий Чехова и целый сложный мир Толстого, существуют индивидуальные и неповторимые миры Шолохова, Леонова, Федина. Никто не добавляет и не дописывает ничего, и никто не может заменить другого».

Прошу прощения за сравнительно длинную выдержку. Мне по душе ее содержание, и я не считал нужным искать для него свои формулировки. Пусть авторство сохранится за Юрием Бондаревым. Позаботимся о том, чтобы высказанное им было услышано как можно большим количеством людей и было понято. Молодое, или самое молодое, поколение писателей состоит из разных, а не одинаковых индивидуальностей и заслуживает поименного к себе внимания. Оно нуждается (крайне!) во взыскательном разговоре. Смеем утверждать, что далеко не все пишущие, например, стихи — поэты, так же как далеко не все занимающиеся прозой — прозаики, а драматургией, критикой — драматурги и критики. «Трудно быть поэтом, — писал некогда Белинский, — так же трудно, как легко писать стихи». Вот именно!

Талант не расцветает, а гибнет от самодовольства. Он нуждается в критическом к себе отношении, в требовательности, в неудовлетворенности. Подальше от лстивых гувернанток! Выше поднимем планку качества! В этих призывах — насущная, на мой взгляд, потребность.

Молодые и самые молодые, идущие в литературу, должны знать, что они посвящают себя труднейшей, мучительнейшей, изнурительнейшей профессии, где никогда нельзя довольствоваться «синицей в руке» и всегда нужно мечтать о «журавле в небе».

3. На третий вопрос ответить значительно проще, нежели на два предыдущих. Дабы еще в большей мере сделать современную грузинскую литературу достоянием всесоюзного читателя, необходимо, на мой взгляд, постоянно заботиться о: а) высоком идейно-художественном качестве самих произведений, которые бы вызвали этот читательский интерес к себе, б) талантливым качестве русского перевода, который должен делать эти произведения явлениями русской литературной жизни; в) массовом тираже их изданий на русском языке (ведь этим во многом определяется жизнь произведения); г) популяризации этих произведений среди читателей, т. е. о библиографии, критике в местной и центральной прессе.

Журнал «Литературная Грузия» может, разумеется, активно способствовать всему вышесказанному и тем самым достижению цели.

4. О собственных творческих планах предпочтительнее молчать, нежели оповещать. Замечу лишь, что в них неизменно присутствует моя ранняя и неизменная любовь — Маяковский, а значит, и «грузинская тема». Ее краешек выглянул в моей рецензии на две превосходные книги о Маяковском А. Февральского (журнал «Октябрь», № 4, 1972). Цитирую:

«А когда я читал то место, где говорится о «выпуклости» гласных в стихах Маяковского, о том, что в раскате его поэтического голоса «русская ширь» множилась на грузинскую высь», то в моей памяти ожила беседа с незабвенным Георгием Леонидзе. Это было еще в 1950 году. Он говорил о том же, о чем написал теперь А. Февральский, и подтверждал сказанное гортанностью грузинской речи. «Слышишь?» — спрашивал он, читая свои стихи на родном языке».

Еще краешек той же темы — в моем выступлении в клубе «Октябрь» (журнал «Октябрь», № 12, 1972). Я назвал его «У самых истоков» и посвятил допоэтическому становлению Маяковского. Были приведены свидетельства Галантиона Табидзе, Симона Чиковани, Георгия Леонидзе, подтверждающие, что юный Маяковский был кровно связан с революционной грузинской поэзией. Назывались Иродион Евдошвили, Акакий Церетели...

«Эти и подобные им факты, — говорил я, — не заняли, к сожалению, в нашем маяковсковедении того места, которое они заслуживают. Куда больше, увы, внимания уделяется посредственным и временным спутникам поэта, не оказавшим на него никакого влияния и от которых не осталось никакого следа в литературе».

Но это — только краешки.

Евгений Осетров

1. С тех пор как словесное искусство перестали создавать анонимные авторы, вопрос всех вопросов — имена. Нет никакого сомнения, что литература вчера, сегодня, завтра — это писательские фамилии. В самом деле, что такое — девятнадцатый век? Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Толстой, Достоевский... Мо-

жем ли мы представить двадцатые годы нынешнего столетия без Блока, Есенина, Ахматовой?! Есть имена-олицетворения. Война 12-го года неотделима в нашем сознании от автора «Войны и мира». Вместе с воспоминаниями о Великой Отечественной войне живет в представлениях неуязвимая «книга про бойца», лучшая поэма современности — «Теркин» Александра Твардовского.

Имена, имена и еще раз имена. Без них нет литературы. Ни одна эпоха не жаловалась на то, что пишется мало стихов, — их всегда было предостаточно. Все времена сетуют на то, что не хватает поэтов. Даже в пору, когда начинало бушевать разливанное море стихотворчества, выглядящее в наши дни, как всемирный потоп, Маяковский в воображаемом разговоре с Пушкиным элегически заметил: «Только вот поэтов, к сожалению, нету...».

Конечно, бывает и так, что проблема выше имени автора, занимающегося ею. Но это скорее относится к поэзии, сознательно «делаемой». Большое же искусство выражает все полнокровие бытия. Творчество Пушкина — энциклопедия действительности, вместившая в себя все, что существовало в ту пору, в том числе и так называемые проблемы.

Мы слишком долго отдавали предпочтение тематике. В шестидесятых годах многие сочинения создавались по нехитрому рецепту: «За вкус не ручаюсь, а горячо будет». Теперь же, когда горячее остыло, все видят, что кушанье готовилось наспех, все-таки, нет в нем ни вкуса, ни питательности. А такие комплименты раздавались совсем недавно! Один высокочтимый автор написал в ту пору, что у нас уже были свои Державины и надо со дня на день ожидать появления нового Пушкина. Пророчества в искусстве — дело опасное и рискованное, ибо время теперь обладает сверхзвуковой скоростью.

2. Что можно сказать о самом молодом поколении? При оценке генерации, вступающей в литературу, мы обязаны учитывать ошибки и преувеличения, допущенные в шестидесятых годах. Нельзя эстрадную бойкость принимать за талант, нельзя путать сиюминутную злободневность за художественную современную чуткость. Нет нужды напоминать о именах, которые так долго превозносила критика. Минуло всего десять лет, а что осталось...

Когда Николай Рубцов в 1967 году опубликовал сборник «Звезда полей», все мы почувствовали, что в искусство пришел своеобразный и глубокий поэт. Но только теперь, после гибели Николая Рубцова, мы начинаем осознавать масштабы его лирического дарования, его органичную связь с действительностью. Я высоко ценю Рубцова — создателя всеобъемлющей формулы, вошедшей в наш фразеологический обиход: «С каждой избою и тучею, с громом, готовым упасть, чувствую самую жгучую, самую смертную связь». Недавно мне выпало счастье ознакомиться со всем — или почти со всем — творческим наследием Николая Рубцова, — и я увидел, что книга, которая появится в свет в недалеком будущем (твердо надеюсь), «томов премногих тяжелей». Мало, увы, ценили мы при жизни Николая Рубцова.

Историки литературы хорошо знают, что далеко не всегда понятия «знаменитость» и «талантливость» совпадают. Сколько бывает случаев, когда хочется повторить: «Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь...». Незадолго до кончины Бориса Ручьева, славного и вдохновенного певца рабочего класса, мы повстречались с ним в Москве, и автор «Индустриальной истории» прочел мне на память стихи «А Волгограду снится Сталинград...». Я спросил — чьи это стихи? Ручьев ответил. «Как можно не знать, это же Геннадий Серебряков написал...». Многие ли из нас читали Геннадия Серебрякова, хотя он автор уже нескольких книг? Ошибка заключается в том, что мы стали воспринимать литературу не по именам, а по поколениям, группам и группочкам — «интеллектуалы», «деревенщики», «экспериментаторы» и т. д. Думаю, что не надо раздавать преждевременные награды тем, кто входит в литературу в семидесятых. Их надо бережно поддерживать, не обрушивая на юные головы потоки папки, которая так же опасна, как и действовавшая некогда критическая дубинка.

3. Я высоко ценю журнал «Литературная Грузия», многое сделавший для развития и укрепления дружбы русской и грузинской литератур. Вспоминаются интереснейшие публикации, появление которых стало событием в духовной жизни страны. Я, например, далек от мысли преувеличивать роль Константина Бальмонта в поэзии первых десятилетий века, но ведь неслучайно Максим Горький называл автора «Будем как солнце» мастером формы. Музыкальности, богатству аллитерации, изысканности речи его и сегодня не грех поучиться начинающим, да и не только начинающим. Что касается русско-грузинских связей, то Бальмонт «памятник воздвиг себе нерукотворный», создав первый перевод на русский «Витязя в тигровой шкуре». До сих пор храню «Литературную Грузию», отметившую юбилей Бальмонта.

Считаю, что и впредь журнал должен посвящать страницы крупным фигурам, объединяющим культуры наших народов. Писать надо не только о литера-

торах, но и о живописцах, музыкантах, скульпторах, разнообразных деятелях культуры, именами которых богаты история и современность. Москва хранит благодарную память о Давиде Ильиче Арсенишвили, создателе музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Мне выпало счастье многие годы дружить с этим замечательным рыцарем культуры, принадлежавшим к числу тех людей, которые жизнью и работой украшают землю. Под древними владимирскими сводами показывал Давид Ильич мне старые фрески, дошедшие к нам из глубины веков как прекрасные и вдохновенные письма — из прошлого в будущее, и помню, всегда лицо его сияло счастьем. Мы бродили по гранитной набережной Яузы в Москве, возле воссозданных стен Андроникова монастыря, и Давид Ильич рассказывал мне о своем старшем брате, который переписывался с Блоком; я видел в беседе лице олицетворение неразрывной связи великих культур. Почему бы «Литературной Грузии» не писать почаще о таких людях, как семья Арсенишвили!

4. Для меня холмы Грузии, где витают вечные тени Руставели и Пушкина, — священная земля, но я думаю, что мы уделяем слишком большое внимание поверхностным взаимоотношениям и мало размышляем о глубинных истоках дружбы, родившейся естественно, как плод многовекового общения. Вникая в художественный мир «Слова о полку Игореве», я пытаюсь сопоставить его с художественным миром «Витязя в тигровой шкуре». Примечательно, что гениальные поэмы были написаны приблизительно в одно время. Безымянный автор «Слова» и Шота Руставели были современниками. Они видели одни и те же звезды над головой, их оведали одни и те же ветры, они прекрасно были осведомлены о крупнейших событиях эпохи, о страстях и исканиях своего времени. Они знали о средиземноморских очагах культуры, ощущали знойное дыхание Востока. Не думаю, чтобы где-нибудь они могли встретиться, но несомненно, что они дышали одним и тем же воздухом современности. Это была счастливая эпоха эпоса, которая навсегда останется для нас художественным образцом... Существует афоризм: помнить — значит предвидеть. Великий Н. К. Рерих был убежден, что стариной мы помолодеем. И дело вовсе не в поисках сказочного тридцатого царства.

Едва ли можно считать эту работу, которой я необычайно увлечен, грузинской темой. Во всяком случае, убежден, что нам надо чаще обращаться к глубинным истокам культурных взаимосвязей, а не довольствоваться платанной риторикой, которая ныне удручает взыскательного читателя тривиальностью.

Лев Аннинский

1. Привнесли ли 70-е годы качественно новые проблемы в нашу литературу? Привнесли. Блаженные деревенские старики отправились вслед за своими предшественниками, юными интеллектуалами начала 60-х годов. Два поколения романтиков, таким образом, кануло в Лету. 70-е годы — время прагматиков. Время прагматиков. Хорошо, если они наладят дела. Но дай бог, чтобы в опьянении своей трезвостью они не превратили человека в придаток дел.

2. Что можно сказать о самом молодом поколении писателей? Гибкие, преимчивые, ироничные, хорошо знающие, чего они хотят, хорошо защищенные. Полный контраст с романтиками 50-х или 60-х годов — негибкими, плохо защищенными, но тем более счастливыми в своем прямодушии.

3. Чтобы всесоюзный читатель лучше знакомился с грузинской литературой сегодняшнего дня, надо сделать так, чтобы хороших текстов печаталось побольше, а плохих поменьше.

4. Какое место занимает в моих творческих планах «грузинская тема»? Хотел бы понять, почему новая грузинская проза так склонна к притче и иносказанию. А еще: какой урок мы все можем извлечь из ее опыта.

ПЕРВЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИВЕТ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

А. С. ПУШКИН И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГРУЗИНСКАЯ КОЛОНИЯ

Среди разносторонних и многочисленных интересов А. С. Пушкина одно из значительных мест отведено Грузии. Грузинской тематике посвящено много произведений великого русского поэта.

О Грузии он слышал еще в детстве. В лицейские годы интерес его к нашей стране усиливается. О большом и все возрастающем внимании Пушкина к Грузии говорят его неоднократные попытки посетить ее. (Первое свидетельство о его намерении побывать здесь относится к 1819 году). Всему этому в большой мере могли способствовать жившие в то время в Петербурге грузинские деятели литературы и науки.

Дошедшие до нас прямые и косвенные данные позволяют сделать вывод, что А. Пушкин знал петербургских грузин, встречался с ними. Среди них надо отметить: Д. Цицианова (Цицишвили, 1747—1835) — популярного остролиста, о котором А. Пушкин писал: «Всякое слово вольное, всякое сочинение противозаконное приписывают мне, так, как всякие остроумные вымыслы князю Ц (ицианову)»; Е. Чилиева (Чилашвили, 1792—1838) — ученого, поэта, переводчика; Б. Чилиева (Чилашвили, 1798 — 1850), учеба и служба которого в Петербурге протекали в окружении декабристов; Д. Эристов (Эристави, 1797—1858), который с ним учился в Царском Селе и после окончания лицея (1820) сотрудничал в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара, составил «Словарь о святых, прославленных в Российской церкви» — «книгу необходимую и имеющую столь великое

значение» (А. Пушкин) и многих других. А. Пушкин дружил с офицером гусарского полка Д. Абаемелеком, на сестре которого был женат грузинский царевич Д. Багратиони (1767—1819). В его доме поэт мог встречать многих грузин.

Можно предположить, что А. Пушкин знал и о культурно-литературной деятельности петербургской грузинской колонии. Со своей стороны ее члены также с большим интересом относились к его творчеству. Поэтому наследие А. Пушкина не могло не оказать большого прогрессивного воздействия на них. Оно было значительным уже при жизни поэта. Как справедливо отмечал профессор К. Дондуа, «живой интерес к русской поэзии, вообще к поэзии славян, здесь наметился еще задолго до присоединения Грузии к России. Однако наиболее тесные литературные связи с Россией установились в грузинской художественной литературе со времен Пушкина и через Пушкина. Можно сказать, что в лице «первой любви» России грузинские поэты послали свой первый осознанный поэтический привет обновленной русской поэзии и наиболее передовой части русской интеллигенции».

Переводы стихотворений А. Пушкина на грузинский язык, выполненные еще при жизни поэта, принадлежат перу представителей петербургской грузинской колонии: Т. Багратиони, С. Размадзе и др. В первую очередь мы должны упомянуть известного ученого и писателя, первого грузинского академика Теймураза Багратиони (1782—1846), который занимает весьма почетное место в истории грузино-русских научно-литературных связей первой половины XIX века.

Т. Багратиони жил в Петербурге с января 1811 года. Эти годы — самый плодотворный период культурно-литературной работы крупного грузиноведа

и переводчика. Отстраненный от участия в политической жизни Грузии (в связи с переездом в Петербург, 1811 г.), он посвятил себя изучению истории и культуры своей родины. Находясь в близких отношениях с прогрессивными русскими деятелями, Т. Багратиони переводил произведения русских и иностранных авторов, печатал свои переводы, вел плодотворную научную и творческую литературную работу.

Исключительный интерес вызывает рукописное наследие Т. Багратиони. Главный вывод, который можно сделать при изучении его рукописного наследия, — это большое внимание и глубокий интерес к русской литературе.

С особенным интересом относился он к творчеству А. Пушкина. Можно предположить также, что Т. Багратиони и лично знал русского поэта. В его альбоме, который хранится в ЛО Института востоковедения АН СССР, имеется несколько переводов стихотворений А. Пушкина; некоторые из них принадлежат С. Размадзе, часть — самому Теймуразу. Это — «Ангел», «О, муза пламенной сатиры!», «Пробуждение», «Демон», «Пророк», «Веселый пир», «Братья-разбойники» (отрывок) и 52-я строфа 7-й главы «Евгения Онегина».

Маленькое стихотворение А. Пушкина «Ангел» («В дверях эдема ангел нежный»), которое датируется 1827 годом, было переведено Т. Багратиони в январе 1830 года. Над этим переводом он потрудился немало. Прежде всего им дан подстрочный перевод, затем переложение в рифмованные стихи, дальше он вновь его подправляет и только в четвертый прием переписывает в окончательном виде (К. Дондуа). Тот факт, что на грузинский язык стихотворение А. Пушкина переводится через три года после его выхода в свет, не является исключением. Известно, что грузины внимательно следили за развитием русской литературы и незамедлительно переводили русские произведения. Так, первое издание трагедии А. Сумарокова «Синав и Трувор» вышло отдельной книгой в 1751 году. По сведениям Р. Орбели, ее можно было купить в книжной лавке в самом конце января или начале февраля 1751 года. На грузинский язык эта трагедия была переведена в том же году — не позднее 29 мая 1751 года.

В альбоме Теймураза встречаются также два перевода стихотворения А. Пушкина «О, муза пламенной сатиры!». Русский текст приведен в грузинской транскрипции, и к нему отдельно составлен словарь. Переводы не датированы, переводчики не известны. К каждому из переводов Теймуразом сделана приписка на грузинском языке. К первому: «это один перевел», ко второму: «это другой перевел». Возможно, что один

из переводов принадлежит самому Теймуразу, который проявлял большой интерес не только к творчеству А. Пушкина, но и к его личной жизни. Об этом свидетельствует запись Теймураза в альбоме А. Пушкина. Наконец, мы должны отметить, что в сборнике Т. Багратиони есть выполненный карандашом портрет, который имеет сходство с А. Пушкиным.

Увлечение русской литературой Т. Багратиони стремился передать своим сотрудникам и ученикам. Он призывал их к глубокому изучению духовных сокровищ русского народа в целях обогащения своей многовековой культуры. Последователи Т. Багратиони не только хорошо знали русскую литературу, но и очень много делали для ее распространения у себя на родине. Особым вниманием пользовалось творчество А. Пушкина. Одним из первых его переводчиков был поэт-романтик С. Размадзе (1798—1860), который прибыл в Петербург с Т. Багратиони, проживал у него и образование получил под его руководством. В столице России провел он 20 с лишним лет, хорошо изучил русский язык и начал переводить русских авторов, в том числе и А. Пушкина.

Как уже отмечалось, в альбоме Т. Багратиони встречаются его (С. Размадзе) переводы А. Пушкина, написанные красивым почерком в отдельной тетрадке с надписью: «სტიხნი, სოლომონ რაზმაძისგან გრუსულს ენით გარდმოღესქულნი» («Стихи, переведенные с русского языка Соломоном Размадзе»). Здесь же и переводы стихотворений А. Пушкина «Пробуждение», «Демон», «Пророк», «Веселый пир» и два фрагмента — из «Евгения Онегина» и «Братьев-разбойников». С. Размадзе принадлежит также перевод «Испанского романа» и, по мнению А. Абрамишвили, пушкинского стихотворения «К Морфею».

Два перевода С. Размадзе («Мелодия. Испанский романс», «Веселый пир») были напечатаны еще при жизни русского поэта, в 1832 году, в первом грузинском литературном журнале «Салитурони нациლი» («Тифлисская весточка») — «Литературная часть «Тифлисских ведомостей» (№ 5, стр. 114—115). Так как в 1832 году переводы С. Размадзе были уже опубликованы, можно сделать вывод, что выполнены они были в конце 20-х или в начале 30-х годов прошлого столетия.

По мнению исследователей (К. Дондуа, И. Гришапшвили, Н. Алания, И. Богомолова, В. Шадури и др.), С. Размадзе был талантливым переводчиком. При переводе Пушкина он проявил большое искусство и мастерство, сумел достичь большой точности, максимально приблизив грузинский текст к русскому

оригиналу. Несмотря на некоторые отступления от него, он старался точно передать дух пушкинской поэзии.

Говоря о переводах произведений А. Пушкина на грузинский язык, невозможно не упомянуть переводчика, который хотя и не являлся членом петербургской грузинской колонии, но долгое время жил в Петербурге. Это Александр Чавчавадзе (1786—1846) — выдающийся грузинский поэт, известный государственный и общественный деятель, который сыграл большую роль в укреплении русско-грузинских литературных связей. Почти всю свою жизнь А. Чавчавадзе был тесно связан с Россией. Здесь он родился, и русский язык стал его вторым родным языком, здесь он получил образование, сюда его, наконец, дважды ссылали.

В 1834—1837 годах А. Чавчавадзе жил в Петербурге, где поддерживал дружеские связи со многими представителями русского народа, возможно, и с А. Пушкиным, с поэзией которого он, наверное, познакомился еще в ранней юности в Петербурге.

А. Чавчавадзе перевел следующие стихотворения А. Пушкина: «Анчар», «Обвал», «К Н. Я. Плюсковой», «Цапток», «Пробуждение» и части «Воспеления» к «Медному всаднику». Большинство этих переводов и по сей день не утратило своей художественной ценности. Переводчик не только одним из первых ознакомил грузинского читателя с некоторыми творениями А. Пушкина, но и указал путь своим собратьям по перу к стиху великого русского поэта (И. Богомолов).

Пока еще, правда, точно не установлено, в каком году начал А. Чавчавадзе переводить А. Пушкина, но перевод стихотворения «Пробуждение», опубликованный в грузинской газете («Тифлисис уцкебани» — «Тифлисские ведомости», 1830, № 2, стр. 10) в середине 1830 года, свидетельствует о том, что грузинский поэт начал работать над переводами из А. Пушкина еще в конце 20-х или в начале 30-х годов прошлого века. Следует также отметить, что первый печатный перевод пушкинского стихотворения принадлежит А. Чавчавадзе.

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ РОДНИК

Чудо русской поэзии — А. С. Пушкин во все времена привлекал к себе внимание грузинских литературоведов, критиков, исследователей в области русско-грузинских литературных взаимосвязей. Предметом изучения были и отдельные произведения поэта, и основные этапы его творчества, но в основном эти исследования развивались в Грузии главным образом по пути освоения таких тем, как «Пушкин и Грузия»; «Пушкин в Грузии», «Грузия в творчестве поэта», «Переводы произведений А. С. Пушкина на грузинский язык», «Пушкин в грузинской критике». С обзором пушкинского творчества грузинское студенчество в течение многих лет знакомилось по главе из учебника «Очерки истории русской литературы XIX века», написанной С. Данелиа. В настоящее время студенты пользуются учебником «История русской литературы», в котором глава о Пушкине принадлежит В. Шадури. Сегодня — это самый полный очерк творчества великого поэта на грузинском языке, снабженный полным научным аппаратом, включающим все сведения по теме «А. С. Пушкин в грузинской литературе», как того требовали принципы, положенные в основу трехтомного учебника для грузинских вузов.

Из других работ грузинских пушкинovedов, не затрагивающих связей Пушкина с Грузией, следует отметить докторскую диссертацию А. Чхеидзе «История Пугачева» А. С. Пушкина, изданную отдельной книгой в 1963 году и получившую положительную оценку в прессе, кандидатскую диссертацию М. Байсаголовой, книгу Т. Яковлевой «Образ поэта в романах И. Новикова» (1963), статью Г. Гиголова «О сонете А. С. Пушкина «Суровый Дант» (Труды ТГУ, т. 61, 1956).

Изучение такой важной темы, как «Пушкин и Грузия», началось давно, но основной материал по ней собран и изучен лишь в советское время. Можно отметить несколько этапов в исследовании этой проблематики. Завершением первого периода стал сборник «Пушкин в Грузии», изданный в 1938 году в Тбилиси по инициативе Г. Леонидзе. Содержание сборника обширно. В него вошли статьи К. Дондуа «Пушкин в грузинской литературе», В. Шадури и Г. Таλιαшвили «Кавказская природа в творчестве Пушкина», С. Данелиа о переводах произведений поэта на грузинский язык. Несколько статей принадлежат самому Г. Леонидзе, в том числе статья о генезисе материалов, записанных поэтом в Грузии. Содержательная библиография переводов произведений Пушкина составлена И. Гришашвили. Сборник имел огромное значение для своего времени, явился крупным событием в области изучения русско-грузинских литературных взаимосвязей.

В дальнейшем появляется работа И. Ениколопова «Пушкин в Грузии» (Тбилиси, 1950, на русском яз.), являющаяся вторым изданием работы «Пушкин на Кавказе». Обе содержат интересные данные. В 1950 году вышла книга А. Николадзе «Пушкин» (на грузинском языке), глава из которой вошла через несколько лет в сборник «Русско-грузинские литературные связи». Эта книга впоследствии неоднократно переиздавалась на русском и грузинском языках.

Ш. Дадвани в статье «Пушкин с нами» (журнал «Дружба народов», № 3, 1949) отмечает плодотворное влияние великого поэта на грузинских писателей XIX века, рассказывает историю написания своей пьесы «Пушкин в Грузии». В статье «Поэзия Грузии» («Знамя» № 9, 1950) профессор Н. Степанова приводит некоторые данные о пушкинском влиянии на творчество А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили и других.

Особо следует отметить работы Л. Асатиани, много сделавшего для изучения грузинских связей Александра Сергеевича. Первая такая статья появилась в 1933 году, затем последовали другие работы, которые публиковались в различных изданиях и были затем объединены в вышедшей в свет в 1949 году на русском языке книге «Пушкин и грузинская культура», в которой освещена тема пребывания поэта в Грузии, анализируются произведения поэта, связанные с Грузией, рассматриваются проблемы его влияния (А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани

и другие). Книга дала обзор переводов пушкинских произведений на грузинский язык, рассказала, как грузинская общественность отметила юбилей поэта в 1899 и 1937 гг.

В изданной в 1955 году на грузинском языке книге «Литературные взаимоотношения грузинского народа с братскими народами» те же проблемы изложены в более сжатой форме. Значение труда Л. Асатиани поистине трудно переоценить.

Тема «Пушкин и Грузия» предполагает как изучение отношения поэта к Грузии, так и другую сторону — изучение отношения грузинской общественности к национальному гению русской поэзии. Этой стороне проблемы посвящено немало работ, в том числе и посвященных переводам произведений А. С. Пушкина на грузинский язык трудов С. Данелиа, Л. Каухчишвили, А. Чхеидзе, Ш. Дадiani и других. В настоящее время в этой области успешно работает Л. Хихадзе. О том, как воспринималось творчество Александра Сергеевича грузинской общественностью, писали Е. Чарквиани, В. Шадури, С. Хуцишвили, М. Зандукели, Д. Гамезардашвили и другие.

В 1954 году кандидатскую диссертацию на тему «А. С. Пушкин в грузинской литературной критике», в которой исследован почти 130-летний период (с 20—30-х гг. XIX века до конца 1952 г. включительно), защитил Т. Буачидзе. Надо сказать, что до него такая тема вообще не была предметом специального изучения. И по постановке темы, и по полноте предлагаемого материала этот труд исследователя носит итоговый характер. В пяти его главах последовательно анализируется оценка творчества А. С. Пушкина грузинской критикой в разные исторические периоды с учетом различных слоев грузинского общества, подчеркивается значение творчества поэта в борьбе передовых сил грузинского общества, прослеживается постепенное накопление объективных данных о нем, связанное с расширением русско-грузинских общественно-литературных связей. Ученый систематизировал материал очень большого объема и убедительно показал, как грузинские критики и литературоведы вместе с русскими учеными помогают всесторонне раскрывать значение пушкинского творчества, вырабатывая все более полный, точный и глубокий взгляд на произведения поэта, и вносят этим значительный вклад в советское пушкиноведение. Данные этой диссертации были опубликованы в виде статьи «А. С. Пушкин в оценке Н. Я. Николадзе» (Труды ТГУ, т. 71, 1958) и работы «Пушкин и грузинская общественность» (в сборнике «Литературные статьи», Тбилиси, 1960).

Следующий этап изучения творчества А. С. Пушкина в Грузии связан с работами В. С. Шадури, обобщенными в его докторской диссертации, а затем и в книге «Декабристская литература и грузинская общественность» (Тбилиси, 1958, на русском языке). В них творчество великого русского поэта рассматривается в русле идей декабризма, захвативших передовую часть дворянской интеллигенции России. Труд рассматривает причины т. н. «самовольной» поездки Пушкина в Закавказье, изучает его пребывание среди друзей-декабристов, оценивает значение кавказских встреч для творчества поэта, его сотрудничества в «Тифлисских ведомостях» и, наконец, исследует грузинскую тематику в пушкинских произведениях. В работе показано, как автор «Путешествия в Арзрум» изучал природу, культуру народов Закавказья, их фольклор, язык, с позиций критического отношения к политике самодержавия ратовал за развитие торговли и просвещения. Автор рассмотрел источники, подготовившие «Путешествие», проанализировал стихотворения, связанные с Грузией, выявил, что тема Терка у Пушкина и других передовых русских и грузинских писателей (декабристы, М. Ю. Лермонтов, А. Казбеги, И. Чавчавадзе и др.) звучала как тема свободы и борьбы против деспотизма. Все эти материалы были рассмотрены на первой научной сессии, посвященной литературным связям русского, азербайджанского, армянского и грузинского народов, которая состоялась в Тбилиси 3—5 февраля 1960 года.

За последующие годы (более чем десятилетие) были созданы новые работы о грузинских связях А. С. Пушкина. В новом издании вышла книга А. Николадзе «Русско-грузинские литературные связи» (Тбилиси, 1965). В 1966 году тут же вышла в свет книга И. Ениколопова «Пушкин и Грузия».

В сборнике, посвященном Важа Пшавела, помещена статья Д. Д. Благого «Пушкин и Важа Пшавела» (Изд. ТГУ, 1966). В книге Т. Буачидзе «Из истории литературных взаимоотношений» разработана проблема развития восточнославянских литератур в свете грузино-русско-украинских взаимоотношений, приведены некоторые данные об оценке А. С. Пушкина грузинской критикой. В книге Г. Талишвили «Русско-грузинские литературные взаимоотношения» (Тбилиси, 1967) имеется глава «О грузинских связях А. С. Пушкина», и наконец, В. Шадури издал итоговую книгу по проблемам грузинских связей великого поэта — «Пушкин и грузинская общественность» (Тбилиси, 1967, на грузинском языке).

Особый интерес представляет статья Д. Д. Благого «Пушкин и Важа Пшавела». Ученый подчеркивает ту важную роль, которую сыграл Кавказ в художественном развитии поэта, говорит, как потрясли его полученные тут первые впечатления. «Кавказский пленник» явился переходом от «преданий старинной глубокой» «Руслана и Людмилы» к темам современной ему русской действительности. Кавказские впечатления, декабристские настроения, горечь изгнания — все это вместе обусловило дальнейшее развитие поэта. Именно на этой почве начался новый этап романтизма — земная, реальная романтика.

Во второй раз на Кавказ Пушкин приехал уже как зрелый поэт-реалист, как поэт действительности. На станции Ларс он вновь с удовольствием прочел «Кавказского пленника». Поэт сам считал, что написано это незрело и неполно, но многое угадано верно. «Не понимаю, как мог изобразить так верно, хоть и слабо изобразить нравы и природу». Причину подобного явления ученый усматривает в стремлении поэта глубоко проникнуть в жизнь. В 1820 году Пушкин многое увидел, хоть и издалека. В 1829 году он писал уже с натуры.

Далее поэма «Кавказский пленник» сопоставляется с неоконченным произведением «Тазит». Ученый говорит о стихотворениях «Кавказ» и «Обвал», сопоставляет «Тазит» с поэмами Важа Пшавела «Алуда Кетелаури» и «Гость и хозяин».

Совершенно в другом плане написана работа Т. Буачидзе об А. С. Пушкине, изданная в 1968 году. Как известно, сейчас считается, что очень трудно и почти невозможно изолированно изучить какую-либо национальную литературу. Автор пишет: «Нельзя ограничиваться узкими национальными рамками и на их основе делать обобщающие выводы, это не может дать верной картины литературного процесса... Широкое и комплексное изучение литературных взаимосвязей знаменует собой новый этап в советском литературоведении, поднимает его на более высокую ступень. Изучение мощного процесса взаимообогащения литератур — это не отдельная тема и проблема, а новый аспект, с которым мы подходим к рассмотрению внутренних процессов отдельных литератур, к механизму художественного отображения».

Подобная постановка проблемы стала внутренним подтекстом книги Т. Буачидзе «Из истории литературных взаимоотношений» (1968, на грузинском языке). В ней автор рассматривает ряд интересных и значительных проблем развития восточнославянских литератур и грузино-русско-украинских литературных взаимоотношений с древнего периода до середины XIX века.

Определенное место в книге занимает глава об А. С. Пушкине. Хотя называется она «Пушкин в грузинской критике», Т. Буачидзе, используя наблюдения и выводы прежних лет, оценивает творчество великого русского поэта в новом ракурсе — анализируя взаимодействие и взаимообогащение литератур, прослеживает, что дали Пушкину Кавказ и Грузия, что дал Пушкин грузинской обществу, как произведения поэта становились фактами духовной жизни грузинского народа. Профессор Т. П. Буачидзе сделал попытку рассмотреть творчество Пушкина в аспекте широких связей с грузинской литературой, в процессе развития родственных литератур.

Книга профессора В. С. Шадури «Пушкин и грузинская общественность» (1967, на грузинском языке) представляется нам итоговым трудом. В. Шадури рассмотрел в нем все основные вопросы темы «Пушкин и Грузия».

Наконец, следует назвать несколько обстоятельных работ Г. Ломидзе и других, сборники «Литературные взаимоотношения» и т. д., которые интересны методологическими установками, стремлением расширить рамки поисков, пропагандой нового аспекта изучения национальных литератур, а именно — отказом от их «изолированного, замкнутого» изучения, стремлением разобратся в мощном процессе взаимодействия и взаимообогащения литератур различных народов.

Личность и творчество Александра Сергеевича Пушкина всегда находились в центре внимания грузинской общественности. Наше литературоведение насчитывает около 300 работ, посвященных жизни и деятельности великого поэта.

Грузинское литературоведение накопило такой богатый материал по теме «Пушкин и Грузия», что ее, казалось бы, можно считать исчерпанной. Но Пушкин принадлежит к «вечно движущимся явлениям», и для каждого нового поколения звучит по-новому, по-новому им воспринимается. И потому — он продолжает оставаться объектом изучения и исследования для грузинских критиков и литературоведов.

ПАФОС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Пути развития новой арабской литературы

Многие годы, проведенные в самой крупной и развитой стране Арабского Востока — Египте, позволили мне ближе и глубже узнать арабов, уловить основные черты их характера, вникнуть в их духовный мир.

Виденное и пережитое, изученное и исследованное за годы пребывания в Египте постепенно оседало в памяти, становясь не благоприобретенным, а чем-то своим, родным. Из множества вопросов и проблем, связанных с жизнью арабов, больше всего меня привлекала арабская литература. И вот после почти десяти лет раздумий я смог наконец написать эту статью.

Как-то, еще в шестидесятые годы нашего века, находясь в Александрии, я беседовал с известными учеными в области арабской филологии. На мой вопрос — как вникнуть в глубинные процессы становления новой и современной арабской литературы и проследить важнейшие вехи ее развития — они дали лаконичный и ясный ответ: понимание новой арабской литературы требует не только знакомства с литературными произведениями, глубокого знания истории арабской литературы, но также и хорошей осведомленности в социально-экономических, политических и даже религиозных предпосылках ее возникновения и развития. Кроме того, — сказали эти уважаемые люди, — необходимо знание классического наследия, умение проследить за началом возрождения литературы, периодами первого литературного цветения и, наконец, знакомство с современными арабскими писателями и литературными течениями.

Однако все это не так-то просто. Сложность состоит в том, что писать о процессах, которые все еще находятся в стадии развития, дело не только крайне трудное, но порой и просто невозможное.

Несмотря на эти трудности, я все же предпринял попытку проследить за развитием новой и современной арабской литературы, помня при этом о тех особенностях, которые отличают ее от европейской литературы нового времени.

Арабская литература на протяжении всей своей истории последовательно боролась за независимость и возрождение национальной культуры, она была литературой борющейся колониальной и полуколониальной страны.

Вторая особенность, которая наложила свой отпечаток на новую арабскую литературу, заключается в том, что ее развитие шло зигзагообразно, одновременно в ней возникали различные литературные направления.

В отличие от классической арабской средневековой литературы, литература нового и новейшего периодов называется новоарабской. Формирование ее началось в 40-е годы прошлого века, когда с целью завоевания национальной независимости остро встал вопрос объединения всех арабов.

Тезис о самобытности новой арабской литературы все больше находит поддержку даже среди западных литературоведов. Так, английский автор Дж. Хейвуд в своей работе «Новая арабская литература 1800—1970 гг.» пишет: «...Арабская литература оспаривает по существу арабской как по духу, так и по выражению. И было бы величайшей ошибкой рассматривать ее как экзотическое продолжение европейской литературы» (Haywood I. A. Modern arabic literature. London, 1971, p. 25).

Зарождение новой арабской литературы относится к первой половине прошлого века, когда в наиболее развитых арабских странах (Египет, Сирия и др.) начался значительный подъем культурной жизни арабов — Нахда, что означает «подъем», «возрождение». С этого периода наблюдается пробуждение национального самосознания арабов, некоторое оживление их культурной жизни, становление новой арабской литературы.

К этому времени назрела необходимость выражения чувства национально-го возрождения арабов в какой-то общественно понятной форме, которой и стала новая арабская литература, взявшая на себя миссию пробуждения национального самосознания арабов.

Возрождение новой арабской литературы обусловило первые шаги, принятые литераторами отдельных арабских стран. Особенно быстрыми темпами стала развиваться египетская литература, фундаментом которой заложили первые просветители Египта, такие как Рифаат Бей ат-Тахтави, многое сделавший для распространения здесь идей французской буржуазной революции, Ибрагим аль-Муваляйхи и Осман Джамаль, создавшие газету в Каире («Прогулка мыслей»), в которой поднимались проблемы становления египетской литературы.

70-е годы оказались еще более плодотворными, стала издаваться газета «Аль-Ахрам» («Пирамиды»), которая и сейчас является официозом Египта.

Ее бурный подъем был приостановлен в результате закабаления Египта европейским капиталом. С 80-х годов страна стала главным объектом колониальной экспансии Англии. С этого периода до наступления XX века египетская литература преимущественно развивалась по пути создания политических памфлетов и статей, в которых осуждалась колониальная политика Англии: они были полны пафоса борьбы за свободу, социальный прогресс и справедливость. Политические статьи того периода писались рифмованной прозой, язык их был несколько архаичен, но вместе с тем они являли собой блестящие образцы публицистики.

Начало XX века ознаменовалось чувствительным подъемом арабской поэзии. Египтяне — Хафиз Ибрагим (1871—1932), Махмуд аль-Баруди (1838—1904), Ахмед Шавки (1868—1932) и другие создали богатую традицию поэзии, воспевающую свободу и независимость Египта. Особенно значительна в этом роль А. Шавки, чье творчество с самого начала носило антиимпериалистический характер, за что в 1915 году он был изгнан из родины, что еще больше усиливает его патриотические чувства. А. Шавки признанный поэт арабского мира.

Колоритной фигурой и предвестником обновления арабской поэзии был Халиль Мутран (1872—1949), который наряду с родной литературой хорошо знал и высоко ценил английскую и французскую поэзию. Вся его деятельность была направлена на поиск новой тематики. Он активно участвовал в деятельности литературной группы, ставившей своей задачей объединение египетской молодежи в борьбе за социально-литературную реформу, которая обеспечила бы Египту достойное место в мировой цивилизации. Странники такого литературного течения были ограничены рамками узкого местного национализма, но вместе с тем признавали необходимость получения образования на Западе. Выход из критического положения они искали не в возврате к старому, как это проповедывали сторонники литературного течения архаистов-консерваторов (хотя от последних они не очень-то четко отмежевывались), а в медленном процессе широких реформ в области образования. Находясь под сильным влиянием западного реформизма, они пренебрегали революционным путем борьбы.

Достойным коллегой египетских поэтов того периода являлся крупный тунисский поэт Абдель Насим аш-Шабби (1909—1934). Он провозгласил свои принципы поэзии: свободу поэтического творчества, отказ от канонизации норм традиционного арабского стихосложения, освоение новых форм, расширение круга тем арабской поэзии. Горячий поборник воссоздания в поэзии реальной жизни, аш-Шабби призывал отказаться от идеализации старых поэтических средств, не пренебрегая при этом классическим наследием.

Значительное влияние на формирование современной арабской поэзии имела так называемая сирийская школа. Лидеры этой школы — Амин ар-Рейхани (1876—1940) и Джебран Халиль Джебран (1880—1931). Мужественно, не считаясь с ополчившимися против них клерикалами и традиционалистами, они выступили с проповедью свободного развития и совершенствования человека без расовых оков, религиозных и национальных предрассудков.

Общий литературный подъем в арабском мире не прошел и мимо Ирака. Известные иракские поэты Джалиль аз-Захави (1863—1936) и Мааруф ар-Русафи (1875—1945) внесли большой вклад в дело возрождения иракской поэзии. Д. аз-Захави — поэт-вольнодумец с философско-пессимистическим мировоззрением — пропагандировал в своих произведениях новизну, а М. ар-Русафи, нежно любя родину и ее природу, дал ряд прекрасных описаний родных

мест. Вместе с этим с особой силой звучали в его произведениях социальные мотивы.

Традиции Д. аз-Захави и М. ар-Русафи продолжает современный иранский поэт Мухаммед Махди аль-Джавахири (1905). Он широко известен на Арабском Востоке поэт и борец за мир. Творчество его весьма интересно, ему как никому другому удается с помощью классического арабского языка и классических форм арабской поэзии изображать жизнь и борьбу современного арабского мира. Он пишет стихи о Сталинграде и обращает к героям Севастополя, описывает жизнь иракских борцов за свободу и независимость. Его заслуга в умелом сочетании нового содержания с антикварной формой, что кстати также является одним из свойств новейшей арабской поэзии.

В общем потоке развития и подъема новой арабской литературы идут и ливанские поэты Илия Абу Мади, Шафик Маалуф, Саид Акль и др. Из них выделяется поэт и ученый литературовед С. Акль, который многое делает для утверждения ливанской современной поэзии демократического направления. В свое время он уплатил дань символизму, но реализм все же победил в его произведениях.

Не осталась вне процесса становления и развития новой арабской литературы и суданская поэзия. Суданский поэт Мухаммед Ахмед Махджу в 1941 году в статье «В каком направлении должно идти развитие мысли в Судане» призывал суданских поэтов обратиться к истории своей страны и темам суданской действительности, чтобы пробудить в народе чувство патриотизма и национального самосознания. Другой суданский поэт Гили Абу ар-Рахман (1931) арабской критикой признается одним из последовательных сторонников реалистического метода в суданской поэзии, что несомненно является результатом его участия в борьбе египетского народа за национальную независимость.

Вторая половина нашего века явилась для арабского мира временем крупных революционных преобразований, социального переустройства и экономических перемен. Революция 26 июля 1952 года в Египте, тройственная агрессия 1956 года, израильская агрессия 1967 года и их последствия, алжирская национально-освободительная война, крупные перемены политического и социально-экономического характера в странах Аравийского полуострова и многое другое наложили отпечаток на арабскую поэзию; все эти события получили отклик в ее содержании и тематике, сделали ее более гражданской, отвечающей духовным запросам арабских народов.

Арабская поэзия постепенно сбрасывает с себя оковы классических канонов, становится многообразней, реалистичней; в ней утверждаются формы поэтической драмы на исторические и современные злободневные темы, стихи, написанные на литературном арабском языке, общем для всех арабских стран, и на диалектах, разных в каждой арабской стране, но понятных широким народным массам. Но вместе с тем наблюдается и негативная ее позиция — это сюрреалистическое творчество, ангажированная политическая поэзия и любовная лирика, уводящая в сторону от борьбы.

Много современных поэтов в арабских странах. Это — Салах Джахин, автор национального гимна АРЕ, пишущий стихи на диалекте; Салах Абдель Сабур (Египет) — автор патриотических стихов и поэтических драм; Абдель Рахман аш-Шаркави (Египет) — прозаик, пишущий пьесы в стихах для театра; Блендаль-Хайдари (Ирак) — поэт, новатор и лирик; сирийские поэты Махмуд Адвал и Ахмед Сулейман аль-Ахмед; ливанские поэты Фуад аль-Хиши и Ахмед Абу Саад. Произведения этих авторов характеризуются человеческой и гражданской искренностью, в них чувствуется боль и радость всего арабского народа.

Возникновение новой йеменской поэзии следует отнести к годам, предшествующим второй мировой войне. Появление новых средств информации позволило пробить «китайскую стену», ограждавшую Йемен от цивилизованного мира; знакомство йеменцев с произведениями новой арабской литературы серьезно повлияло на развитие всей общественной жизни страны. Все это обусловило создание в 1938 году первого во всей истории страны «Общества литературной реформы», которое выступало с лозунгами антиабсолютистского движения. После этого под влиянием новой арабской литературы в Йемене началась ломка старых и становление новых литературных норм и традиций. Появилась новая поэзия, зачинателем которой вместе с другими был известный поэт и политический деятель Мухаммед Махмуд аз-Зубейри (1917—1965). Из новых арабских писателей на него особенно повлияли А. Шавки, аль-Баруди и Ибрагим Хафиз, чьи взгляды на литературу и политику он разделял. В 1944 году он стал одним из руководителей антиабсолютистского движения.

По пути М. аз-Зубейри пошли поэты Зейд аль-Мошки (казнен в 1948 году), Абдалах Нуман, Ахмад Али Мирвани, Ибрагим аль-Хадрани, Ахмед Мухаммед

аш-Шами и др., а за последние годы в стране выросла плеяда молодых поэтов, вставших в ряды революционных борцов за новый Йемен. На их литературное кредо оказали влияние представители прогрессивной литературы арабских стран Европы и Азии, в частности М. ар-Русафи, М. аль-Джавахири, Назым Хикмет и др. В их произведениях остро поставлены политические и социальные проблемы, ярко прослеживается обращение к народным массам, интерес к простому человеку.

Родина древнейшей доисламской арабской поэзии старый Хиджаз или молодая Саудовская Аравия также сказала свое слово в развитии новой арабской литературы, особенно поэзии. В этом огромная заслуга поэта Мухаммеда Сурура ас-Саббана (1898), самого популярного человека в Хиджазе, где его считают одним из вождей культурного возрождения на Аравийском полуострове. Принадлежащая ему одна из крупнейших и ценнейших библиотек арабского мира, в которой хранятся уникальные рукописи, всегда открыта для широких масс.

М. С. ас-Саббан — общепризнанный поэт психологического направления, в творениях которого находят отражение и социальные мотивы. Он верит, что современная цивилизация является достоянием всего мира, поэт с радостью встретил проникновение современной культуры в средневековую, теократическую Саудовскую Аравию. В связи с этим он писал: «Наш товар возвращается к нам же, но уже без прежних пороков».

А вот имена и других саудовских поэтов: Ахмед Абдель Гафур Аттара, Мухаммед Хасан Аввада и др. В поэзии М. Х. Аввада представлены различные направления, однако большинство его произведений написано в духе романтизма, хотя в таких его произведениях, как «Ночь», «Жертва», «Единство красоты», «Сожаление», «На лоне природы», «Молитва души» и другие, налицо все элементы реалистической поэзии.

Основной формой литературного творчества в Иордании к началу нашего века оставалась поэзия, развившаяся тогда в традициях классического стихосложения. Это не отвечало требованиям времени. В иорданской поэзии, как и в прозе в это время все еще господствуют романтизм и сентиментализм.

Период между первой и второй мировыми войнами характеризовался дальнейшим развитием реалистических тенденций в иорданской литературе. Первая четверть не выдвинула в поэзии сколько-нибудь значительных имен. За маленьким исключением поэзия не вышла за рамки старых традиционных форм, романтизм и сентиментализм все еще господствовали в литературе.

Подъем национально-освободительного движения в 20-е годы, вызванный победой Великого Октября, имел свой отзвук и в Иордании; здесь активизировалось освободительное движение и борьба за свободу и независимость, которая со своей стороны выдвинула новые требования к литературе. На писательскую арену вышли талантливые поэты; среди них выделялся Мустафа Вахби ат-Тилль (1899—1949), один из основоположников новой иорданской поэзии.

М. В. ат-Тилль вместе с этим был известным и стойким борцом против английской оккупации. В 1928 году он встал во главе антианглийской демонстрации и обратился к демонстрантам с пламенной речью, направленной против колонизаторов; закончил он ее стихами. Тилль был брошен в тюрьму по обвинению в «большевизме». После освобождения он написал стихотворение «Независимость». Выйдя из тюрьмы, он не прекращал борьбы за свободу и независимость. Выступления поэта не проходили незамеченными для полиции. Вот почему, характеризуя деятельность М. В. ат-Тилля, в Иордании говорят: «Жизнь Мустафы Вахби ат-Тилля проходила по замкнутому кругу: работа, суд, тюрьма и вновь работа, тюрьма или суд».

М. В. ат-Тилль не был одинок; его современник поэт Ибрахим Тукан (1905—1941) — лирик, посвятивший всю жизнь своему народу и своей родине. Его поэзия — это песня, полная романтики тишины. В стихах, посвященных суровой и упорной борьбе народа за свое национальное освобождение, в которой сам автор неоднократно принимал участие, эта романтика не пассивна, а переходит в гимн, посвященный павшим в сражениях за независимость.

Характерной чертой новой арабской поэзии в целом является ее гражданственность. В каком бы уголке Арабского Востока ни возникали национальные проблемы, связанные с вопросами утверждения национального самосознания арабов и их освободительного движения, арабская поэзия любой арабской страны откликается на все аспекты жизни арабов.

Новая арабская литература с начала же своего формирования и по настоящее время характеризуется жаждой увидеть арабский мир свободным от иностранного господства; вместе с тем арабская общественность отдельных стран чувствовала, что в условиях того периода, т. е. в начале нашего века, в силу сложившихся обстоятельств — сильного отставания в экономическом, культур-

ном и политическом развитии, отсутствия единства действий арабов, империалистической политики «разделяй и властвуй» — она не в состоянии предпринять что-нибудь серьезное. Именно это обусловило обращение арабских и египетских писателей к жанру исторического романа, с помощью которого они старались идеализировать прошлое, показывать блистательность пройденного арабами пути и содействовать возвышению патриотического чувства египтян, арабов.

Патриархом такого жанра был египтянин Джирджи Зейдан (1861—1914). Д. Зейдан на редкость трудолюбивый и плодовитый писатель, за 1891—1914 гг. опубликовал 22 романа, которые пользовались огромной популярностью не только в арабских странах, но и во всем мире. В этом отношении очень интересен его роман «Египтянка Армануса». Велика заслуга Д. Зейдана как исследователя истории арабской литературы. Он создал капитальную четырехтомную монографию «История арабоязычной литературы», которая охватывает историю арабской литературы с древнейших времен, с так называемого периода «века невежества» («Асраль-Джахилия») до начала XX века.

«История арабоязычной литературы» Зейдана, написанная на материале множества книг на европейских и арабских языках, а также на основе большого количества рукописей, высоко оценена И. Ю. Крачковским, который утверждает, что «это была первая работа на арабском языке, составленная по научным приемам, основанная на трудах Брокельмана, Хюара и др. Зейдан... доставил местами новые материалы и для европейской науки»¹. Работа Д. Зейдана сохраняет свое значение как первое солидное научное исследование, оказавшее огромное влияние на все труды такого содержания, и она по сей день является одним из основных источников изучения арабской культуры в целом.

По дороге, протоптанной Д. Зейданом, пошел и другой египетский писатель Мухаммед аль-Муваляхи (1868—1930), который в 1912 году опубликовал роман «Рассказ Иса Ибн Хишама». Это произведение — острая социальная сатира на быт и нравственную атмосферу Египта начала XX века. В нем также умело сочетаются элементы арабской и европейской культуры. Автор остро и беспощадно бичует социальную несправедливость того периода, порицает и осуждает бюрократизм, взяточничество, падность, саркастически высмеивает слепое преклонение перед западной культурой. «Кто желает служить родине, — пишет он, — должен освободиться от оков правительства». Это произведение — вершина возрожденной арабской литературы.

Первое десятилетие нашего века было отмечено подъемом национально-освободительного движения в Египте. Русская революция 1905 года привела в движение угнетенные массы во всем мире, в том числе в Египте. Она имела свой отклик и среди египетских трудящихся. Известное «Деншавийское дело», повлекшее за собой казнь невинных египетских феллахов, возмутило всех честных египтян; волна митингов и демонстраций прокатилась по стране. Широко откликнулись на эти события и египетские писатели, поэты. Х. Ибрагим посвятил стихотворение казненным феллахам. Патриотически настроенная буржуазная интеллигенция во главе с известным просветителем Мустафой Камилем (1874—1908) выступила против злодеяния английских колонизаторов. М. Камиль был страстным поборником возрождения египетской культуры, на его острых и зажигательных политических статьях и очерках воспитывались и мужали молодые египетские писатели.

Соратником М. Камиля был Касем Амин (1805—1908), который утверждал в египетской литературе тему эмансипации египтянки. Благородные идеи его произведений находили художественное воплощение в произведениях многих других писателей и поэтов, особенно в творчестве известного египетского поэта Мустафы аль-Манфалуты (1876—1920), который был и талантливым публицистом. В своих многочисленных очерках, статьях, рассказах и литературных произведениях других жанров он использовал разнообразные сюжеты, рассматривал вопросы литературной критики, проблемы социального и политического порядка и все это облекал в яркую доходчивую форму.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в 1919—1921 годы в Египте вспыхнула антиимпериалистическая революция, которая со своей стороны оказала огромное влияние на развитие реалистической литературы. Писатели-реалисты поставили своей задачей национальное освобождение и культурное возрождение страны. Они создали т. н. «модернистскую школу» (с современным модернистским течением она ничего общего не имела), которая ставила целью добиться возрождения национальной арабской литературы на базе старой и новой арабской литератур, признавая значение и современной европейской культуры.

¹ И. Ю. Крачковский, Зейдан, стр. 235.

Выступая против романтизма в литературе, сторонники этой школы создали новый литературный жанр — египетскую новеллу. В новеллах давалось описание жизни простых людей и заострялось внимание на пороках капиталистического общества. 1919—1930 годы в Египте признаны как годы «национального возрождения». Именно в это время были созданы произведения, которые убедительно и правдиво изображали жизнь феллахов и простых чиновников.

В сближении модернистского направления с реалистическим течением велика роль крупных египетских писателей Мухаммеда Хусейна Хейкала и Таха Хусейна. Рассказ первого «Зейнаб» и диссертации второго на арабском и французском языках выполнили роль манифеста новой школы. В рассказе «Зейнаб» впервые в истории литературы Египта была описана жизнь феллаха. Характерно, что автор свое произведение опубликовал под псевдонимом «Египетский феллах». Несмотря на сентиментальный тон, в «Зейнаб» убедительно показана жизнь деревни. Так же велика роль воспитанника Сорбоннского и Каирского университетов слепого Таха Хусейна.

Таха Хусейн, корифей современной арабской литературы, ослеп, когда ему было три года. Несмотря на ощутимый физический недостаток, он успешно закончил Каирский университет, а затем Сорбоннский во Франции. Хусейн был первым египтянином, который в Каирском университете получил ученую степень доктора, а в Сорбонне защитил вторую диссертацию на французском языке.

Т. Хусейн начал свою литературную деятельность с переводов греческих трагедий и популяризации античных произведений. В 20-е годы он заинтересовался историей арабской литературы. Его литературные приемы, на которых лежит отпечаток большого темперамента и неугомонной души автора, отличаются от сдержанной манеры М. Хейкала. Он стремится утвердить в египетской литературе критический метод изучения старой и новой арабской и европейской литератур. Его научно-популярные произведения — ценный вклад в современную арабскую литературу.

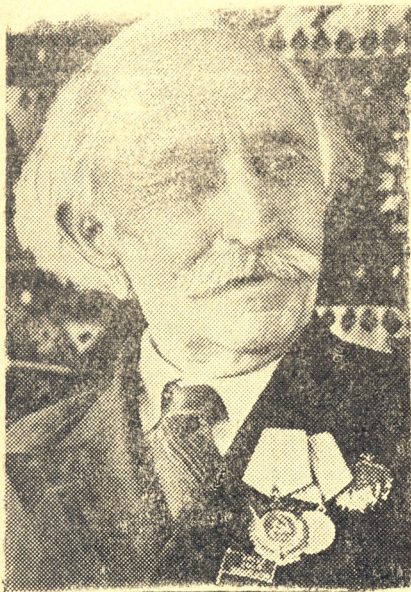
Большую роль Т. Хусейн сыграл в развитии арабской беллетристики. Его романы «Поэт», «Дни», «Древо несчастья», «Клич куропатки» и другие, аллегория «Сны Шехрезады», сборники рассказов, афоризмов, басен, очерков и статей — подлинное украшение египетской литературы. Его творчество вызвало огромный интерес не только в Египте, но и во многих других странах. Его «Дни» переведены на русский, английский, французский, китайский, чешский, древнееврейский и другие языки мира.

Окончание следует

Григорий КЕРЕСЕЛИДЗЕ

ЖИЗНЬ ЯРКАЯ,

КАК ФАКЕЛ...

вить агитационные постановки, а став режиссером, писать пьесу, создавать театр. Его «Короткие рассказы» (1943) — великолепные образцы лапидарной новеллистики — могут составить репертуар театра одного актера. В долгу перед Д. Гулиа и наш кинематограф.

Престарелый поэт был устремлен в будущее и потому имеет все основания, говоря словами Маяковского, «воплотиться в пароходы, строчки и в другие долгие дела».

«Жизнь Дмитрия Гулиа — это роман. И притом роман во множестве глав, эпизодов, новелл» (А. Дымшиц).

Начинается эта жизнь в канун русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Родился Дмитрий Гулиа 21 февраля 1874 года в бедной крестьянской семье. Первые впечатления мальчика связаны именно с той трагедией, которую пережили абхазы во время этой войны.

С ИМЕНЕМ народного поэта Абхазии Дмитрия Иосифовича Гулиа связано становление абхазской художественной литературы и культуры, прошлое и настоящее целого народа. У этого выдающегося деятеля была завидная и трудная судьба: прежде чем творить стихи, он должен был стать на практике родоначальником абхазской письменности. Уже одна только эта миссия (создание в 1892 году совместно с К. Д. Мачавариани первой совершенной «Абхазской азбуки») могла бы послужить поводом для создания колоритных образов абхазских Кирилла и Мефодия в литературе.

Теоретики искусства, театральная критика в долгу перед светлой памятью рыцаря муз, которому, прежде чем поднять занавес в передвижном театре, надо было предварительно отобрать фарс или водевиль, перевести его, подгото-

Нет! Мы запомнили

жгучие слезы

у махаджиров

в кровавых очах,

и не заставят нас войны,

и беды, и грозы

бросить родимый очаг! —

напишет поэт позже в поэме «Мой очаг» (1954).

«Абхазия в течение целого столетия жила в условиях общего с другими окраинами Российской империи социально-экономического, политического и культурного развития» (Ш. Инал-Ипа). В поэме «Кавказ» Тарас Шевченко в нескольких ярких строках произнес приговор национальному и социальному гнету, царившему в стране, политике самодержавной России на Кавказе:

За горами горя, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.

Споконвіку Прометейя

Там орел карає...

А тюрм, а люду!.. Шо й лічить!

От молдаванина до фіна

На всіх язиках все мовчить,

Во благоденствуйе!¹

Отец будущего поэта Урыс (после крещения Иосиф) Гулиа, как и большинство абхазов, был изгнан из родных мест, а затем в числе немногих вернулся в свое село. Сам неграмотный, он добился, однако, чтобы сын учился сначала у местного священника, а затем в Сухумской горской школе. Кто мог думать, что сын бедняка Урыса сыграет столь значительную роль в жизни своего народа?

Но у молодого Дмитрия Гулиа рано определились те принципы, которые он много позднее сформулировал, обращаясь к юным друзьям. Это принципы труженика, человека, дорожащего каждым днем, каждым часом. Вот как писал поэт об этом в стихах 1959 года:

Когда бездействуешь хотя бы день один—
Ты, значит, умер на день раньше срока!
Ты жизнь свою на годы не дели
И, долгий путь делами измеряя,
За счастье вечное своей родной земли
Отдай всю жизнь—вот цель твоя прямая!

(Перевод М. Светлова)

Именно потому, что в нем рано проснулся Гражданин, потому, что в нем рано определилась высоко нравственная, творчески целеустремленная личность, Дмитрий Гулиа смолоду вышел на широкую дорогу служения народу.

В московской квартире писателя Георгия Гулиа, автора замечательной биографической повести «Дмитрий Гулиа», я увидел на стене картину сухумского художника А. Крайнюкова, на которой изображены два буйвола, отдыхающих рядом с абхазской арбой. Я невольно улыбнулся животным как своим давним, любимым знакомым: должно быть, это и были покорные и могучие, безропотно всю жизнь влачащие тяжкий груз Лома и Буска. Я невольно вспомнил и стихотворение «В воздухе» (1965), где пожилой поэт, пролетающий в самолете над родной Абхазией, при виде арбы, запряженной буйволами, вспоминает не без горечи бесчисленные километры сельских трактов и обращается к юным гражданам:

¹ Полное острого сарказма выражение «все благоденствуют» стало крылатой фразой, ее применил Н. Г. Чернышевский в своей статье «Национальная бестактность».

И обидно мне,
очень обидно теперь,
Что я долго сидел на арбе.
Молодые! Завидую вам —
Жизнь свою вы прекрасною сделать

вольны,

Если с детства вам крылья такие даны!

(Перевод В. Державина)

Слишком уж долго приходилось месить грязь деревенских дорог сельскому учителю Д. Гулиа, «ставшему, — по образному выражению К. Симонова, — сначала великим просветителем своего маленького народа, а потом уже писателем и поэтом».

«Я множу труд на труд всегда, день ото дня» — эта тема красной нитью проходит через все творчество поэта. Еще в стихотворении 1911 года «День своего рожденья люди чтят...» он напишет:

Сонм несвершенных дел всегда мой
видит взор,

За недоделанье я скорблю душой...

Грядущего я все не боюсь.

Что видел я от вас? Лишь множество
забот!

Но, как всегда, пишу, но, как всегда,
тружусь!

(Перевод Л. Мартынова)

Круг друзей Дмитрия Гулиа сложился еще до революции. Дмитрий Иосифович смолоду — демократ, защитник угнетенных абхазских крестьян. Недаром царские власти установили за поэтом особый надзор, усмотрев в его стихах пропаганду ненависти и презрения к богачам и князьям. Сам Дмитрий Гулиа в автобиографии хорошо сказал о своих юношеских воззрениях: «Я не придерживался какой-нибудь определенной политической программы, но всем существом своим ненавидел князей и дворян, грабивших народ». Все свои знания, весь свой талант он с юношеских лет посвятил просвещению и защите интересов простых людей.

В 1905 году поэт проявил горячее сочувствие борющимся массам. В период первой мировой войны Дмитрий Гулиа писал стихи, проникнутые отвращением к кровавой бойне, затеянной царем и капиталистами.

О Дмитрии Гулиа я знал еще со слов моих родителей. Старожилы Сухуми хорошо помнят этого человека, неизменно подтянутого и аккуратного, с белоснежной головой и орлиным профилем. Патриоты нашего края гордились мудрым старцем, имя которого при жизни было окружено ореолом почтения и любви. Еще в мрачные времена царизма Д. Гулиа начал писать свои стихи для простого труженика, в которых высмеи-

вал богатых, бессердечных, бесстыдных, кичливых дармоедов—князей, ленивцев, гордецов, забулдыг, глупцов («Гуляка», 1903; «Милое создание», 1907; «Ходжан Большой», 1910) и всегда был на стороне народа-труженика.

Эпиграфом к своей первой поэтической книге «Сборник стихотворений» поэт избрал старую абхазскую поговорку: «Лошадь околет — поле останется, человек умрет — слово останется». Автор этой книги, изданной в 1912 году, был родоначальником абхазского литературного языка.

Подготовительная работа, проведенная молодым Гулиа по переводу Евангелия на абхазский язык, красноречиво свидетельствует о том, насколько добросовестно относился он к своей работе вообще и переводческой в частности. Достаточно вспомнить, что составной частью этой работы послужили знание русского, грузинского, греческого, церковнославянского и специальное изучение древнееврейского и арабского языков, что само по себе говорит об очень многом.

Примечательно, что первые переведенные им книги имели сугубо прикладное значение для сельского хозяйства, ветеринарии и медицины. Затем появляются переводы популярных в то время пьес, фарсов, водевилей. Надо думать, что необходимость в этих переводах была продиктована чисто практическими соображениями. Гулиа не мог не ощущать, что народ, подвергавшийся в те годы притеснениям, в подавляющем большинстве своем не был подготовлен к восприятию серьезных пьес. И привлечь его к театру можно было таким зрелищем, восприятие которого не требовало особой подготовки.

Абхазский фольклор, его поэтика и мотивы, русская и грузинская литература, которую Д. Гулиа изучал с раннего детства непосредственно по оригиналам, были и останутся на всю жизнь неисчерпаемым источником его творческого вдохновения.

Поэт с надеждой взирал на революцию в России, когда Кавказ находился еще под ярмом реакционной власти.

Гляди вокруг: разбужены народы.
Они шумят, как в половодье воды.
Так что же медлишь ты,
Любимый край?
Я тормошу тебя. Вставай, вставай!
(1920)

4 марта 1921 года над столицей Абхазии Сухуми взвился красный флаг. Наступает эпоха больших перемен. Эти события нашли свое отражение в каждой строке его стихов. Гулиа — поэт страны социализма — сам говорит о времени и о себе, так как отлично сознает величие происходящих событий.

Д. И. Гулиа сразу же активно включился в культурное строительство молодой республики. Вокруг него и раньше спланивались люди искусства и науки, теперь же круг их все больше и больше расширялся.

«Дом Дмитрия Гулиа был своего рода духовной крепостью в годы царизма. В советские годы он стал домом открытых дверей, он для многих явился как бы академией, цитаделью науки, искусства. В этом доме было чему научиться: самые благородные творческие традиции жили и развивались в нем. Демократизм, народность, реализм, гуманизм, интернационализм были девизом. В его доме имя Ленина было священо, как священны были понятия Родина, Партия» (А. Дымшиц).

Наряду с преподаванием в абхазских школах Д. Гулиа впервые начал чтение курса лекций по абхазскому языку в Тбилиском государственном университете (1924 — 1925), который был продолжен впоследствии академиком С. Джанашиа и членом-корреспондентом АН Грузинской ССР К. Ломтатидзе.

Он был одним из инициаторов и руководителей созданной в середине двадцатых годов академиком Н. Я. Марром Академии абхазского языка и литературы, преобразованной впоследствии в Абхазский институт языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР, носящий ныне имя Д. И. Гулиа. Он работал здесь с момента основания института и до конца своих дней.

В разные годы Дмитрий Гулиа дал абхазским читателям народный календарь (1920) и интереснейшие фольклорные сборники собственных записей: «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки» (1907), «Абхазские частушки» (1934), «Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов, омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров» (1939). Будучи выдающимся лингвистом, он не переставал заниматься проблемами языка. Так, появились его «Материалы по абхазской грамматике» (1927), «Терминологический словарь» (русско-абхазский, 1930), «Орфография абхазского языка» (1933) и «Абхазский орфографический словарь» (1940).

Богатый опыт просветителя и педагога-практика сказался на качестве учеников почти для всех классов национальной школы.

Исторические разыскания Гулиа нашли отражение в таких фундаментальных исследованиях, как «История Абхазии» (том I, 1925), «Русско-абхазский общественно-политический словарь» (1936), ставших первыми академическими трудами по истории своего народа. Его широкие познания в области истории традиций, религии, обычаев на-

рода нашли отражение в таких специальных исследованиях, как «Божества охоты и охотничий язык у абхазов» (1926), «Культ козла у абхазов» (1928), «Сухум — не Диоскурия» (1935) и др.

Встречи и беседы Иванэ Джавахишвили с Дмитрием Гулиа — разве это не страницы живой истории, на которой будут воспитываться многие поколения грузинских и абхазских патриотов? Дружеские связи и духовная близость Д. Гулиа с историком и этнографом Николаем Джанашиа, академиком Иванэ Джавахишвили, с выдающимся кавказоведом и лингвистом академиком Н. Я. Марром, с такими талантливими поэтами и прозаиками, как Самсон Чанба, Иуа Когониа, Леварса Квициниа, Леонтий Лабахуа, Алексей Ласуриа, могут послужить темой специального исследования. Развитие молодой абхазской литературы тоже непосредственно связано с именем Д. Гулиа.

«В тридцатых годах бурно развивавшаяся абхазская литература накопила уже довольно большие силы. Молодые писатели признавали Д. И. Гулиа своим учителем, наставником и воспитателем. Он стал понемногу патриархом абхазской литературы, он воспитал не одно поколение талантливых литераторов. Дмитрий Гулиа видел в своих юных учениках как бы собственных сыновей и дочерей» (А. Дымшиц).

В годы Великой Отечественной войны сердце его тревожилось и за судьбы многочисленных учеников. Ведь на передовых позициях в ту грозную пору с оружием в руках сражались и писатели Леварса Квициниа, Киазым Агумаа, Степан Кучебериа, Михаил Чочуа, Михаил Лакербай, Алексей Джонуа, Сандро Сангулиа, Чичико Джонуа и другие. Позднее рядом с Гулиа выросли талантливые поэты и писатели: И. Папаскири, Б. Шинкуба, М. Хашба, И. Тарба, К. Чачхалиа, А. Ласуриа, К. Ломиа и другие.

Д. Гулиа положил начало абхазской прозе. В своем рассказе «Под чужим небом» (1918) он поднимает серьезные социальные проблемы, стремясь помочь трудовому народу в становлении его самосознания и призывая к борьбе против патриархальных традиций.

В романе большого трагического звучания «Камачич» (1940) писатель-реалист, глубокий знаток народной жизни с большой художественной силой изобразил историю смелой, волевой девушки-крестьянки, ищущей свободы и счастья в мрачном мире спесивых князюков и жестоких дедовских обычаев. Впервые в абхазской литературе выведен образ женщины с ее радостями и горестями, подчеркнута возвышенность ее натуры.

Роман, повествующий о тяжелой судьбе абхазской женщины до революции, справедливо признан в нашей критике художественной энциклопедией абхазской действительности конца XIX — начала XX века. Проблема, выдвинутая в этом произведении, настолько серьезна и значительна, что роман «Камачич» приобрел этапное значение в развитии всей абхазской литературы.

В 1949 году Гулиа создает пьесу «Призраки», ставшую одним из лучших драматических произведений абхазской литературы. Эта социально-психологическая драма, как и роман «Камачич», посвящена жизни дореволюционной абхазской деревни. Наряду с показом жестокости и цинизма буржуазных отношений, приведших к разложению крестьянской семьи, в «Призраках» поставлены актуальные вопросы о смысле жизни, о высоком назначении человека.

В целом все художественное литературное наследие Дмитрия Гулиа, вошедшее в золотой фонд абхазской литературы, представляет собой как бы одно широкое эпическое полотно, ярко и конкретно отобразившее картины мрачного прошлого и счастливого настоящего родной страны.

Неугомонный, деятельный человек, Гулиа принимает активнейшее участие в общественно-политической жизни Абхазии.

По самой своей природе Дмитрий Гулиа был не только демократом и гуманистом, но и горячим, убежденным интернационалистом. Недаром еще в начале революции в Абхазии он вместе с Самсоном Чанба перевел на родной язык великий гимн всех трудящихся «Интернационал». В своих трудах, в своих суждениях он неизменно подчеркивал мысль об интернациональных связях между культурами, как залогом их дальнейшего развития. Он постоянно искал расширения культурных связей между литераторами Абхазии и других народов.

Но поскольку поэзия занимает особое место в жизни и творчестве зачинателя абхазской литературы, прежде всего следует говорить о богатейшем поэтическом наследии Гулиа, девизом которого стали его же слова:

Все для стихов, для мужественных
строк —
Тех, что дойдут до сердца и ума...
Все для стихов — таких, как жизнь сама!

В замечательном стихотворении «Лесоруб» поэт рассматривает свое служение литературе, как напряженный труд во имя человека, во имя народа. Поэта-труженика пугают люди, живущие «без забот и трудов». Они обезличены, растворены в просторах жизни подобно проплывшему парусу в море лазурном:

Много хороших, искренних, пламенных строк посвятил Дмитрий Гулиа Коммунистической партии:

Пускай природа силою своею
Сдвигает грозно кручи гор седых...
Но партия во много раз сильнее:
Она и рушит, и возводит их.
Пускай природа собственной властью
Моря в тысячелетья создает...
Но партия — гораздо лучший мастер:
Проходит год — и море в берег бьет.

И если солнце греет просторы мира
в ясный день весны, то «партия во много раз светлее — ее огнем сердца озарены»:

Земля без солнца — мертвая планета,
Дыханье жизни — в солнечном тепле;
Нет без него ни воздуха, ни света —
Без партии нет жизни на земле.

(Перевод М. Соболев)

Партия — это не только руководящая сила страны, но и символ мужества, славы. Вот почему принадлежать к этой партии, быть ее рядовым бойцом — для человека великая честь. Честно бороться за торжество идей партии — дело каждого истинного гражданина нашего многонационального социалистического Отечества. «Так намечался его путь в партию, путь замечательного деятеля, который уже много лет творил партийно, работал как непартийный коммунист» (А. Дымшиц).

Лирика Д. Гулиа проникновенна, чиста и прекрасна. Только большой мастер, у которого каждое слово — прикосновение акварельной кисти к холсту, мог написать эти строки:

...Молнией, ало
Даль засверкала...
Ливень примчалю,
Загрохотало.

Луг орошающий,
Травы рождающий,
Сад пробуждающий —
Вот он, желанный!

Стадо питающий,
Злак наливающий,
Все освежающий,
Дождь долгоджданный!

(«Весенний дождь», 1912)

Так выразить целительность непродолжительного весеннего дождя, как это сделано в апрельском этюде «Весенний дождь», дано только истинному поэту.

Какой поэт не обращался к небесным звездам, не согревался их участием в своей личной судьбе, да и только ли в личной? Сколько пленительных строк о

звездах поэты подарили землянам... Но вот трепетный отсвет утренней звезды у Д. Гулиа, живущего в краю, где так много золотых звезд на груди славных тружеников чайных и табачных плантаций:

Только светлый сторож высоты,
Лучше с нами не тягайся ты,
Потому что все мы знаем тут:
Дело славы и геройства — труд!
Так сказали люди. И тогда
Устыдилась ранняя звезда:
— Нет, тягаться с вами мне невмочь,
Рады вы трудиться день и ночь...
Я хочу лишь труд вам озарить,
До восхода солнца вам светить!

(«Утренней звезде», 1939)

Еще в 1912 году в стихотворении «Песенка» — лукавом уговоре о мнимом похищении — поэт начинает бороться с пережитком древних лет — умыканием невест, с пороком, в который до сих пор делится наша сатира и кинокомедия:

Люблю, люблю,
Люблю тебя!
Тобой живу,
Умру любя.

Но если любишь ты меня,
Зачем бежать ночной порой?
Не лучше ли среди бела дня
Прийти самой?

(1912)

Или еще стихотворение-песня, шуточный монолог жениха:

Кто удачно женат —
Без богатства богат...
Кто на ведьме женат,
Тот познал при жизни ад.
Помоги ему, аллах,—
Каторжнику в кандалах!

(1912)

Прислушайтесь, как отчетлив здесь ритм абхазской речи, как вырисовывается пара влюбленных, танцующих свой предсвадебный танец.

В свои восемьдесят лет поэт вопрошает: «Что выше человеческой любви есть на земле? Попробуй назови!» Пожалуй, никто так молодо и красиво не учит любить, не поет о любви.

«Как пишет о любви седой поэт, читал я и не мог не удивляться. Теперь я понял: восемьдесят лет — едва ль не возраст юноши-абхаза», — писал Расул Гамзатов.

Здесь сама юность с присущей ей горячностью, восторгом и задором. «В труде крепчает сердце человека, а главное

не в этом ли, друзья?» — говорит поэт, раскрывая секрет своей молодости.

В «Великом Тарасе» (1939) Д. Гулиа поклоняется пламенной и единственной страсти всей жизни украинского Кобзаря, мечтавшего о раскрепощенной, счастливой Украине. Станет понятным путешествие («крестный путь») глубоко верующего в народ и родину абхазского поэта — которому в родных горах так долго были слышны стоны закрепощенного Абръскила — к могиле этого борца за свободу Украины. Достаточно вспомнить высказывания Акакия Церетели: «Любить родину, свой народ я научился еще у Тараса Шевченко», чтобы яснее ощутить, почему и абхазский поэт так стремится посетить могилу человека, свято веровавшего в светлое будущее, но, увы, не дожившего до Свободы.

Гулиа подымается к могиле, расположенной на днепровской круче, присягнуть в том, что в семье свободных республик не забыли и никогда не забудут помянуть Тараса добрым словом.

К поэтическим вершинам, на наш взгляд, относится стихотворение Гулиа из «Весеннего настроения» — «Я — человек. Я все могу».

Я — человек. Я друг твой.

Я твой брат.

Стою под солнцем, свету солнца рад,
Моя земля — мне твердая опора.
Я все могу:

подняться в высоту,
Поспорить с быстрой птицей на лету,
Создать моря и передвинуть горы.
Я все могу!

Любить — и до крохи
Всю жизнь отдать, коль надо,
ради друга,
Идти в бой (врагу придется туго!),
Построить дом и написать стихи.
Я все могу: перебороть года,
Чтоб жили в песне молодость и сила,
И сердце разорвать себе, когда
Тебе, мой друг и брат,
невыносимо.

Стою под солнцем, землю берегу.
Я — человек. Я все могу.

(Перевод М. Соболев, 1956)

Большие заслуги Д. Гулиа перед народом были высоко оценены партией и правительством. Он был удостоен почетного звания народного поэта Абхазии, награжден орденом Ленина и другими орденами и медалями СССР, неоднократно избирался депутатом в Верховный Совет СССР и Абхазской АССР.

В 1955 году, на девятом десятке своей жизни, народный поэт Абхазии был принят в ряды Коммунистической партии Советского Союза. Вступление в партию было естественным и закономерным итогом духовных исканий Дмитрия

Гулиа, его последовательного идейного и творческого развития.

В 1959 году общественность Грузии отмечала 85-летие со дня рождения поэта. В тот юбилейный год редакционная коллегия газеты «Заря Востока» поручила мне — сухумцу по рождению — организацию материала к этой дате. Я лихорадочно перебирал в памяти всех авторитетных и популярных литераторов Грузии, чтобы попросить откликнуться на юбилей.

Получался огромный список: все уважали, ценили, любили Дмитрий Иосифовича, и многих, очень многих из них связывала личная дружба с абхазским собратом. По соображениям, понятным, быть может, не мне одному, ибо никто их не оспаривал, выбор пал на большого друга и ровесника юбиляра — Шалву Дадияни, который сам в это время был скован смертельной болезнью и растроган до слез, что именно его попросили сказать слово приветия абхазскому другу.

«Словно могучий горный орел, почувствовавший упругую струю встречного ветра, взлетел к высочайшим вершинам поэзии талант Гулиа после Октябрьской революции».

Как стремительный горный поток, вырвавшийся, наконец, из темных теснин ущелья, величаво течет по долине, принося людям радость и богатство, так и творчество Д. Гулиа широко и щедро полилось по новой жизни родного края, неся с собой тепло и свет...»

«...Может ли время согнуть человека, если весь он устремлен в будущее, если в одном ритме с пульсом народа бьется его сердце...» (Ш. Дадияни).

Юбилейные дни — пора воспоминаний. Большой друг грузинской литературы Константин Бальмонт говорил: «Воспоминание граничит с раскаянием». Действительно, как мало иногда пишут о многих писателях при жизни, а потом сожалеют об этом.

И если окинуть мысленным взором критическую литературу о Гулиа, проследить за датами появления на свет этих материалов, то, к большой радости для нас, его почитателей, и будущих литераторов, следует отметить, что Дмитрий Иосифовича постигла лучшая участь: о нем писали немало при жизни, пишут сейчас и будут писать до тех пор, пока будет существовать язык его родной Абхазии, ее культура и народ.

Если собрать воедино все написанное Гулиа, получится большая библиотека и, пожалуй, самое ценное в ней будет то, что вы найдете там произведения, посвященные всем основным этапам жизни нашей страны.

Перелистаем первый том его поэзии. «Итак, моя книга, в поход!», «Всю жизнь в труде» — это присяга труду, «Желтая смерть» — это заболоченная Колхида до ее осушения после революции.

«Аврора», «Иду с Октябрем» — присяга великой социалистической революции и ее вождю В. И. Ленину. «Песня об Абхазии» — это запев радостной, трудовой, новой жизни обновленного колхозами и совхозами края, это и поэтический рассказ о прошлых бедствиях страны, краткая история народа, изложенная чутким пером. «Наш Кавказ!», «Защитнику нашей страны», «Вперед, на запад!», «Песнь о герое из героев» Владимире Харазия — здесь героизм и мужество сыновей его родины в минувшей войне; «Нас слышит целый мир» — радость победы; «Осень в деревне» — это песня о радости мирного труда; «Мой город», «Городской сад», «Рождение горы», «Цветы на улице» — это самоотверженный труд послевоенных лет, песня о прекрасной природе родного края. «Мой очаг» — это проникнутые болью и сыновней любовью думы поэта об исторических судьбах своей страны, своего народа. «Думая о Ленине», «Наша сила», «Знамя», «Счастье» — это дань благодарного сердца одного из преданнейших сынов Отечества.

А вот «реквием» этого долгожителя нашей планеты. «Пусть сто и сто», «Весеннее настроение», «Я — человек, все могу...» — это оптимистическое прощание с жизнью Человека, который все отдал людям, народу, партии.

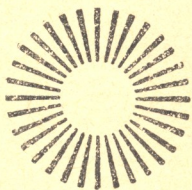
Гулиа образно называли Абрыйкилом абхазских гор, «орлом абхазской поэзии», «патриархом от литературы».

Мне же хочется сравнить его с титаном эпохи Возрождения, ибо не было в республике ни одного культурного начинания — от налаживания делопроизводства на родном языке до создания истории своей страны и исторической прозы, где бы за этим ученым мужем не было бы первого и решающего слова.

С его именем поистине связана блестящая эпоха Возрождения абхазской литературы, культуры, науки и общественной жизни.

Жизнь и творчество Д. Гулиа стали немеркнущим примером служения своему народу, своей республике.

И благодарные потомки с уважением склоняют головы перед светлой памятью человека-патриота, поэта-гражданина.

Гиви БАХТАДЗЕ,

доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой госпитальной
терапии лечебного факультета Тбилис-
ского ордена Трудового Красного Зна-
мени медицинского института

Ученые
об ученых

ШЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

ВРЕМЯ донесло до наших дней не-
мало интереснейших и значитель-
ных книг, ставших летописью грузинской
народной медицины, сохранило имена
Петре Ибера, Кананели, Ходжакопили,
Зазы Панаскертели, Иадигарда Дауда,
Турманидзе и многих других.

Европейская классическая медицина
стала проникать в Грузию в конце
XIX — начале XX века, со времени воз-
рождения грузинской науки. Лучшие
сыны Грузии заложили основу грузин-
ского медицинского просвещения и соз-
дали свое направление и школу, подго-
товили соответствующие кадры.

Сегодня грузинский народ с благо-
дарностью вспоминает людей, способст-
вовавших развитию национальной меди-
цины, и среди них — замечательного
врача, ученого и общественного деятеля
Александра Степановича Аладашвили.

«Я счастливый человек, — будучи
уже известным педагогом, часто гово-
рил он своим ученикам, — счастливый
потому, что родился в Грузии».

«...Да, любил он свою родную дерев-
ню, — вспоминает академик Авлипий
Зурабашвили. — В раннем детстве он
познал суть крестьянского труда... Про-
никся трепетной любовью к всходам
пшеницы, к винограднику, был пленен
величественной красотой Алазанской до-
лины... Постепенно выковывалась силь-
ная личность Александра Аладашвили,
который самозабвенно служил совести
и правде на земле».

Александр Степанович Аладашвили
родился 30 июня 1876 года в селе Ар-
бошки бывшего Сигнахского уезда,
учиться начал 1884 году в духовной
школе в Озургети (ныне Махарадзе),
где преподавал его дядя Давид Алада-
швили. Этот высокообразованный чело-
век сыграл большую роль в воспита-
нии племянника и в формировании его
личности. После года учебы в Озургети
Александр Аладашвили семь лет учил-
ся в духовном училище в Ахалсенаки
(ныне Цхакал), а закончив его с отли-
чием, поступил в Тбилисскую духовную
семинарию. Под влиянием революцион-
но настроенных учащихся он принимает
участие в забастовках. После очередной
стачки Александр оказался в числе тех,
кого должны были исключить из семи-
нарию. Ему разрешили продолжить уче-
бу только благодаря высокой академи-
ческой успеваемости. Аладашвили за-
канчивает Тбилисскую духовную семи-
нарию также с отличием. Это дает ему
право поступать не только в Духовную
академию, но и на медицинский факуль-
тет Юрьевского университета. В то вре-
мя там училось много студентов-грузин,
у которых была своя община. Александр
некоторое время был ее председателем.

В 1904 году А. С. Аладашвили с от-
личием заканчивает медицинский фа-
культет Юрьевского университета, воз-
вращается на родину, в Тбилиси и начи-
няет работать врачом в Михайловской
больнице (ныне Центральная республи-
канская клиническая больница). Но его
врачебная практика была здесь недол-
гой: спустя три года он едет в Харьков

и работает у известного профессора Опенховского, трудится над докторской диссертацией на кафедре фармакологии (у профессора Пупова), а после ее защиты становится ассистентом кафедры фармакологии в Харьковском университете, ассистентом кафедры диагностики в Женском медицинском институте и ординатором терапевтического отделения Харьковской губернской больницы. Потом были четыре года врачебной практики в первую мировую войну, а после демобилизации из армии — снова Харьков, где по конкурсу А. С. Аладашвили занимает должность заведующего кафедрой фармакологии медицинского факультета Таврического (ныне Симферопольского) университета. Скорее его приглашают на работу в Грузию.

Отныне вся его жизнь, все его мысли связаны с родной землей, он передает своему народу все знания, весь талант и опыт.

Итак, в 1919 году Александр Степанович принимает приглашение работать на медицинском факультете Тбилисского государственного университета в должности заведующего кафедрой диагностики внутренних болезней. Иванэ Джавахишвили, ректор университета, предлагает ему читать курс лекций на III курсе медицинского факультета. Предложение это было неожиданным, поскольку А. С. Аладашвили думал, что для подготовки к педагогической деятельности ему понадобится не меньше года, в течение которого он успеет разработать соответствующую медицинскую терминологию на грузинском языке.

Предложение А. С. Аладашвили читать лекции на III курсе медицинского факультета имеет свою предысторию. Дело в том, что в то время после нескольких лет обучения в разных городах России вернулась молодежь, которая настоятельно просила открыть для нее соответствующий курс на медицинском факультете Тбилисского университета. Просьба эта была удовлетворена, и в сентябре Александр Аладашвили прочел первую лекцию на III курсе медицинского факультета. Это была первая лекция по клиническим предметам, прочитанная на грузинском языке. Конечно, она была сопряжена с определенными трудностями, и прежде всего с тем, что отсутствовала медицинская терминология на грузинском языке. Вот почему первойшей заботой молодого педагога было как можно скорее выработать грузинскую медицинскую терминологию. «Когда я окидываю взором те времена, — писал много лет спустя Александр Аладашвили, — я убеждаюсь, что мы были свидетелями и участниками неповторимого момента, когда творческая сила была ключом и выявляла национальные богатства. В

память от тех времен осталась у меня небольшая книжка — «Терминология диагностики», которая была одним из образцов творческой работы тех лет».

1921 год был очень важным в жизни А. С. Аладашвили. Его назначают заведующим открытой незадолго до этого кафедры факультетской терапии. С тех пор А. С. Аладашвили до самых последних дней своей жизни — бессменный ее руководитель. Кафедра была открыта и по сей день работает на базе Второй городской, ныне объединенной больницы скорой помощи. Это была одна из первых клиник Грузии. Поначалу в ней насчитывалось всего лишь пять-десять коек, одна лаборатория, рентгеновское и физиотерапевтическое отделения и кабинет электрокардиографии, но тут с первых же дней велась большая научная и практическая работа. Клиника А. С. Аладашвили с честью выполняла свое назначение, как одна из основных медицинских педагогических и научных организаций Грузии.

К работе на кафедре Александр Степанович привлек талантливую молодежь. В разные годы на его кафедре работали академик Михаил Цинамзваришвили, профессора Шалва Микеладзе, Николоз Махвиладзе, Григол Дидебулидзе, Владимир Аштадзе, Иосиф Абакели, Иванэ Кониашвили, Михаил Нодия, Георгий Цитладзе, Владимир Герсамия, Дмитрий Джавахишвили, Иосиф Джавахишвили, Ивсихи Цинцадзе, Георгий Месташвили, Ноэ Мегрелишвили, Анна Жгенти, Мака Мачабели, Гиви Бахтадзе, Вахтанг Аладашвили, Георгий Ушверидзе, доценты Иосиф Парма, Андро Ушверидзе, Шю Квицаридзе, Натела Гамбашидзе, Михаил Ткемаладзе, Георгий Купарадзе и другие.

Здесь выросли известные врачи и организаторы грузинского здравоохранения, прошли практику тысячи студентов, повысили квалификацию более трехсот врачей.

Особенно пристальное внимание уделял А. С. Аладашвили проблеме борьбы с туберкулезом. Он выделил в клинике койки для туберкулезных больных и открыл амбулаторию, которая в 1925 году выросла в тубдиспансер, а спустя девять лет — в Институт туберкулеза, возглавляемый учеником А. С. Аладашвили Иосифом Абакели.

Александр Степанович руководил работой кафедры над проблемами краевой патологии. Глубокие исследования и лечебные мероприятия были проведены по изучению и лечению малярии.

А. С. Аладашвили с большим вниманием изучал лечебные ресурсы своей страны. Проблемы курортологии — одна из первостепенных областей его научного и практического интереса. Им самим и в соавторстве с сотрудниками

написано около пятидесяти научных трудов по вопросам курортологии. В их основу легла его докторская диссертация «Физиологическое воздействие минеральной боржомской воды (екатерининского источника) на работу органов пищеварения», в которой впервые был рассмотрен механизм нервно-рефлекторного действия минеральной воды. Много сил и энергии отдавал ученый изучению лечебных свойств минеральных вод Боржоми, Дзау и Лугели (Мухури). Бальнеологическое отделение, открытое в его клинике, впоследствии было преобразовано в Институт курортологии и физиотерапии Грузии, первым директором которого стал сотрудник клиники А. С. Аладашвили профессор Иванэ Кониашвили.

Многие медицинские учреждения в Грузии обязаны своим рождением Александру Аладашвили. Активное участие принял А. С. Аладашвили и в открытии Института гигиены труда и профессиональных заболеваний. Первым его руководителем был также ученик Александра Степановича профессор Николоз Махвиладзе.

Долгие годы Александр Степанович сотрудничал в Институте фармакологии, где изучал свойства медикаментов, изготовленных на местном сырье. Вместе с сотрудниками своей клиники он исследовал более ста лечебных средств, большинство из которых и сегодня применяется в лечебной практике.

При всей многогранности своего дарования Александр Аладашвили был прежде всего врачом. Именно о таких врачах, каким был Александр Степанович, говорится, что он начинает лечить больного уже с самой встречи. Обаятельный человек, мягкий и душевный собеседник, он легко находил пути к сердцу больного, а богатый опыт, глубокое знание современных методов лечения, удивительное чутье диагностика позволяли ему не только вовремя выявить болезнь, но и успешно лечить ее. По природе своей мягкий и гуманный, с больными он был особенно добр и чуток. Для тех, кто знал Александра Степановича или был его учеником, трудно сказать, кто преобладал в нем — врач или педагог. Терапевт широкого диапазона, он оставил последующему поколению врачей несколько ценных учебников.

Благородная внешность, приятный голос в сочетании с прекрасной памятью, красноречием и блестящим знанием грузинского языка — вот что способствовало его успеху как педагога. Все, кому посчастливилось слушать его лекции и публичные выступления, еще долго будут помнить его.

Всей своей деятельностью, всей жизнью своей он являл пример Челове-

ка с большой буквы. Он был требователен к себе и другим, предельно объективен и справедлив.

«Если где-либо необходимо считать дело национальной медицины, то всегда обращались за помощью к Александру Степановичу Аладашвили. Он же благодаря своим замечательным качествам — уму, тактичности и нестягаемой воле — всегда умел добиться победы», — вспоминает Авлипий Зурабашвили.

Студенты и молодые врачи и ныне пользуются такими ценными учебниками А. С. Аладашвили по вопросам внутренней медицины, как «Клиническая рецептура» (впервые издана в 1925 году, выдержала девять изданий), «Заболевания органов дыхания», «Заболевания органов кровообращения», «Неотложная диагностика и терапия некоторых заболеваний», «Первая помощь при остром отравлении».

«Эти учебники обогатили нашу медицинскую литературу. Они отвечают требованиям современной медицинской науки, отличаются высокой культурой. Они — результат большого опыта и глубоких знаний, накопленных А. Аладашвили неустанным трудом на протяжении десятков лет. Правильное распределение материала, доступный язык и хороший стиль способствовали их широкой популяризации», — говорит профессор Владимир Герсамиа.

Одна из граней щедрого дарования профессора Аладашвили — его талант исследователя. Он автор более восьмидесяти научных трудов, написанных в течение 1911—1950 годов. Под его непосредственным руководством написано свыше трехсот научных трудов, которые и сегодня не утратили своей научной ценности. Одна из первых его научных работ — докторская диссертация — привлекла к нему внимание научной интеллигенции. О лечебных свойствах боржомской воды уже были опубликованы труды экспериментального и клинического характера, но полученные Александром Степановичем Аладашвили результаты опытов совершенно изменили представление о физиологическом воздействии минеральных вод на организм человека.

Выдвинутые Александром Степановичем положения противоречили выводам некоторых исследователей и настолько отличались от существовавших в медицинской литературе тех лет взглядов на влияние боржомской воды на желудочную секрецию, что диссертация А. С. Аладашвили втайне от ее автора была послана для консультации в Берлин профессору Бикело, который полностью подтвердил оригинальные результаты опытов Александра Аладашвили и в 1912 году опубликовал его труд в ме-

дицинском журнале, выходившем в Германии.

Работы А. С. Аладашвили в основном касаются трех проблем: местной патологии, курортологии и терапевтических достоинств лечебных препаратов, изготовленных на местном сырье.

Научные труды А. Аладашвили и его учеников сыграли большую роль в ликвидации ряда заболеваний в нашей республике, таких как малярия, бруцеллез, анколостомидоз и другие, и способствовали бурному развитию такой отрасли отечественной медицины, как курортология.

Вчитайтесь в этот сухой на первый взгляд послужной список: заведующий кафедрой факультетской терапии лечебного факультета медицинского института; главный врач II больницы гор. Тбилиси; председатель Общества врачей Грузии; один из основоположников и бессменный председатель Грузинского общества терапевтов; председатель Научного совета Министерства здравоохранения Грузинской ССР; декан лечебного факультета медицинского факультета университета и медицинского института; один из организаторов и активный участник конгрессов врачей Грузии; депутат городского Совета; член президиума Общества Красного Креста Грузии; заместитель председателя Научного бюро профсоюза работников медсантруда; постоянный член и несколько раз председатель государственной экзаменационной комиссии медицинского института; председатель Курортного научного совета Грузии; председатель Научного совета Тбилисского бальнеологического курорта; заведующий клиническим отделом Грузинского научно-исследовательского фармакохимического института; член редакционной коллегии журналов

«Клиническая медицина» и «Сабчота медицина»; консультант Научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии; консультант Института функциональных нервных заболеваний; консультант Тбилисского бальнеологического курорта; консультант Научно-исследовательского института туберкулеза; консультант больницы скорой помощи.

Да, всего лишь сухой перечень должностей. А ведь за всем этим — целая жизнь, со своими радостями и бедами, со своими трудностями и творческими удачами. Несмотря на профессиональную загруженность, он всегда находил время для общественной работы. Вся его яркая жизнь — образец служения народу, верности Родине, которой он посвятил весь свой щедрый и добрый талант.

Советское правительство высоко оценило заслуги академика Академии наук Грузинской ССР Александра Степановича Аладашвили. Одним из первых ему было присвоено высокое звание заслуженного деятеля науки Грузинской ССР. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, несколькими медалями. Утверждены две стипендии имени Аладашвили — в Тбилисском ордена Трудового Красного Знамени государственном медицинском институте и в Академии наук. Его именем названа одна из улиц Тбилиси и Вторая городская больница, во дворе которой установлен бюст ученого. Увековечена его память и в его родном селе Арбошики.

Преданный сын родной земли, пламенный патриот, разносторонний ученый, замечательный врач, лектор, педагог, талантливый исследователь и неустанный общественный деятель — таким был Александр Аладашвили и таким останется он в памяти народа.

„Можно ли песню из сердца украсть?“

Несколько летних сезонов подряд в 50-е годы я отдыхал вместе с замечательным азербайджанским поэтом и ученым, вице-президентом Академии наук Азербайджана, поэтом-академиком Самедом Вургунум. Так было положено начало нашей дружбе. Постоянными собеседниками и «компаньонами» по отдыху были также известный советский поэт Александр Безыменский и выдающийся скрипач Давид Ойстрах. Время проходило в хождениях по терренкуру, на волейбольной площадке и в незабываемых постоянно возникающих беседах на тысячи тем: мы говорили о литературе, музыке, театре, поэзии, о науке, искусстве, о жизни вообще — обо всем, что нас волновало и чем каждый из нас жил.

С нами в ту пору в санатории отдыхала дама-грузинка с очаровательной дочерью-подростком. Дама эта великолепно знала литературу и была приятной собеседницей, скрашивавшей наше курортное безделье, а присутствие юного милого существа вносило в наш кружок приятное оживление.

Часто Самеда Вургуну охватывало игривое настроение, и с молодым задором в глазах он читал одно за другим свои любовные стихи, от которых всегда веяло такой чистотой и святостью чувств, таким проникновенным утонченным благовоением перед всем прекрасным на земле, что невольно возникало ощущение возвышенной приподнятости. Нередко он читал нам и персидские рубаи.

Самед Вургун заражал потребностью высказывать свои чувства в стихах, и, набравшись смелости, я начал декламировать любовные стихи на своем родном языке. Понятно, что он в основном читал собственные произведения, а я — своих любимых поэтов, часто обращаясь и к сокровищнице народной поэзии. И несмотря на то, что обоим нам было очень трудно затем переводить эти стихи с азербайджанского и грузинского на русский язык — по крайней мере излагать их содержание на этом общем для нас языке, — мы все же хорошо понимали друг друга. Настолько хорошо, что это в значительной мере помогло нам стать друзьями.

Понятно, в этом «поединке» с Самедом я был слабым противником, но, чтобы я вовсе не отказался от этих «состязаний», очень оживлявших наш досуг, Самед подстегивал меня, помогал подбирать нужные слова, в особенности когда мне приходилось излагать содержание труднопереводимых грузинских народных стихотворений, подсказывал отдельные строки.

Как-то во время одного из таких поединков я произнес двустихие из стихотворения одного грузинского поэта, где автор, обращаясь к девочке, говорит:

**Я стан твой видеть жажду
И детство сохранить твою хочу...**

Самед Вургун разволновался. «Только истинный поэт, — сказал он, — мог найти такие слова...»

Самеда как-то попросили, чтобы он прочел свое самое любимое стихотворение.

И вдруг я заметил, что Самед смущается, робеет. Я напомнил ему слова Сенеки. «Страх — дорога к смерти, дерзание — дорога к звездам...». Он тут же продолжил: «Не только к звездам, но также к девушкам и дамам...».

Раздался взрыв смеха.

Самед Вургун очень тепло относился ко мне, и меня это очень трогало. Было радостно услышать, как однажды он сказал обо мне: «Мне до сих пор не приходилось встречать непоэта, с таким восторгом произносящего стихи и знающего столько строк о безграничном взлете души и сердца влюбленного человека. Паата мой друг не только потому, что он грузинский интеллигент, но и потому, что он так любит поэзию и поэтов».

Однажды Самед с огромным воодушевлением прочел стихотворение, посвященное нашей юной собеседнице. Стихотворение он произнес на азербайджанском языке. По-видимому, это была импровизация. Стихотворение было необычайно звучным, напевным, и меня особенно изумил юношеский восторг, охвативший седого поэта.

Потом, когда мы остались вдвоем, он спросил меня:

— Вижу, ты удивлен?

Я обнял Самеда и сказал, что в восторге от его юношеского задора и поразительной способности так загораться.

И тогда Самед Вургун мне говорит:

— А разве ты не знаешь, что 80-летний Гете по-настоящему полюбил 16-летнюю девочку, а мне ведь до восьмидесяти еще далеко...

Эти лирические стихи, произнесенные на азербайджанском языке, Самед Вургун потом сам перевел на русский язык:

**...И девушка вдруг улыбнулась, рукою
Коснувшись расчесанных темных волос.
Какое радушие, сиянье какое
Увидеть в глазах ее мне довелось!..**

Это была песнь души поэта, преисполненная чистой любви, это был гимн всему прекрасному.

Затем я обратился к Самеду, но так, чтобы слышали все присутствовавшие:

— Великолепен вечно влюбленный Самед Вургун, который любит все прекрасное, все правдивое и справедливое. А любит он постоянно, ибо без любви нет настоящей жизни, а тем более — поэтического взлета. Я же люблю его как большого азербайджанского поэта и ученого, как друга и брата...

Самед обнял меня и произнес:

— Видите, что может сделать любовь: заставить ученого, притом экономиста, говорить стихами, грузина — импровизировать по-русски. — И тут же добавил: — Что было бы, если б русский язык не объединил нас всех, если б он не дал нам возможности обменяться здесь, на Северном Кавказе, да и повсюду нашими мыслями, чувствами, настроениями и стремлениями. Русский язык и цивилизация воистину объединяют столько народов, и не только с точки зрения языка, и не только объединяют, но возвышают и дают возможность развиваться и жить в братстве. Я не знаю, на каком языке мог бы человек выразить свое высокое слово, чтобы исчерпывающе отобразить бескрайние чувства любви и дружбы, переживания и эмоции, не будь Пушкина и Руставели, Гёте и Данте, Хагани и Низами...

Девочка, вдохновившая поэта на чудесное стихотворение и вызвавшая у нас столь высокие мысли, была явно смущена и растерянна.

— Да поблагодари же ты этих уважаемых людей за внимание к тебе, — подсказала ей мать.

Девочка обратилась сначала ко мне:

— Я вас люблю и уважаю как доброго учителя, как своего дядю...

Я был «сражен» и с подчеркнутым отчаянием опустился на зеленую лужайку, там же, где стоял, а ликованию Самеда по поводу того, что девочка назвала меня дядей, не было границ...

Девочка попыталась сказать еще что-то, но вконец развеселившиеся взрослые не дали ей продолжить. После паузы она обратилась к Самеду Вургуну:

— Ни одна девушка не имеет права вас не любить и не уважать. Я вас люблю как любимого поэта. И как своего настоящего дедушку...

Когда она так отчетливо выделила это последнее слово, разразился общий хохот, а Самед рухнул рядом со мной, обнял меня и сказал:

— Наши корабли подожгли, все паруса горят, мой дорогой Паата, но мы горим не как корабли, а как Феникс, с тем чтобы вновь возродиться для новой жизни, новых творческих дерзаний и неувядаемой любви.

Эти последние слова были произнесены патетически, с большим волнением.

— Не вы первый, — говорю я Самеду Вургуну, — сыновей Востока издавна покоряла красота грузинских женщин, и потому они похищали грузинок. Грузинскую девочку полюбил и Александр Грибоедов, а известный азербайджанский поэт и мыслитель XII века Хагани так сильно любил грузинскую принцессу, что изучил грузинский язык. Я оживляю древнейшую традицию грузино-азербайджанского братства и дружбы и верю, что в этом отношении и ты вместе со мной стоишь на одной общей почве и не только в любви к этой девочке — любви дяди или даже дедушки, — но, что главное, в братстве и любви азербайджанского и грузинского народов.

Потом Самед Вургун мне сказал:

— Ты должен приехать в Баку. — И уже громко, во всеуслышание: — Я официально вас приглашаю, приглашаю как ученого, брата и друга — от имени нашей Академии.

Я ответил ему тем же и пригласил в Тбилиси.

...Тяжело сознавать, что мы не сумели выполнить наши обещания.

* * *

Последний раз я был в Баку в первых числах февраля 1974 года в составе делегации нашей республики. Наша делегация приехала в Азербайджанскую ССР с целью обновления договора о социалистическом соревновании двух братских республик — по перевыполнению и досрочному выполнению плана народнохозяйственного строительства четвертого, определяющего года пятилетки.

8 февраля на совещании партийного и хозяйственного актива передовиков социалистического производства, знатных людей Азербайджана, в переполненном до отказа огромном зале выступали победители в социалистическом соревновании. Сообщая о своих славных делах, работники промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства и т. д. брали новые обязательства...

Когда я слушал эти выступления, в заключение которых был большой концерт народных песен и танцев, передо мной вставал образ моего дорогого друга Самеда Вургуну, который так безгранично любил и воспевал свой доблестный народ.

Можно ли песню из сердца украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

Самед Вургун безгранично любил свою родину и любил всех, кто любил его родной край, его Советский Азербайджан.

ОТ РЕДАКЦИИ. Творчество Важа Пшавела привлекает к себе все возрастающее внимание как читателей, так и специалистов. Поэтому каждая новая работа о нем встречает широкий отклик. Так случилось и с книгой Т. Чхенкели «Трагические маски. Мифологические корни преобразования личности в поэмах Важа Пшавела», на которую наш журнал оговзвался рецензией Р. Тварадзе, опубликованной в минувшем году. В этом номере мы возвращаемся к этой интересной работе, дающей богатую пищу для обсуждения. Статья доктора филологических наук, профессора С. Цаишвили во многом углубляет и дополняет уже сказанное о работе Т. Чхенкели, что несомненно поможет правильному научному толкованию сложного и противоречивого творчества великого грузинского поэта.

ВАЖА ПШАВЕЛА

II МИФИЧЕСКИЙ МИР

Творчество Важа Пшавела, великого мудреца и подлинно народного поэта, во многом и поныне остается загадкой для исследователей, несмотря на большое число посвященных ему работ. Любое исследование о нем заслуживает особого внимания — тем более если оно отмечено оригинальной постановкой вопроса и новизной метода исследования. Мы полагаем, что к числу именно таких работ относится книга Т. В. Чхенкели «Трагические маски. Мифологические корни преобразования личности в поэмах Важа Пшавела».

Один из важнейших вопросов книги — Важа Пшавела и мифический мир. И действительно, ведь архаичность поэтического мышления едва ли не главная особенность творчества Важа Пшавела. К сожалению, исследование этой темы возродилось лишь в самое последнее время, хотя справедливости ради отметим, что отдельные содержательные статьи по аналогичным вопросам были написаны значительно раньше. Уже более полувека тому назад. В некоторых случаях работы современных исследователей являются как бы откликом на них...

Глубочайшие связи творчества Важа Пшавела с грузинским язычеством довольно подробно были рассмотрены в трудах Геронтия Кикодзе, Серги Данелиа, Григола Кикнадзе, Михаила Квеселав. Интересные соображения по этому поводу представлены в работах Симона Чиковани и особенно Акакия Гадцелелиа, опубликованных сравнительно недавно.

Такой же постановкой вопроса и, что по нашему мнению весьма ценно, конкретным исследованием отличается рецензируемая нами книга.

Каждый исследователь такого сложного и многообразного явления, каким было творчество Важа Пшавела, сталкивается, как мы уже говорили, с определенными трудностями. Это касается не только поэтического языка, которому постоянно сопутствует глубокий подтекст, но и совершенно уникальных форм мышления. И действительно, только ничем не ограниченный талант способен отважиться на такое удивительное сочетание современного и архаичного. Поэзию Важа Пшавела, полную глубоких переживаний современности, волнует вместе с тем извечная проблематика. Именно в этом следует искать истоки тайны, которую заключает в себе поэзия, ставящая перед собой такие художественные задачи. Мифология в данном случае предоставляет художнику совершенно уникальный материал. Характерно, что именно этот аспект выдвигает на первый план известный французский ученый Клод Леви-Стросс, коснувшийся общей природы мифа: «Миф всегда связан с событиями прошлого..., но внутренняя ценность мифа выражается в том, что эти события, свершившиеся в определенный момент времени, создают постоянную структуру, которая соответствует как прошлому, так и настоящему и будущему».

Глубочайшая поэтическая интуиция Важа Пшавела и в данном случае ока-

залась безошибочной. Этому способствовала, разумеется, и объективная обстановка, соответствующим образом направлявшая поэта, вдохновленного мудростью Миндии. Главный пафос книги Т. В. Чхенкели проявляется в обосновании именно этого положения.

Как и в какой дозе использует Важа Пшавела мифологический материал: модернизирует ли его поэт или же, напротив, восстанавливает архаичные структуры? Все это обязывает исследователя учитывать самые разные специфические вопросы. В первую очередь следует по мере возможности сопоставить архаичные структуры мифологических пассажей, встречающихся у Важа Пшавела. Современный уровень исследования подразумевает типологическое сопоставление чисто грузинского материала с мифологией других народов. Грузинская мифология с этой точки зрения изучена с достаточной полнотой. Тамаз Чхенкели, естественно, широко использует итоги этой работы, а в ряде случаев обогащает их собственными наблюдениями.

Общие структуры, которые наблюдаются в грузинском материале, имеют интересные параллели как в древнегреческой мифологии, так и в мифологии других культурных народов. Насколько миф этничен, настолько он в общих чертах и универсален.

Фактами явных универсалий воспринимаются, например, подтвержденные в представлении совершенно разных народов схожие антропоморфические взгляды относительно мертвой и живой природы. Изучая грузинскую мифологию изолированно, мы непременно затруднились бы осознать такие сакральные акты, как часто встречающиеся у Важа Пшавела поедание «мяса змеи» или «мяса человека» и преобразование, что по принятой терминологии связывается с культом дионисовского оргазма.

О том, насколько надежный материал дает такой метод исследования, можно получить ясное представление при анализе отдельных пассажей творчества Важа Пшавела. Здесь мы коснемся только одного наблюдения.

Глубина поэтического видения Важа Пшавела обнаружилась еще в одном из ранних его стихотворений «Свадьба дэвов», которое было написано в 1886 году. Это видение действительно фантастично и исключительно характерно для поэтического мышления Важа Пшавела.

На фоне грандиозного смятения природы нарисована следующая картина. Человеку, приглашенному на свою свадьбу, дэвы предлагают отведать человеческое мясо. Потрясенный гость слышит, как из заднего угла доносится чей-то стон. Здесь почти каждый образ

«нагружен» мифологическими деталями. «Смятение природы» связывается тут с летним ненастьем, а дэвы, согласно грузинской мифологии, олицетворяют демонов плодородия и вегетации. Попытка «заставить отведать человеческое мясо» — это оргиастический пассаж. По справедливому наблюдению Т. В. Чхенкели, фраза: «В трех концах развели огонь, на нем три котла кипели» — представляет собой отголосок грузинского «Амираниани» (три котла должны быть предназначены для трех героев: Бадри, Усула и Амирани). Более того, Важа Пшавела углубляет фольклорный источник, в котором такие же пассажи представлены вне «смятения природы». Здесь так же, как и в ряде других случаев, Важа Пшавела поразительно вдохновенно и проникновенно восстанавливает предполагаемую архетипную модель.

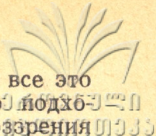
Но что должно означать деталь: «Из заднего угла доносился чей-то стон?». Видимо, предшествующий гость отказался есть человеческое мясо, и за это его ожидает гибель. Здесь Тамаз Чхенкели совершенно уместно привлекает мифологический материал других народов, содержащий аналогичные пассажи. В известной книге Проппа «Исторические корни волшебных сказок» приведены многие примеры того, как такой же оргиастический пассаж происходит «в соседней комнате» (якутская сказка), «в чулане» (Гримм), там, «куда запрещено заглядывать». Весьма характерно, заключает Т. Чхенкели, что приведенный Проппом материал удивительно точно, до мелочей совпадает с некоторыми деталями «Свадьбы дэвов».

Как видим, Важа Пшавела проявляет правильное и глубокое понимание мифа, архетипную модель которого он постигает благодаря своей гениальной интуиции.

Анализ этого стихотворения позволяет заключить, что исследование мифологических материалов в таком широком плане не только делает понятным значение отдельных деталей, но и позволяет проникнуть в самую суть художественного творения.

С еще большей глубиной разработан мифический материал в таких замечательных произведениях Важа Пшавела, как «Копала» и «Алуда Кетелаури». Первая из упомянутых поэм по своей фактуре содержит все признаки волшебной сказки, но подтекст ее проникнут духом современности.

Копала — герой, сражающийся с дэвами, — олицетворяет человечество. На фоне схватки космических сил нарисованы потрясающие картины подчинения себе всего человечества дэвами. Автор книги справедливо замечает, что исследователи почему-то уделяли недостаточ-

ное внимание этому поистине поразительно произведению Важа Пшавела, тогда как в нем наиболее отчетливо проявляются основные особенности мифического мышления великого поэта. Внешне образ Копалы создан по модели языческого пантеона божеств, но внутренне он олицетворяет новую веру и волю высшего христианского божества. Именно с божьей помощью побеждает он демонические силы и освобождает человечество для этой новой веры. Победа над сатанинской сущностью дэвов в поэме равносильна поражению отжившего сурового языческого мировоззрения в борьбе с новыми этическими ценностями.

Мифологический материал грузинских горцев, в котором, как известно, обильно представлены образцы уникального скрещения языческого и христианского мировоззрений, сам по себе давал плодотворную почву для возникновения и развития определенной системы художественных образов, но у Важа Пшавела этот материал вместе с тем приобретает концептуальную силу. «Развернувшаяся в «Копале» космическая драма философско-этического характера, — как справедливо замечает автор книги, — является отражением внутренней борьбы, происходящей в душе каждого человека. В этом смысле вся поэма — торжественная мистерия, проникнутая духом нового времени».

Большая часть рецензируемой книги посвящена одному из самых сильных шедевров творчества Важа Пшавела — поэме «Алуда Кетелаури». Это и понятно, поскольку катартический акт перерождения наиболее рельефно показан именно в этой поэме. Алуда Кетелаури — человек, отмеченный судьбою («давлатиани»), говорится в самом начале поэмы, и это уже своеобразное указание на то, что Алуда — избранная личность, поскольку этим термином обозначается божественная натура героя. Между прочим, сакральное значение слова «давлатиани» стало известно лишь в последнее время (см. «Малый словарь Важа Пшавела» А. Чинчараули).

Об «Алуде Кетелаури» написано много и хорошего, и дурного, умного и несообразного. Поднятые в этой поэме вечные проблемы не раз низводились до уровня узких тематических вопросов. В книге Тамаза Ченкели этим вопросам посвящается одна из центральных частей — «Страдания Алуды Кетелаури», и мы считаем необходимым отметить, что нам не известна другая работа, в которой с такой полнотой, так оригинально и убедительно был бы представлен художественный анализ этой поэмы.

Предметом скрупулезного наблюдения стали почти все ее пассажи, от-

дельные выражения и детали, и все это сделано на основе правильного подхода, справедливой оценки мировоззрения Важа Пшавела. Здесь мы хотим подчеркнуть два основных момента. Универсальность проблематики характерна для всего творчества Важа Пшавела, но в наиболее концентрированной и вдохновенной форме она проявляется именно в поэме «Алуда Кетелаури». Следует считать огромным художественным достижением Важа Пшавела то, что ему удалось в исключительно жизненных образах дать необычайно масштабные обобщения. Алуда Кетелаури — универсальный образ бесстрашного борца за утверждение новой эры.

Однако для того, чтобы оценить и пояснить все это, необходимо было в первую очередь дать глубокий и всесторонний художественный анализ произведения. Каким путем, каким творческим методом разрешил поэт стоявшую перед ним сложнейшую художественную задачу? Это наиболее важный момент в указанном исследовании.

Возьмем к примеру хотя бы такой факт, как отказ отсечь руку побежденного врага, который, по свидетельству самого Важа Пшавела, отсутствует в народном предании об Алуде Кетелаури и является, таким образом, плодом собственной фантазии поэта. Дело в том, что Важа Пшавела — и это один из важных моментов — обострил эту коллизию, перенес ее в более древнюю общину. Поэт делал это не всегда. Его побудила к этому исключительно точная художественная интуиция, подсказавшая ему, что в результате коллизия поэмы приобретет глубину и сакральный оттенок, а развернутый в ней мифический план послужит гораздо более благодатной почвой для обобщения показа человеческих страстей.

В работе имеются и другие интересные наблюдения, но, на наш взгляд, особое значение среди них должны иметь обнаруженные автором параллельные планы действия в «Алуде Кетелаури». Действительно, в плане одной лишь фабулы не удастся объяснить реальные причины преобразования Алуды, если не проследить за скрытым смыслом, который заложен во внешнем действии. Внешние противоречия и конфликты фактически мотивируются конфликтами внутренними, в ряде случаев неосознанными, которые, однако, гармонически сочетаются наподобие контрапункта. Такие сами по себе значительные в фабульном отношении пассажи, как споры между Алудой и соплеменниками или его конфликт с Хевисбери (старейшиной общины), еще не дают полного представления о реальном смысле поступков Алуды. И действительно, упреждение его и непокорство, проявляе-

мое по отношению к самому Хевисбери, представляют собой исключительно важный эпизод, фактически полную фабульную завязку: перелом в личности Алуды уже стал свершившимся фактом, и на религиозном празднике мы встречаемся лишь с одним из результатов этого перелома, выражающимся в конкретном поведении. В рамках чисто фабульного плана это поведение понять невозможно, поскольку его корни скрыты в подсознании Алуды; проекцией этого перелома в поэме служат визион и сновидение; поэтому автор справедливо заключает, что «внутренним центром» поэмы являются именно эти пассажи.

Акцентирование данных фантастического визиона в процессе художественного анализа «Алуды Кетелаури» позволяет исследователю осмыслить и раскрыть художественный замысел великого поэта. Осяземой становится также внутренняя функция использованного здесь мифологического материала. Потрясающий рассказ вернувшегося с поля боя Алуды является отражением его моральных страданий и вместе с тем — признаком осуществившегося преобразования. Учитывая важнейшие художественные аспекты поэмы, исследователь получил возможность проследить за отдельными моментами духовного возвышения Алуды; художественная модель представлена в книге следующим образом: импульс преобразования (сражение), сомнения (диалог с хевсурами), фантастические визионы, приобщение к новому богу (сновидение), принятие решения, реализация нового вероучения (религиозный праздник). Здесь, по нашему мнению, в полном виде представлена внутренняя и внешняя причинно-следственная схема действий, художественная реализация которой позволила поэту с огромной силой показать рождение новой личности. Алуда Кетелаури воспринимается как вечный образ искателя нетленных духовных ценностей.

Автору рецензируемой книги удается путем применения правильной методологии исследования охватить в наиболее общих чертах все творчество Важа Пшавела и таким путем сделать правильный вывод, что и нового бога Алуды следует искать в идеологической концепции гуманизированного христианства. Аналогичные ценные и важные выводы мы встречаем в этой же главе при анализе эпизода смертельной схватки Муцала и Алуды. Здесь подчеркивается исключительное значение тех сомнений, которые впервые закрались в душу Алуды, с тем чтобы в дальнейшем развиться в новую веру. Разумеется, даже простой перечень всех подобных наблюдений завел бы нас слишком далеко. Хотелось бы отметить лишь

один из тех весьма отрадных фактов, которыми мы не так уж избалованы. Это особенно касается той главы, которая целиком посвящена поэме «Алуда Кетелаури». Здесь проявляются исключительный такт и тонкий подход исследователя к художественным фактам; анализ выполнен настолько мастерски, что вся эта глава оставляет впечатление самостоятельного художественного целого. К сожалению, нельзя сказать того же о предыдущих главах, в которых обилие материала порой мешает восприятию основной идеи повествования.

Для исследователя мифических основ преобразования личности в творчестве Важа Пшавела, разумеется, особенно богатый материал содержит поэма «Змеед», которая фактически завершает цикл аналогичных поэм.

Мудрость и трагедия Миндии также осмысляются в мифическом плане, в тесной связи с универсальным вопросом о назначении человека.

В таком же плане рассмотрен и ряд других основных вопросов, связанных с поэмой «Змеед». Мы полностью согласны с исходным положением автора о мифических основах поэмы: «Поглощение змеем героя и, наоборот, поедание героем зменного мяса — факты по существу однозначащие: оба они указывают на пребывание героя в преисподней, на инициацию в мифическом плане, на овладение магическими знаниями». Таким же убедительным представляется вывод автора о том, что лишь ценой величайших страданий может человек преодолеть свой предел, и именно отсюда, как мы уже отмечали, берет начало трагическая страсть. Первым примером невозможности приобщения человека к божественным знаниям, по нашему мнению, является библейская легенда, и в определенном смысле можно сказать, что трагедия Миндии — это ее своеобразный отголосок. Мы полагаем, что именно этот аспект подразумевает исследователь, говоря о неизбежности трагической судьбы Миндии: «Сочетание человеческого бытия и божественного существования завершилось крахом: человек, оторванный от природы, от божественного первоисточника, кончает жизнь самоубийством, и это — естественный конец, поскольку для приобщившегося к божеству утрата этой связи сама по себе равносильна смерти».

Интересна также даваемая автором сопоставительная характеристика таких важнейших поэтических образов, как Алуда и Миндия, при которой рельефно и четко обозначаются вековечные черты этих избранных героев. Алуда, в результате титанических усилий разорвавший оковы замкнутого в себе общества и приобщившийся к универсальному божеству, обретает свободу сверхчеловека, тогда как приобщенный к сверхчеловеку

ческому знанию и тайнам природы Миндия, наоборот, утрачивает божественные знания, поскольку жизнь в человеческом обществе не дает возможности сохранить их. В результате потерпевший поражение, разочаровавшийся в самом себе Миндия кончает жизнь самоубийством. Такой сопоставительный анализ и вообще правильная трактовка образа мудрого Миндии, носителя трагической судьбы, несомненно, призваны внести ценный вклад в дальнейшее исследование этого сложнейшего поэтического произведения.

Здесь же следует коснуться и некоторых других вопросов, поднятых Т. В. Чхенкели и имеющих определенное значение для правильной оценки столь разностороннего творчества Важа Пшавела.

В связи с этим прежде всего необходимо снова вернуться к художественным особенностям поэмы «Змеед». Несмотря на то, что здесь почти с самого же начала совершенно ясно определена главная проблема и четко очерчен образ центрального героя, вместе с тем бросается в глаза целый ряд противоречий, которые в определенной мере затрудняют полную реализацию художественного замысла поэта. Данное обстоятельство давно уже было замечено в литературной критике и получило самые различные интерпретации. Дело в том, что, хотя отдельные эпизоды переданы здесь с присущими Важа Пшавела проникновением и художественной силой, в поэме наряду с этим имеются и определенные пробелы, мешающие целостности ее восприятия. Это отмечает и автор книги, причем одной из причин такой непоследовательности он считает то обстоятельство, что мифический план в поэме «Змеед» не соблюдается до конца, в него неорганично вливаются посторонние притоки, между которыми отсутствует органическая связь, и в результате возникают внутренние противоречия.

Как показал Т. В. Чхенкели, в одном из широко известных эпизодов поэмы «Змеед» использован прием, явно чуждый творчеству Важа Пшавела. Речь идет о том эпизоде, в котором созревшие на ниве колосья умоляют Миндию, чтобы он поскорее скошил их «на благо человеку» и не дал зерну погибнуть от дождя или града. На самом же деле мифическое содержание этого пассажа значительно глубже и несомненно содержит сакральный подтекст (гибель злаков должна осмысливаться как гибель божества плодородия). Здесь, однако, мы имеем дело с таким профанированием мифа, к какому Важа Пшавела обычно не прибегает — это совершенно чуждый для него художественный прием. Так же интересны и справедливы производимые автором наблюдения над

стилистическими особенностями поэмы. Помещение чисто утилитарных мотивов в мифологические рамки, естественно повлекло за собой чуждые интонации. Поэтому, как заключает исследователь, лексика и фразеология в таких случаях лишены магичности (в работе приводятся несколько убедительных примеров). Несомненно, что такие художественные «неточности», допущенные невольно, а может быть, и сознательно, до некоторой степени нарушают художественную целостность поэмы, выделяя ее тем самым среди других аналогичных поэм Важа Пшавела.

В книге Т. В. Чхенкели поставлен также целый ряд других важных вопросов, касающихся его творчества. По отдельным вопросам с автором можно было бы поспорить. Так, например, мы считаем, что необходимо было в большей мере акцентировать грузинскую мифологию; кроме того, он чрезмерно увлекается мифологическими пассажами при анализе некоторых поэм. В частности, несколько неестественным выглядит анализ преобразования личности Апшины на мифологическом уровне, тогда как мифологический пласт представлен в поэме «Гоготур и Апшина» в очень малой дозе. Все это, однако, несколько не меняет нашего общего впечатления.

В изучении мифологических корней поэзии Важа Пшавела, как уже было сказано, у Тамаза Чхенкели есть предшественники, но такого обильного и богатого материала по исследуемому вопросу до сих пор не представлял никто. В то же время важнейшей заслугой автора следует считать даваемую им точную квалификацию художественной функции этого материала. Здесь ясно показано, в каких дозах пользуется этим материалом гениальный поэт и какие художественные задачи в его творчестве требуют этого материала для своего решения.

Учитывая все вышесказанное, несколько неожиданным выглядит, на наш взгляд, следующее утверждение автора: «Сомнительно, чтобы 27-летний Важа до конца осознал мифические возможности «Алуды Кетелаури», в важнейших пассажах которого интуиция великого художника нового времени сочетается с древнейшими мифическими представлениями, позволяя тем самым в грандиозных поэтических масштабах отобразить глубину преобразования человека и его возвышение над повседневностью». Здесь нельзя не вспомнить известного замечания Гегеля относительно ошибочности утверждений о том, что подлинный художник в процессе творческого использования материала руководствуется одной лишь интуицией. Критические статьи самого Важа ясно говорят в пользу этого мнения.

Не исключена возможность того, что, именно выдвигая интуитивное проникновение на передний план, автор книги упустил из виду одну характерную особенность Важа Пшавела, как в высшей степени своеобразного художника. Здесь уместно было бы, пожалуй, сослаться на одно тонкое наблюдение А. Гацерелия: «Важа Пшавела с точки зрения своего времени оценивает всевозможные пред-рассудки пшавов в этнографических очерках. Однако в поэзии он осуществляет художественную фиксацию пшавских представлений, проводя их через соответствующую психологическую призму духовного состояния своих героев, причем делает это безо всякого авторского вмешательства и скептических замечаний». Это высказывание известно автору «Трагических масок», но в данном случае, как видно, он разделяет точку зрения С. Данелиа и К. Зелинского, в соответствии с которой мифологические проникновения Важа Пшавела воспринимаются как реликтовое чудо, а сам он объявляется «последним великим поэтом первозданного детства человечества».

При такой односторонней оценке, практически исключающей факт частич-

ного перевоплощения современного поэта в соучастника процесса мифотворчества и его художественной реализации, легко можно было бы опуститься до уровня тех неглубоко разобравшихся в сути дела исследователей, которые объявляли Важа Пшавела отсталым мыслителем или даже просто примитивистом.

Мы здесь не станем подробно останавливаться на данном вопросе, ибо он составляет предмет специального исследования, но отметим, что при точном отображении мифологических представлений, на наш взгляд, важнейшую роль должна играть та необычайная способность к перевоплощению, которой обладал сам Важа. Подобно зрителю античной трагедии, наделенному даром ретроспективного восприятия, он внутренне усвоил трагические коллизии, разыгрываемые во время творческого акта на мифической почве, и создал тем самым иллюзию глубокой убедительности. В данном случае еще полнее и ярче проявляется могущество таланта Важа Пшавела, позволившего ему с полным основанием стать в один ряд с величайшими поэтами человечества.

Саргис ЦАИШВИЛИ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ АНТИМЕ ИВЕРИЙСКОМ

Грузино-румынские культурные связи имеют глубокие корни. Истоки этой дружбы связаны с именами таких деятелей культуры, как Антим Иверийский, Михай Иштванович, Виссарион Габашивили (Бесики), Иоанэ Гедеванишвили и другие.

Известно, что грузины-воины были участниками русско-турецкой войны. Известный русский военачальник граф Минних писал, что 30 сентября 1739 года, когда он вошел с войском в Ясы, с ним были целые подразделения грузин.

Академик Константиnescу-Яшь в своей книге «Румыно-русские культурные связи в прошлом» целую главу посвящает памятникам архитектуры и искусства Грузии и Румынии. Он находит большое сходство в архитектуре, скульптуре и особенно в декоративных элементах.

«Дружба наших народов, — писал крупный румынский ученый Д. Манжерон, — началась еще в седую старину, когда с отрогов Кавказских гор до

нас доходили философские идеи Ефрема Мцире, Арсена Икалтоели, Иоанна Петрици, когда в народе нашем стала известна жемчужина грузинской литературы — бессмертная поэма «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели».

Большое влияние на развитие культурных связей между грузинским и румынским народами имела деятельность Антима Иверийского.

Деятельности Антима Иверийского посвятила свою монографию Ф. Джинджихашвили (Антим Ивериели, Тбилиси, 1967).

Не будет преувеличением, если мы скажем, что недавно выпущенная издательством «Мецниереба» книга Отара Гвинчидзе «Антим Ивериели»¹ — знаменательная веха на пути грузино-румынского научного и культурного сотрудничества. Жизнь и деятельность Антима Иверийского, отдаленные от нас более чем на два с половиной столетия и став-

¹ О. Ш. Гвинчидзе, Антим Ивериели, Тбилиси, 1973, 396 стр. (на груз. яз.).

шие предметом скрупулезного исследования О. Гвинчидзе, дали автору богатый материал, удивительно созвучный современной эпохе крепнущих между нашими народами контактов.

В конце XVII — начале XVIII века в южной части современной Румынии, что лежит между Карпатами и Дунаем, в так называемом Валашском княжестве, возникает очаг книгопечатания, живительное воздействие которого вскоре сказалось на культурной жизни не только Румынии, но и России, Грузии и всего восточного мира.

Зачинателем печатного дела в Валахии и создателем там культурного центра всего Ближнего Востока был не кто иной, как Антим Иверийский, выходец из Грузии, универсальная одаренность которого под стать размаху гигантов итальянского Ренессанса. Он счастливо сочетал в себе дар художника, скульптора и зодчего, был отличным каллиграфом и гравером, кроме родного грузинского языка, владел греческим, румынским, старославянским, арабским и турецким. Кроме всего прочего, Антим Иверийский прославил себя как недюжинный политический деятель, посвятивший свою жизнь борьбе за освобождение Валахии от ига турок и их ставленников — фанариотов.

Жизнь не щадила Антима, заставив его пережить всевозможные потрясения. Он был похищен и увезен из Грузии в Турцию, где в качестве раба продан на невольничьем рынке Константинополя. После долгих мытарств в 90-х годах XVII века он попадает в Валахию, которая становится его второй родиной и за которую он отдал жизнь в 1716 году.

Не менее безжалостным к его памяти оказалось и время.

Правда, книги, изданные им, являются надежной гарантией его бессмертия. Однако многие моменты его жизни, от рождения (50-е годы XVII века) до гибели (1716 год), подернулись туманом и стали объектом противоречивых суждений и домыслов, подчас порочащих его доброе имя.

Перед О. Гвинчидзе прежде всего стояла почетная, но необыкновенно трудная задача — пролить свет на происхождение Антима, обрисовать довалахский период его жизни и деятельности. Трудность этой задачи заключалась в том, что в распоряжении исследователя не было какого-либо вновь обнаруженного источника или документа, доселе неизвестного научному миру и способного положить конец сомнениям, догадкам и предположениям, которыми так насыщена многочисленная литература, в той или иной степени коснувшаяся жизни и деятельности этого замечательного человека. Автору пришлось опери-

ровать всей совокупностью уже имеющихся в обиходе материалов и построениями на нем гипотетическими положениями и взглядами, ставшими традицией. Вот почему из всей совокупности современного исследовательского инструментария О. Гвинчидзе чаще всего приходится пользоваться логическими умозаключениями, доказательством от противного, обнаружением скрытых противоречий в предположениях своих предшественников. И в этом автор (надо отдать ему должное) преуспел. Догадки и наблюдения его не только остроумны, а порой блестящи и убедительны.

Когда-то английский философ Бэкон говорил о себе: «Я считаю себя созданным для исследования истины в большей степени, чем для всякого другого дела. Ибо я обладаю достаточной подвижностью духа, чтобы находить самое важное — сходство различных вещей, и достаточной выдержкой и вниманием, чтобы не упускать из виду даже самые тонкие различия. Во мне сочетаются порыв исследователя и выдержка сомневающегося, желание размышлять и робость утверждения, легкость догадки и тщательность группировки...». Именно эти черты ученого-исследователя проявлены автором «Антима Ивериели». Научная осторожность и такт присущи всем его догадкам и утверждениям.

Какие же загадки задала науке история подвижничества великого печатника-просветителя и каковы ответы на них, составившие содержание лежащей перед нами книги?

Уже само происхождение Антима Иверийского вызывало сомнения некоторых ученых. Было ли он действительно грузином или прозвище его «Иверийский» («Иверия» — название Восточной Грузии) связано с Иверским монастырем на Афоне? Автор находит неоспоримый довод в пользу версии о грузинском происхождении Антима. Собственно говоря, о своей национальности недвусмысленно заявляет сам Антим, который в изданной им на арабском языке книге называл себя «гурджи», что по-арабски означает «грузин». Таким образом, сам он трактовал слово «Иверийский», как определение своей национальной принадлежности. Это наблюдение автора надо признать весьма удачным.

Не менее убедительна версия О. Гвинчидзе о возрасте Антима в момент его похищения. Дело в том, что уточнение этого факта не является лишь данью хронологической скрупулезности. Оно дает ключ к восстановлению некоторых важных звеньев биографии Антима, в

¹ Л. Фейербах, История философии, т. I, стр. 87.

частности, приближает нас к верному ответу на вопрос: где овладел он искусством книгопечатания?

Предшественники О. Гвинчидзе поразному отвечают на этот вопрос. Одни полагают, что Антим был похищен в раннем детстве, другие — в юности. О. Гвинчидзе находит, как нам кажется, единственно верный подход к разрешению этой проблемы. По его мнению, не так важно установить точный (вплоть до годов и месяцев) возраст Антима, сколько выяснить, был ли он увезен из Грузии уже сложившейся личностью, несущей на себе стойкий отпечаток духовной определенности своего народа, его культуры и традиций, или это был ребенок, отрок, пусть даже юноша, словом, существо, сознание которого находилось в том неразвитом состоянии, когда достаточно бывает попасть в новую среду, чтобы как *tabula rasa* всецело отобразить лишь эту новую, до того чуждую ему культуру.

В поисках ответа на этот вопрос автор обращается к сравнительному анализу образцов румынского зодчества, сооруженных или реставрированных Антимом Иверийским, и грузинской архитектуры того времени. Оказывается, румынский монастырь «Всех святых», архитектором которого был Антим, несет на себе яркую печать влияния грузинской церковной архитектуры того времени, а именно: он воздвигнут на цоколе крупного профиля, введенном в строительную практику первоначально в Грузии и до того не встречавшемся ни в румынских, ни в готских сооружениях. Кроме того, сама внешняя отделка стен этого монастыря изобилует декором и орнаментом, необычными ни для румынской архитектуры, ни для византийского зодчества, тогда как они живо перекликаются с орнаментом таких грузинских памятников зодчества, как Никорцминда и Ишхани. Подобный же отпечаток грузинского влияния приобрел и другой румынский монастырь — «Козия», реставрированный Антимом. Несомненно, архитектор, свободно владевший художественным стилем и традициями грузинского зодчества, мог изучить их только на месте в Грузии и только в сознательном возрасте.

Не довольствуясь, однако, сравнением архитектурных стилей, О. Гвинчидзе тщательно сопоставляет орнаментальные мотивы оформления книг, изданных Антимом Иверийским в Валахии («Славянская грамматика»), с книгами, появившимися на свет в тбилисской типографии Вахтанга VI. Как известно, последние были отпечатаны не кем иным, как учеником Антима валахом Михаилом Иштвановичем, присланным Антимом в Грузию по просьбе Вахтанга VI. Орнаменты этих изданий схожи:

они повторяют одни и те же мотивы, характерные для грузинского искусства и известные в Грузии издавна. Этот факт, несомненно, свидетельствует о том, что Антим покидал Грузию человеком уже искусственным в ее художественных традициях.

В защиту своей версии О. Гвинчидзе приводит еще одно весьма интересное наблюдение. Будь Антим вывезен из Грузии в Константинополь в младенчестве, из него при дворе греческого патриарха в Константинополе сформировался бы человек с мировоззрением прогреческой ориентации, преданный греческой церкви. Ничего похожего мы не найдем в образе действий Антима на посту митрополита Валахии, посвященного в духовное звание еще при дворе иерусалимского патриарха. Напротив, Антим ведет неустанную борьбу против засилья греческой церкви в Румынии, вводит богослужение на румынском языке, дает решительный отпор притязаниям иерусалимского патриарха на главенство над валашскими церквами и монастырями.

В таком случае, как же объяснить неоспоримый факт продажи Антима-раба в Константинополе, выкуп его иерусалимским патриархом Досифеем? Наконец, где изучал Антим типографское искусство? Пока, к сожалению, мы не можем покинуть шаткой почвы предположений, пытаюсь ответить на эти вопросы.

Версия автора заслуживает внимания, логика ее безупречна, выводы обоснованы, но, разумеется, она не может быть объявлена истиной в последней инстанции. Да автор ее и не претендует на это. Главное — в другом: родилось новое толкование проблемы, и оно, несомненно, даст пищу новым размышлениям.

О. Гвинчидзе обращает внимание на тот факт, что Антим спустя всего семь лет по прибытии в Валахию издает там книгу русского филолога Смотрицкого «Славянская грамматика». Кроме знания старославянского языка, он выявляет прекрасное знакомство с русскими орнаментальными формами. Эти и многие другие наблюдения дают автору возможность предполагать, что Антим некоторое время до своего пленения жил в России, по-видимому, оказавшись там вместе с миссией царя Арчила. Он мог быть похищен на обратном пути в Грузию горцами и привезен в Константинополь. Кстати, ремеслом печатника он мог овладеть только в двух местах: в России или в Яссах. Всесторонний анализ автором тогдашнего состояния типографского дела в разных географических пунктах, где пришлось побывать Антиму, а также некоторые неоспоримые факты его жизни позво-

ляют исключить все другие предположения по этому поводу.

В книге О. Гвинчидзе находит наиболее полное отражение одна из интереснейших проблем истории книгопечатания в Грузии. Как известно, Антим Иверийский по праву может считаться одним из основателей первой грузинской типографии в Тбилиси в 1709 году. Экземпляр первой грузинской книги Евангелия, изданной в Тбилиси в том году, был переслан Антиму Иверийскому, который в свой черед преподнес ее валахскому господарю Константину Брынковяну с благодарственной надписью от имени грузинского народа. Однако до сих пор остается тайной, каким образом связанся Вахтанг VI с Антимом и почему в опечатанных в Тбилиси книгах не упоминается имя последнего? Автор сопоставляет все ныне существующие в науке версии с точно установленными фактами жизни и деятельности Антима и одну за другой отбрасывает их, как несостоятельные. И лишь учтя всю совокупность наших сведений о той исторической ситуации и о событиях, участником коих был Антим, О. Гвинчидзе приходит к заключению, что вероятнее всего связь Вахтанга VI с Антимом была налажена во время поездки брата царя Доментия в Валахию. Отсутствие же имени Антима Иверийского в первых книгах тбилисской типографии объясняется традицией того времени, согласно которой, кроме царствующих особ, упоминались обычно только непосредственные участники издания книги: редакторы, корректоры и печатники. Это доказывается сравнением грузинских книг с книгами, изданными в Халебе и Рымнике, где типографии (что является бесспорным фактом) были также основаны Антимом Иверийским.

Две последних главы книги посвящены политической деятельности Антима Иверийского. Митрополит Валахии, второй человек государства после господаря, Антим оставил неизгладимый след в истории национально-освободительной борьбы румынского народа. Летом 1711 года, когда русские войска, предводительствуемые Петром I, вошли в Молдавию и готовились к столкновению с турецкой армией, Антим Иверийский выступил организатором тайного совещания бояр в Гура Урлацлоре с целью нейтрализации двойственной и нерешительной политики господаря Брынковяну и оказания всяческого содействия русскому императору в его войне с порабителителями валахов.

Однако участие и роль Антима в созыве гураурлацлорского совещания стали в историографии проблемой. Ведь с целью конспирации заговорщики не оставили никакого документа, могущего прояснить истинное положение вещей. Опять-таки анализ известных фактов и их взаимосвязи помогают автору воссоздать образ Антима Иверийского-политика, его позицию в событиях 1710—1711 гг.

Так же убедительно О. Гвинчидзе объясняет деятельность Антима в последний год жизни, когда его борьба против кровавой тирании господаря из фанариотов Николая Маврокордата продиктовала ему тактику использования победы австрийского оружия под Петервардайном 5 августа 1716 года.

Антим Иверийский погиб как истинный патриот Валахии, заслужив любовь и уважение благодарных потомков.

Не умаляя многочисленных достоинств книги О. Гвинчидзе, хотелось бы высказать некоторые замечания. Нам кажется, что автору следовало дать отдельной главой общую картину грузинорумынских культурных взаимоотношений, о которых мы упомянули в начале этой рецензии. Книга от этого только выиграла бы.

В книге, изданной на грузинском языке, дается резюме на русском. Нам представляется неправомерным употребление в русском тексте грузинской транскрипции прозвища Антима — «Ивериели». Дело в том, что, согласно давно установившемуся во всемирной историографии правилу, прозвища исторических деятелей, в отличие от их фамилий, всегда переводятся, так как несут в себе определенное содержание, способствующее правильному пониманию образа его носителя. Так, по-грузински мы говорим: «Александрэ невели», «Иванэ мрисханэ», по-русски — «Давид Строитель» и т. д. «Иверийский» — это прозвище, указывающее на родину Антима. На румынском оно звучит, как «ивериану», на французском «d'Ivery» и т. д. Употребляя в русском «Ивериели», мы, вместо того чтобы подчеркнуть грузинское происхождение Антима, затушевываем его не всем понятным суффиксом «ел». Неровен час, какой-нибудь исследователь примется искать в разноязычной литературе некоего «Ивериели». Понятно, что толку от этого будет не много. Поэтому мы и решили в нашей рецензии указать на это, присущее и другим авторам, заблуждение.

**И. ТАБАГУА,
А. ЧОХЕЛИ.**

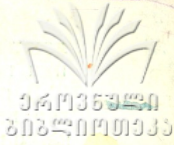
Сдано в производство 4 июля 1974 г. Подписано к печати 26 сентября 1974 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ 2618

Тираж 4000

ЭЭ 00139

6 1/83

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა

1983 წ.

№ 1